Светлана Бестужева-Лада

БРАК ПОД КОРОНОЙ

Любовный детектив

Светлана Игоревна Бестужева-Лада

Брак под короной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11960560
ISBN 978-5-4474-2670-5

Аннотация

Закадычная подруга внезапно дарит молодой женщине Елене путевку на неделю в Париж. При этом Елена должна передать человеку, о котором ей ничего не известно, какое-то письмо и получить ответ.

Невинное путешествие обернулось настоящим детективом: сначала во Франции, а потом в России. В результате, чудом пройдя через все приключения, Елена по страстной и взаимной любви становится женой богатого французского аристократа.

Содержание

Глава первая. Это сладкое слово «халява» 5
Глава вторая. Немного истории 41
Глава третья. Дунька в Европе 82
Глава четвертая. О пользе некоторых страхов 126
Глава пятая. «Мы с вами где-то встречались…» 161
Глава шестая. Здравствуйте, приехали! 200
Конец ознакомительного фрагмента. 227

Брак под короной
Любовный детектив
Светлана Игоревна Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая. Это сладкое слово «халява»

Чудовищное сплетение самых невероятных событий, обрушившееся на меня за последний месяц, оказалось возможным лишь благодаря моему умению оказываться именно в том месте и именно тогда, где и когда это делать категорически противопоказано. А если совсем точно – опасно для жизни. Моей, разумеется.

До сих пор это самое «умение» приносило мне только мелкие неприятности. Например, если на полупустой улице оказывалась одна-единственная лужа, то именно меня из нее и обрызгает невесть откуда взявшаяся машина. Или нужная мне вещь (продукт питания) закончится именно передо мной. «Коронка» подобных неприятностей случилась, когда на мне кончился наркоз и одну неприятную процедуру пришлось проводить «по живому».

Но теперь выяснилось, что я просто не знаю, какие неприятные (мягко говоря) ситуации на само деле бывают в жизни. Заодно убедилась в том, что Бог меня действительно любит, а контингент его любимчиков известно из кого состоит: из юродивых и дурачков.

До первых я еще не дошла, а вот для второй категории, как выяснилось, оказалась в самый раз. Удовольствия мне

это открытие, прямо скажу, не доставило. Хотя в процессе получения неприятностей, точнее, в его начале, я, по-видимому, в качестве аванса или компенсации, испытала определенное удовольствие. Если точнее – реализовала свою давнюю, хрустальную, лазоревую заветную мечту.

А началось все с обычного телефонного звонка. Хотя, если честно, не совсем обычного. Позвонила моя ближайшая подруга Анастасия, она же Ася, и заявила:

– Елена, спасти меня можешь только ты. Вопрос жизни и смерти.

Надо знать Асю, чтобы понять всю неординарность момента. Подобные фразы абсолютно не в ее стиле. Скорее уж к такой патетике склонна я, а моя подруга являлась и является для меня образцом здравого смысла и практичности. И вообще – умения держать себя в руках даже при чрезвычайных обстоятельствах.

Как-то раз, например, я позвонила ей и мне показалось, что не вовремя. Но Ася спокойно ответила на какие-то мои ерундовые вопросы, а потом не менее спокойно сказала:

– Извини, я тебе попозже перезвоню. У меня тут небольшая неприятность, которую надо уладить.

И положила трубку, пока я не стала со свойственным мне любопытством домогаться, что там у нее произошло. Я немного обиделась, потом пожала плечами и думать забыла об этом эпизоде.

Но через неделю Ася позвонила сама, извинилась за «на-

кладку» во время последнего разговора, и рассказала, что у нее произошло. Я слушала ее, не в силах произнести ни слова от сковавшего меня удивления пополам с восхищением выдержкой подруги.

Выяснилось, что под «небольшой неприятностью» она имела в виду падение собственного мужа с лестницы в тот момент, когда он мчался во двор, обнаружив, что любимая автомашина бесследно испарилась прямо из-под окна. В результате сломал ногу, улегся в больницу на вытяжение, а сама Ася занялась поисками исчезнувшей машины.

Все кончилось хорошо: больница была закрытая и дорогая, поэтому нога срослась довольно быстро и без осложнений. Машина тоже нашлась всего лишь через четыре дня, что вообще невероятно. Не сама по себе, правда, и даже не при помощи милиции, а в результате целенаправленного прочесывания лично Асей всех дворов в радиусе пяти километров. Таковы были «небольшие неприятности» в понимании моей подруги. Хэппи энд.

Если учесть, что при этом она каждый день навещала мужа в больнице, да к тому же работала, то картина вырисовывается и вовсе невероятная. Тем не менее, абсолютно в Аськином стиле.

Что же, черт возьми, могло произойти, если Ася утверждает, что речь идет о жизни и смерти? По телефону говорить об этом она отказалась наотрез и предложила приехать ко мне и все обсудить. Причем приехать и обсудить немед-

ленно, а не на следующей неделе или даже завтра.

По-видимому, дело действительно было серьезным, если пунктуальная, не терпящая сюрпризов и экспромтов Ася, которая, к тому же, принципиально никуда не торопится и не опаздывает, готова бросить все текущие заботы и ехать ко мне. Пусть и на машине, но почти на другой конец города.

Был в этом предложении и еще один нюанс: Ася собиралась приехать ко мне, а не к ней, или встретиться в каком-нибудь нейтральном месте, как это обычно бывало. Что тоже было странно: Ася и мой муж друг друга, мягко говоря, не переносят. Полная и абсолютная взаимность, ни на йоту не поколебленная за всю мою супружескую жизнь.

Чем они так не понравились друг другу с первого же взгляда – ума не приложу. Вроде бы интеллигентные, воспитанные люди, одного круга, с одними и теми же морально-этическими критериями. И – на тебе. Неприязнь буквально аллергического характера. Хоть к врачу за лекарством обращаться.

Ася не принадлежала к категории женщин, которые обожают кокетничать с мужьями подруг, пусть даже и лучших. Мой супруг к женщинам относился скорее положительно, чем отрицательно, хотя всем дамам на свете (включая меня) предпочитал старый, добрый футбол-хокей по телевизору с кружкой пива, или тот же напиток в редкие «банные дни» с друзьями. Но Асю он невзлюбил практически сразу, хотя внятно объяснить мне – почему, так и не смог.

Ася тоже плохо переносила общество моего супруга, хотя к мужчинам относится с большой приязнью и, насколько мне известно, не считает соблюдение супружеской верности добродетелью, а ее нарушение – смертным грехом.

Подробностей я, конечно, не знаю, не тот Аська человек, чтобы делиться интимными вещами, но алиби ей, если в этом возникала необходимость, исправно обеспечивала. Думаю, что если бы я попросила ее об аналогичной услуге, проблем бы тоже не возникло. Но пока у меня не возникало подобной потребности (тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить).

Впрочем, эта взаимная неприязнь, эта невидимая война Алой и Белой Розы, ведущаяся с соблюдением всех приличий и светскости, придает нашей с Асей многолетней дружбе определенный налет романтизма – запретный плод, как известно, сладок. Пардон за банальность. Тем более, что другими близкими подругами или хотя бы приятельницами, мне к тридцати годам так и не удалось обзавестись.

Частично это объяснялось моим воспитанием. В детский сад я никогда не ходила, все каникулы, в том числе, и летние, проводила исключительно в Опочках, у своей бабушки, поскольку никто и слышать не хотел ни о каких пионерских лагерях. Я не роптала: из развлечений там имелся велосипед, качели за домом и сельская библиотека, причем роскошная.

Я не преувеличиваю, в ней сохранились даже книги из какой-то барской усадьбы, почти сплошные раритеты. А остальное – примерно две трети – лучшие произведения

отечественной и художественной литературы. Вся моя невероятная начитанность – это исключительно результат регулярного проведения времени на качелях за домом с книгой в руках.

На велосипеде же я совершала довольно длительные прогулки, представляя себе, что скачу верхом на породистой лошади по просторам собственной усадьбы. К сожалению, моих сверстников там не было, поэтому я с детства довольно необщительна и замкнута, что ужасно огорчало мою бабушку.

– Вот ты сидишь за одной партой с Юлией, – начинала она к примеру. – Она хорошая девочка?

– Нормальная, – пожимала я плечами.

– А кто ее родители?

– Не знаю, – честно отвечала я.

– Ну разве можно быть такой нелюбопытной?! А живет она где?

– Где-то недалеко от школы.

– Ты с ней дружишь?

– Нет, только иногда по телефону уроки друг у друга узнаем.

– А с кем ты дружишь?

Это был самый сложный вопрос, потому что я, в общем-то, ни с кем не дружила в том плане, в котором эта понимала бабушка. Хотя училась я в классе с гуманитарным уклоном и там преобладали девочки, я предпочитала двух

мальчишек из математического класса. С ними можно было поговорить о чем угодно, один из них писал замечательные стихи, а второй знал массу забавных историй. Иногда после школы мы задерживались в вестибюле и трепались там, пока нянечке это не надоедало. Но назвать все это дружбой я не могла при всем желании.

Я никогда не была в пионерском лагере, практически не ходила в детский сад: родители отыскали для меня большую редкость в то время – частную группу для детишек от двух до семи лет, которую вела какая-то интеллигентная дама без определенного возраста. Нас там было то ли семь, то ли восемь человек, и каждый занимался тем, чем хотел – хотя и в строгих рамках приличия. Рука у дамы была железная, и хотя она никогда никого из нас пальцем не тронула, мы ее боялись, как огня.

Когда я пошла в первый класс, мне показалось, что меня выпустили из клетки в открытый вольер. Я всегда была застенчивой, к тому же отец – военный инженер – воспитал во мне преклонение перед дисциплиной, исполнительностью и соблюдением ежедневного расписания. В общем, четверки у меня в дневнике были большой редкостью, в основном по техническим предметам, которые мне давались туговато.

В результате я просто заучивала наизусть главы из учебников физики и химии. Про математику лучше вообще не вспоминать: я усвоила четыре арифметических правила и могу подсчитать процент. Остальную премудрость типа ал-

гебры, геометрии и даже тригонометрии напрочь выветрились у меня из головы на следующий же день после выпускных экзаменов.

Зато литературу и историю я просто обожала и готова была заниматься ими денно и нощно. В результате при поступлении в институт я набрала двадцать баллов из двадцати возможных и имела право сама выбрать тот восточный язык, который желала изучать. Я выбрала арабский. Вот только сейчас не могу вспомнить, что послужило основанием для такого экзотического выбора. Разумнее было бы выбрать японский, но я всегда была крайне непрактичной.

Когда мы познакомились и подружились с Асей, она нередко напоминала мне об этом: ей-то пришлось учить тот язык, который ей достался. Бирманский. При всем своем практицизме, Анастасия так и не нашла ему применения в деловой жизни. Зато английский учила как зверь, чувствовала – пригодится, да еще как!

Когда я закончила школу с серебряной медалью и поступила с первой попытки в престижный институт, куда девочек вообще брали крайне неохотно, мои родители подарили мне встречу с морем. Они повезли меня в Алупку, где у них были какие-то знакомые, обещавшие устроить недорогое жилье. Поехали, разумеется, «дикарями».

Знакомые нашли для нас комнатку с верандой на окраине города, буквально в двух шагах от моря, причем хозяева разрешили пользоваться их кухней и кое-какой утварью.

То есть устроились мы, в нашем понимании, по-царски. А я вообще находилась в состоянии непрерывной эйфории с тех пор, как увидела настоящее море.

Конечно, основное время мы проводили на пляже, но иногда приходилось выбираться в город за продуктами и прочими нужными мелочами. Пройти туда можно было либо быстро, но по пыльным и знойным улочкам, либо в два раза медленнее, но по прекрасному парку. Вот в этом-то парке все однажды и случилось.

У меня попал камешек в туфлю, я остановилась, чтобы его вытряхнуть, а родители, не заметив этого, пошли дальше. Только я собралась пуститься за ними вдогонку, как вдруг, словно из-под земли выросла цыганка средних лет и обратилась ко мне:

– Красавица, позолоти ручку, все будущее тебе открою.

У меня в кармане была только какая-то мелочь, сдача от сделанной покупки, и я довольно демонстративно вывернула карман и показала гадалке всю свою наличность. Мизерность суммы ее не смутила. Сейчас, по-моему, таких цыганок уже не осталось, они медленно, но верно деградируют в аферисток и обманщиц. Но та осталась вполне довольна: мелочь исчезла из моей ладони, словно по волшебству, а цыганка взяла мою руку и стала быстро говорить, глядя на мою ладонь:

– Ох, красавица, и причудливая же у тебя судьба! Два мужа будет, из благородных, двое сыновей законных,

но не от мужа. Через горькое несчастье пройдешь, покой найдешь, через обман пройдешь, свою долю найдешь, счастлива будешь под короной, и горя уже долго потом не познаешь. Все сбудется, только крови берегись, кровь для тебя – как вестник беды. А не будет крови, значит, и беда стороной пройдет…

Она бы рассказала еще что-нибудь интересное, но тут спохватились мои родители и увидели, что их ребенок попал в лапы цыганки. Естественно, они помчались меня выручать, но это не понадобилось: цыганка исчезла так же мгновенно и таинственно, как и появилась, оставив меня в состоянии легкого шока и глубокой задумчивости.

– Что она от тебя хотела? – спросила мама, задыхаясь не столько от бега, сколько от беспокойства. – Она тебе ничего не сделала?

Я покачала головой.

– Что-нибудь она просила? Денег, конечно?

– Да, – ответила я, – но у меня в кармане была какая-то мелочь, я ей и отдала.

– Слава Богу, что у тебя в кармане не оказалось десяти рублей! Она бы и от них не отказалась.

– Ей и мелочи хватило, – рассеянно сказала я, думая о странном предсказании.

– И что она тебе нагадала? – скептически спросил отец. – Дальнюю дорогу, казенный дом и короля на сердце?

– Я не совсем ее поняла, – честно ответила я. – Она гово-

рила о каких-то двух мужьях-аристократах, о двух сыновьях и счастье под короной.

Отец с матерью расхохотались:

– Ну, конечно же замуж ты выйдешь за принца крови или за князя. А как же иначе! И счастье обретешь, естественно, под короной. Она не сказала, что ты монархию русскую восстановишь?

Иной реакции от родителей и ожидать-то не приходилось. Коммунисты, атеисты, не верящие ни в какие приметы и суеверия, что они могли еще сказать? Но в моей тогда еще юной и романтической головке предсказание гадалки нашло свое довольно прочное место, и волей-неволей при всяких важных событиях я о нем вспоминала.

Одноклассники – за редчайшим исключением – покинули родину в поисках лучшей доли, а в институте всех возможных кандидаток на роль подруги практически мгновенно отсекала Ася. В принципе, все женщины в той или иной степени ревнивы, но у моей подруги это чувство явно зашкаливало за разумные пределы. Некоторые наши знакомые даже всерьез подозревали нас в нестандартной ориентации, хотя уж это была полная чушь. Кроме меня, Ася остальных женщин только терпела.

Кстати, единственный человек, которому я рассказала о странном пророчестве, была Ася, причем разоткровенничалась я уже после довольно долгого срока нашей дружбы. Помню, она очень веселилась такому нестандартному набо-

ру и время от времени мне о нем напоминала.

А уж когда я вышла замуж, насмешки стали вообще изощренными: мне оставалось только родить двоих внебрачных детей и после этого смело выходить замуж за принца Уэллльского, благо у него нелады с законной супругой и он вот-вот разведется. Ну, и я, по-видимому, разведусь, если мне положено два супруга. Как узнал о гадалкиных откровениях Сергей – понятия не имею. Но – узнал и тоже время от времени ехидничал.

Естественно, узнав о предстоящем визите моей подруги, муж, как нарочно оказавшийся в этот день дома и мирно читающий какой-то журнал, лежа на диване, скроил соответствующую мину, демонстративно взял поводок и повел Элси на прогулку, сказав, что вернется не скоро, погода благоприятствует.

Я от комментариев воздержалась. Ну что ж, хоть кому-то будет польза от этой дурацкой неприязни: в противном случае бедной псине пришлось бы дожидаться променада еще часа три, не меньше.

Кстати, Элси – это рыжий ирландский сеттер, наша общая любимица, причем довольно сообразительная, хотя специально ее никто не дрессировал. И медалей на собачьих выставках она никаких не имеет, потому что нам в голову не приходило тащить собачку на подобные мероприятия. Для этого, как мне кажется, нужно иметь железные нервы не только собаке, но и ее хозяевам, а мы подобным качеством

похвастаться не могли. Все трое.

Ася появилась неправдоподобно быстро – на помеле, что ли, прилетела? – и с порога потребовала у меня сигарету, потому что свои выкурила по дороге. Полпачки. Еще один сюрприз: на моей памяти Анастасия никогда ничего не доводила до последнего и всегда имела пару запасных вариантов – для подстраховки. Впрочем, одним из таких вариантов как раз и могло быть то, что в нашем доме сигареты были всегда, даже если не было хлеба.

Я – никотиновая наркоманка, и при необходимости делать выбор между сигаретой и кем-то, альтернативы табачной палочке у меня нет. Конечно, я могу потерпеть час или два, если общаюсь с посторонними некурящими людьми, но потом все-таки нахожу способ куда-нибудь укрыться и спастись от никотинового голодания.

Сигарету я, разумеется, дала. Ася сделала затяжку, закашлялась, смяла окурок, если можно так назвать почти целую сигарету (если она и по дороге ко мне курила таким манером, то странно, что ей хватило полпачки) и задала несколько странный вопрос:

– Ваша квартира не прослушивается?

– Конечно прослушивается! – радостно согласилась я. – Со всех сторон. А еще просматривается – из дома напротив.

– Дура! Я не о соседях за стеной спрашиваю, а серьезно.

– От дуры слышу! – находчиво отпарировала я. – Кому нужно нас прослушивать? Ты начиталась шпионских рома-

нов, моя дорогая. Или просто переутомилась.

Действительно, только в очень воспаленном воображении могла возникнуть идея о прослушивании квартиры двух абсолютно младших научных сотрудников, один из которых занимается проблемами океанологии (мой муж), а другой – вопросами средневековой арабской истории (ваша покорная слуга).

Если мы и владели какими-то государственными тайнами, то все они уже давно проданы нашим начальством за валюту кому следует. Что же касается коммерции или там финансовой деятельности, которая могла бы привлечь к нам интересы конкурентов или криминала, то мы ею отродясь не занимались, жили на зарплату и какие-то мизерные приработки. И вообще самая дорогая вещь в нашем доме – это Элси, не считая меня, конечно. За все остальное и ста долларов не дадут.

Другое дело – моя подруга. Муж – банкир, может представлять какой-то интерес для конкурентов или рэкетиров. Во всяком случае, криминальными сюжетами о людях его профессии переполнены все средства массовой информации. Оно и понятно – большие деньги, большой профессиональный риск. Я, правда, почти точно знала, что с криминальными элементами этот банк не связан, но стартовый капитал для его открытия был собран некоторыми действиями на самой грани закона. То есть тогда, когда законы еще не догнали реальную действительность.

Да и сама Ася, переводчик высочайшего класса, зарабатывает за месяц больше, чем мы с мужем – за год. Но и в этом случае вопрос о прослушивании квартиры был достаточно дурацким. У нас банкиров просто отстреливают, не тратясь на всякие технические прибамбасы, вроде «жучков» в торшере.

Хотя, возможно, Ася именно потому и примчалась сюда, что в собственной квартире не чувствовала себя в безопасности. Тогда – милости прошу, чем могу – обязательно помогу. Но шпионские страсти меня не касаются ни с какой стороны, равно как и организованная преступность или контрабанда.

Примерно так я все и изложила, но Ася пропустила это мимо ушей. В том числе и мою вопиющую бестактность относительно возможного конца ее супруга.

– Ладно, это к делу отношения не имеет, – отмахнулась она. – Скажи, ты можешь освободиться на работе на неделю? Совсем туда не ходить?

Вопрос, конечно, интересный. При нынешней ситуации я могла не появляться в институте месяцами – никто бы и ухом не повел. Все, кто мог, уже сбежали на более хлебные места, оставшиеся занимались чем угодно, только не научной работой, и где угодно, только не на рабочем месте.

Впрочем, у нас и в застойные-то времена надо было присутствовать два дня в неделю: попасть на работу в Академию Наук было заветной мечтой каждого бездельника. Уди-

вительно, что при таком их количестве советская наука все-таки развивалась, причем неплохо. А если подумать, какой скачок мог произойти, если бы количество сотрудников этого почтенного заведения переросло в качество… Даже представить себе невозможно!

Как невозможно представить человеку со стороны, что представляет из себя защита так называемой «кандидатской диссертации». А тут, право, есть над чем призадуматься или… посмеяться. Но об этом – как-нибудь в другой раз, поскольку описание этой процедуры тянет, как минимум, на два тома мелким шрифтом.

Скажу только, что испытания, через которые проходит жаждущий «остепениться» человек – изощренно-бессмысленны. Это такой ритуал, в котором главное – скрупулезно соблюдать все правила игры. Главное – найти тему диссертации, влиятельного руководителя и учреждение, где есть Ученый совет. И написать ровно столько страниц текста на академическом жаргоне, сколько положено – ни больше и не меньше, хотя читать ваш опус скорее всего никто и не будет. Потому, что содержание вашей диссертации никого (кроме вас) не интересует.

Если диссертацию, особенно кандидатскую, допустили к защите, считайте, что на 99,9% все в порядке. Единственное, что требуется – вести себя уверенно и спокойно (но не нагло!). Главное, чтобы ученый совет не проснулся. Для этого нужно говорить глухо, монотонно и неразборчиво.

Понимаю, что тут же возникает естественный вопрос: если диссертацию никто не читает, а на защите – никто не слушает, то на кой черт все эти регламентированные мучения? И что они дают для науки? Отвечу: наука тут обычно не при чем, дело в привилегиях.

Когда-то это было, во-первых, ощутимой прибавке к жалованию, причем практически пожизненной. Во-вторых, отпуск продлевался до 36 рабочих дней у кандидата и до 48 у доктора наук. В-третьих, появлялся один шанс из 100 тысяч стать впоследствии, академиком. В денежно-вещевую лотерею люди играют с куда меньшими шансами. Как говорится в научном фольклоре: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом стать обязан».

Мы с мужем оба были кандидатами наук, что давало нам право довольно свободно манипулировать своим временем. Особенно мне – океанология все-таки наука прикладная, а не гуманитарная, и уйти в кино с экспедиции в Тихом Океане довольно проблематично. Для меня таких трудностей просто не существовало. Но что, интересно, задумала Аська? Зачем ей понадобилось знать о моем рабочем графике?

– Наверное, смогу, – осторожно ответила я. – А зачем?

– Съездишь в Париж, – деловито сказала Ася, как будто предлагала мне в ближайший выходной смотаться в Малаховку на толкучку.

– Почему не в Рио-де-Жанейро? – съязвила я. – При моих заработках мне все равно хватит только на такси до Шере-

метьева.

– Потому что путевка у меня в Париж.

Вывести подругу из равновесия мне никогда не удавалось. Так что все мои язвительные комментарии я делала исключительно для собственного удовольствия. Тем более, я все еще не понимала смысла Асиного предложения и вообще, как сказала бы нынешняя молодежь, «не срубила фишку».

– Ну и поезжай, если купила, – пожала я плечами. – Или я тебе там понадобилась в качестве переводчика? Так во Франции, по-моему, английский понимают не хуже, чем у нас.

– Сама я ехать не могу. Мне за эту неделю нужно исчезнуть со всех глаз долой и кое-что сделать. В том числе, и за границей. Раздвоится же я, как ты понимаешь, не могу.

– Дорогая моя, но я же ничего в твоих делах не смыслю, – пожала я плечами. – Неужели у тебя нет нормального помощника?

– Такого, которому я полностью доверяю – нет, – отрезала Ася. – Да в данном случае он и не нужен. В Париже с делом справится кто угодно, лишь бы долетел благополучно туда и обратно. Между прочим, я тебе не из дома звонила, а из одного кафе по дороге. Наш телефон прослушивают однозначно, мобильным пользоваться тем более опасно. Да у тебя его и нет, кстати.

Приехали! Здравствуй, паранойя, я твой тонкий колосок… Кажется, мания преследования характерна именно

для этого душевного заболевания. Где-то у меня был записан телефон знакомого психиатра. Надо бы найти, все-таки ближайшая подруга…

– Ты бы объяснила все толком, – почти жалобно попросила я. – Если сумеешь, конечно.

– Попробую, только, это вообще очень сложное и запутанное дело, в подробности которого тебе вдаваться нет никакого смысла. А в Париже мне нужно кое-что передать одному человеку и кое-что получить у него в обмен. Здесь на эти… документы тоже есть охотники, но они не знают, где я их храню. Но догадываются, что вот-вот останутся с носом. Поэтому если они хоть что-то заподозрят, меня в лучшем случае просто похитят. Или, может быть, убьют. Поэтому поедешь ты и передашь документы.

– А ты?

– А займусь своими собственными делами, только в твоем обличии, и когда ты вернешься, все уже будет нормально. Пусть эти бандиты друг друга перережут от досады!

– Прямо Чейз! – восхитилась я. – Хоть собственный детектив пиши. Не знаю, как бандиты, а я уже, считай, в шоке. Есть только одно маленькое «но»: у меня, понимаешь ли, заграничный паспорт просроченный. Делала его шесть лет назад в надежде на какие-то чудеса, но… так и не сложилось.

– Неважно. Полетишь по моим документам. А свой паспорт дай мне, я его обновлю без особой волокиты.

Я онемела от изумления. В нашей паре буйство фантазии

всегда было моим коньком. Ася специализировалась на трезвой рассудительности и хладнокровии.

– Я все продумала, – невозмутимо продолжила она. – Некоторое сходство у нас с тобой есть, только ты шатенка, а я – блондинка, но обе носим дымчатые очки и примерно одного роста и телосложения…

– Честно говоря, не вижу между нами особого сходства. Хотя бы цвет волос…

– Не проблема, есть парики, ты станешь блондинкой, а я – шатенкой. Немножко грима, конечно, но я помогу, ты же от меня в аэропорт поедешь. А они пусть думают, что я улетела. И руки у меня будут развязаны.

– А если меня тормознут на контроле из-за некоторого несходства фотографии и личности?

– Да туристические группы вообще пропускают почти автоматически, даже без особого досмотра.

– А если досмотрят?

– Не глупи, я же не предлагаю тебе везти контрабанду. Передашь письмо одному человеку в Париже. И все остальное время будешь наслаждаться жизнью. На халяву. Ты можешь сама купить такой тур?

Разумеется, не могу. А великое слово «халява» вообще действует на наших граждан (а следовательно – и на меня) совершенно волшебным образом. На халяву можно взять абсолютно ненужную вещь и совершить самый бессмысленный поступок. А уж смотаться в Париж – город моих грез! – надо

быть полной идиоткой, чтобы отказаться от такой возможности.

Ася интуитивно (или сознательно) выбрала чуть ли не единственную точку на земном шарике, куда я не то, чтобы полетела – бегом и босиком побежала бы. Сколько живу, столько мечтаю попасть в этот город. И вот – пожалуйста, заветную мечту принесли на блюдечке с голубой каемочкой.

И плевать мне на таможню, таинственных злоумышленников и загадочные документы. Возможно, Ася просто прокручивает какое-то важное дело, причем не только в Москве, и поэтому действительно не может разорваться пополам. Так для этого и существуют лучшие подруги! Тем более, мое дело вообще телячье: передать, получить и наслаждаться жизнью. Получить… А что я там должна получить?

– Не бойся, не наркотики, – прочитала Ася мои мысли. – Так, небольшой сувенир для меня. Привезешь в Москву и отдашь мне. Поняла?

– С третьего раза обычно даже я понимаю, – обиделась я. – Но все-таки еще один нескромный вопрос. Может быть, даже бестактный. А если вдруг мне там приспичит выпить чашку кофе? Или стакан воды? У меня нет не только загранпаспорта, но и валюты тоже, уж не взыщи. Париком, кстати, я аналогичным образом не обзавелась, все недосуг было.

– Нет проблем. Я была почти уверена, что ты согласишься, так что все уже приготовила. Вот мой, то есть твой паспорт с визой. Вот билет на самолет в оба конца. Вот путев-

ка туристической фирмы. И вот пятьсот евро. Не бог весть какие деньги, но на кофе тебе там хватит. Гостиница и питание оплачены… Правда, жить ты будешь явно не в «Рице», но оплачивать такое помещение я пока еще не могу.

Не бог весть какие деньги? Это – смотря для кого. На неделю мне щедрой рукой отваливали… больше моего полугодового заработка! Гостиница не первой категории? Господи, да после российских «отелей» любая ночлежка покажется комфортабельной.

Воистину, сытая голодную не разумеет, будь они хоть трижды закадычными подругами. Портят деньги отношения, и людей портят, вот что я скажу. Хотя… хотя сама от приличных денег не отказалась бы и уверена, что уж меня-то они не испортят. Скорее исправят, причем к лучшему.

– А что я скажу мужу? – задала я неизбежный вопрос.

Честно говоря, мне никакой серьезной версии в голову прийти не могло. Зато я прекрасно знала сколько версий, совершенно не соответствующих действительности, может моментально возникнуть у моего супруга. И как трудно будет потом доказать ему, что я не верблюд. Точнее – не верблюдица.

Самое обидное, что я никогда не давала ему поводов для ревности и вся моя жизнь для него была совершенно прозрачна. Тем не менее, он и в ней что-то находил к моему величайшему изумлению. Хотя, иногда мне казалось странным, что такая бешеная ревность никак не сопровождает-

ся пылкой любовью. С другой стороны, утешалась тем, что ревность – это вроде болезни, и хорошо, что муж не пьет, не бьет, не гуляет налево… надеюсь.

Но задача, тем не менее, была не из простых. Даже если я скажу, что собираюсь в гости к родителям, сценка ревности мне обеспечена, тут и к гадалке не ходи. А уж если я сообщу, что намерена прошвырнуться на недельку в Париж… Даже подумать страшно, что он вообразит, и что при этом скажет.

Ася нетерпеливо передернула плечами:

– Почти правду. Скажешь, что у меня горит путевка и я ее подарила тебе. Немного удивится, конечно, но не запретит же. Про валюту молчи, или скажи, что я одолжила ее тебе на неопределенный срок. Потом, насколько мне известно, ты уже пятнадцать лет как совершеннолетняя. Да и вообще, у него на все возражения ровно два дня. Потом ты улетишь, а он тут пусть хоть застрелится.

Это, надо полагать, реакция на «типичную смерть банкира». Справедливо. Что посеешь, то и пожнешь. Но все-таки Ася могла бы выразиться как-то поделикатнее. Возможно, Париж стоит обедни, но жизнь моего супруга я все-таки ценю значительно выше блистательной французской столицы.

– Приедешь ко мне через два дня. Самолет улетает в полдень, значит, тебе нужно успеть ко мне до девяти часов. Машину в аэропорт я обеспечу, пусть тебя это не волнует. Попрошу у мужа, вместе с шофером, чтобы все выглядело правдоподобно. Да и тебе меньше мороки. А я выйду вместе с то-

бой в твоем обличии, провожу до аэропорта и помашу ручкой, а потом займусь своими делами. Так что твоего супруга мы в проводах не задействуем.

Я подумала, что если Сергей узнает об Асином участии в моих проводах, это автоматически решит все проблемы: встречаться с ней он не захочет. Так что меньше всего меня волновала то, что будет делать Сергей в мое отсутствие. Думаю, просто будет жить в свое удовольствие, то есть как минимум прибавит звук в телевизоре..

– Я тебя встречу, когда вернешься, – продолжила тем временем Ася, но тут же перебила сама себя. – Хотя нет, это опасно. Тебя встретит мой приятель – голубой «Москвич» с двумя дверцами. Зовут Олегом.

– «Москвич»? – с самым невинным видом осведомилась я.

– Приятеля, идиотка!

Иногда хваленая Асина выдержка все-таки дает сбой. Пустячок, а приятно. Значит, я еще как-то все-таки могу влиять на свою подругу.

– А как я его узнаю?

– Он сам к тебе подойдет и скажет, что от меня. Поняла?

Я все поняла и мне даже удалось убедить в этом Асю. Умиротворенная, она сунула мне еще клочок бумаги, на котором были написаны имя, фамилия и телефон того типа в Париже, с которым мне надлежало встретиться.

Читаю-то я по-французски свободно, но вот с разговор-

ной речью дело обстояло много хуже: я не практиковалась лет пять, с тех пор, как перестала подрабатывать гидом в «Интуристе». А вдруг двух слов связать не смогу? Этими сомнениями я поделилась с Асей.

– Ерунда! – отмахнулась она. – Я по-французски вообще ни в зуб ногой. Справишься. В крайнем случае, объяснишься по-арабски, там алжирцев, говорят, пол-Парижа. И давай свой загранпаспорт, такой документ всегда пригодится.

Как все-таки у нее все легко и просто получается! Если учесть, что по-арабски я тоже говорила уже довольно давно. Тоже в «Интуристе», причем мне попадались самые интеллектуальные арабы – из Ливана. Почти европейцы. Но… Но я слишком красочно описывала Сергею свои экскурсии и экскурсантов, так что в результате на подработку в «Интуристе» было наложено строжайшее супружеское «вето». И общение с носителями иностранных языков прекратилось. Горевать я об этом не стала – углубилась в написание диссертации.

Предыдущая моя работа была связана исключительно с чтением и обработкой новостей из стран Ближнего и Среднего Востока, а после защиты диссертации я вообще занималась написанием (в соавторстве, естественно, с более почтенными и авторитетными арабистами) коллективной монографии на очень серьезную тему…

Иногда меня даже посещали некоторые сомнения, что этот труд вообще будет читать кто-нибудь, кроме редактора

и корректоров. Зато – практически свободный режим посещения и никакой давки в общественном транспорте по дороге на работу и обратно.

Платили, правда, соответственно: только-только не умереть с голоду и не задолжать за коммунальные услуги. Что ж, вся страна переживает нелегкие времена, кому сейчас легко-то? Наверное, только тому, кто все проблемы решает в одно касание – вроде Аськи. Да и у нее вот проблемы, оказывается, причем серьезные. В общем, нет в жизни счастья.

Ася отбыла почти успокоенная, а я осталась дома в мягко говоря растрепанных чувствах, поджидая супруга. Они с Элси, наверное, ждали Асиного отъезда в ближайшей подворотне, поскольку появились минуты через три после того, как за моей подругой закрылась входная дверь.

Самый тяжелый с моей точки зрения момент – объяснение с мужем, – прошел на редкость миролюбиво. С его стороны. По-видимому, магическое действие слова «халява» продолжалось. Сергея, правда, насторожила такая щедрость Аси, но, поразмыслив, он решил, что лучше подарить деньги ближайшей подруге, чем отдать их абсолютно чужому туристическому агентству. Да и вообще…

– Да и вообще тебе полезно проветрится. А то сидишь дома неделями, словно отшельница. Людей посмотришь, себя покажешь…

О да, это уж точно! Что же он раньше-то ничего подобного не предлагал? Чудеса, право. Про то, в каком виде я со-

бираюсь лететь, мужа я оповещать не стала. Надену парик в самолете, всего и делов. Хотя нет, в самолете не выйдет, нужно надеть до того, как будут проверять паспорта. А ведь муж наверняка поедет меня провожать… Хотя, нет, там же будет Ася.

Но тут он сам решил проблему.

– А как, интересно, ты собираешься лететь по чужому паспорту? Переклеишь фотографию?

– Нет, – честно ответила я, – надену парик и очки.

– Ну-ну, – хмыкнул мой повелитель.

И на сем беседа плавно перетекла в обсуждение второстепенных деталей. Что взять с собой и что купить в Париже. Вторую часть я обсуждала вяло, твердо решив, что привезу обратно столько денег, сколько смогу. Куплю там парочку сувениров – и все. Хотя, надо сказать, супруг меня удивил: из какого-то потайного места достал двести долларов и вручил их мне с глубоким вздохом:

– Последняя заначка. Но я хоть что-то успел повидать в прежних экспедициях, а ты, к сожалению, в свои драгоценные арабские страны так и не попала. Жаль, что Анастасия не купила путевку в Египет. Или в Сирию…

Он сам не подозревал, какую болезненную точку задел. Потому что этот эпизод моей жизни, состоявшийся года за два до нашего знакомства, был связан именно с Сирией. Могла бы сейчас сидеть на берегу моря, под пальмой и в парандже. Да и Париж, наверняка, давно бы уже посетила. Ес-

ли бы приняла предложение руки и сердца сирийского миллионера.

Дело, однако, не заладилось. Исключительно по моей вине. Точнее – глупости.

Давным-давно, когда я еще училась в институте, мне удалось найти солидный приработок к стипендии: устроиться внештатным переводчиком в Высшую комсомольскую школу (было такое учебное заведение, где готовили комсомольцев и коммунистов для всего мира).

Переводить надо было лекции с русского языка на арабский. И обратно, когда студенты сдавали экзамены или просто отвечали на вопросы преподавателя. В той группе, к которой меня прикрепили, обучение проходили не то двадцать, не то двадцать пять молодых граждан арабских стран – Сирии и Ливана.

И вот один из студентов начал проявлять ко мне повышенный интерес. Абсолютно, замечу, благопристойный. Провожал после лекций домой, дарил конфеты и приглашал пить кофе в местном буфете.

Мне же все это нравилось необычайно: это сейчас иностранцев в Москве больше, чем русских, а тогда, в середине восьмидесятых годов, это была та еще экзотика! Ну и, конечно, отличная языковая практика: пока Мазид (так звали моего ухажера) провожал меня домой, мы болтали обо всем на свете.

И доболтались. В один прекрасный день я получила пред-

ложение стать его женой. Срок обучения Мазида заканчивался, через пару месяцев он должен был вернуться в родную Сирию и предлагал мне отправиться с ним. В качестве законной жены.

От меня требовалось немногое: дать свое согласие, познакомить его с моими родителями и ждать свадьбы. Даже подвенечного платья не надо было готовить, потому что по их, сирийским, обычаям жених должен одеть невесту с ног до головы да еще преподнести ценные подарки будущим тестю и теще и всей родне невесты. Проще говоря, заплатить калым.

Я, мягко говоря, обалдела. Одно дело – провожания и шоколадки, и совсем другое – отъезд за границу на постоянное место жительства. Слабо представляла я себе и предстоящее знакомство Мазида с моими родителями: за внеслужебные «контакты с иностранцами» по головке тогда не гладили. В общем, тупик.

Мои колебания Мазид расценил как вполне естественное кокетство и начал разъяснять, в какие условия я попаду. Он – единственный сын миллионера, пять или шесть сестер не в счет, они повыходят замуж, и хозяйкой в доме буду я. После свекрови, естественно. Дом в Дамаске – столице Сирии, вилла на побережье Средиземного моря, несколько автомобилей. И я заколебалась, тем более что Мазид был недурен собой. Кто знает, как сложилась бы моя судьба, если бы не досадный пустяк, который помешал мне стать мусульман-

кой и миллионершей.

В институте я доучивалась на последнем курсе, после чего должна была получить распределение на работу. Мысль о том, что можно не работать вообще, в мою голову даже не залетела. И я принялась допытываться у своего возможного мужа, где и кем мне работать

– Кем я там буду? – допытывалась я у несчастного Мазида, который никак не мог понять сути проблемы.

– Как – кем? Женой. Кем ты еще можешь быть?

– То есть домохозяйкой? – уточнила я. – Готовить, стирать, убирать, нянчить детей и так далее?

– Зачем готовить? Зачем убирать? Есть повар, горничные, слуги, будут и кормилица, и няньки. Слава Аллаху, в нашей семье женщины всегда счастливы.

– Кем я там буду работать? – взмолилась я. – У меня же высшее образование!

– Замужняя женщина не должна работать! – твердо заявил Мазид. – Это позор для ее мужа!

И этот, и еще несколько подобных разговоров так и закончились ничем. Представить себя неработающей дамой я не могла. Точно так же не могла растолковать своему собеседнику, почему мне обязательно надо работать. И уж, конечно, после всех этих дискуссий не стала знакомить его с родителями. Тем дело и кончилось, да к тому же мои родители вовсе не горели желанием иметь зятя-иностранца, да еще отдать ему «на вынос» единственную дочь. Даже калым

их не убедил, продавать меня они категорически отказались. По-моему – зря: это было бы самой блистательной коммерческой сделкой в их жизни.

После этого много чего было. Но на протяжении всех этих лет я нет-нет да вспоминала свой несостоявшийся брак с сирийским миллионером. Со временем даже поняла, что женщина вполне может не работать, а заниматься домом и детьми, особенно если в ее распоряжении целый штат помощников. И даже то, что вне дома я могла бы появляться только с закрытым лицом, казалось совершеннейшим пустяком.

Вообще я могла бы жить совсем по-другому… Если бы не обладала стопроцентным совковым менталитетом.

На следующий день я специально отправилась в институт, чтобы предупредить начальство. По закону свинства, мой шеф мог испытать крайнюю нужду в моем присутствии на работе именно тогда, когда я физически была не в состоянии это сделать. Официальная версия была разработана крайне примитивно: в течение нескольких дней мне якобы нужно полежать в больнице. Так, небольшое обследование, то да се, но позарез.

Начальник, кажется, предположил, что в больнице я пробуду от силы один день, а остальное время буду отлеживаться дома, – но тут уж я не виновата. Когда женщина заговаривает о нездоровье, мужчины почему-то предполагают прежде всего одну нехитрую операцию. Стала бы я отпрашиваться из-за

такой ерунды! Если бы, не приведи Господи, и довелось бы, то докладывать об этому шефу я бы уж точно не стала.

Коллегам я тоже не стала выдавать лишней информации. Просто обронила, что неважно себя чувствую и посижу дома. Точнее, у тети на даче, где свежий воздух, тишина и покой. Никто не удивился: дома, так дома, у тети, так у тети, хотя подобных родственников у меня отродясь не было. Ну, так я ее хотя бы не хоронила, как обычно принято делать, когда официально отпрашиваешься дня на три. Под кем санки не подламывались, кто с коня не падал? Дело житейское.

К тому же я была стопроцентно уверена в том, что назови я истинную причину своего недельного отсутствия, возникла бы масса непредвиденных трудностей. В Париж-то всем хочется, только в нашем отделе очень мало кто может себе это позволить. В прежние времена, конечно, ездили за границу: в командировку, в изучаемую страну или на какой-нибудь международный конгресс. Но для этого нужно было как минимум иметь докторскую степень, поскольку все оплачивало государство. А сейчас…

Мне повезло: никому я в институте не была нужна не то что предстоящую неделю – в обозримом будущем вообще. Шла какая-то реорганизация, местное начальство не вылезало из кабинетов высшего звена руководства, а мелких научных сотрудников деликатно или не очень просили не путаться под ногами. Не маленькие: занимайтесь чем хотите и где хотите, только не лезьте во взрослые, и судя по всему,

довольно денежные дела. Так что удача явно поворачивалась ко мне лицом.

По мудрому совету своего супруга, объездившего и облетевшего чуть ли не половину земного шара, я не стала брать с собой много вещей, то есть обременять себя чемоданом. Дорожная сумка с несколькими не мнущимися тряпочками и запасной парой обуви, дамская сумка, правда, довольно поместительная – для всяких мелочей, документов и денег. На месте оказалось, что Сергей был абсолютно прав: все, что нужно было туристу для счастья, входило в обязательный ассортимент стандартного номера в не слишком шикарной гостинице.

Но это я поняла потом. А в Москве старательно освежала в памяти французский язык и обеспечивала остающихся членов семьи питанием на неделю. Сергей, правда, прекрасно мог обойтись и без моих забот, но какое-то неясное чувство вины перед ним меня почему-то грызло. Вот я и старалась исполнить номер «Образцовая жена перед отъездом на отдых» по мере сил, возможности и наличных средств.

Думаю, Сергей это прекрасно понимал, но молчал, не желая охлаждать мой внезапный хозяйственный пыл. Наверное, надеялся, что это каким-то образом перейдет в привычку. Я же, в свою очередь, не душила его надежду в зародыше, а как бы ее даже поддерживала и всячески лелеяла.

Впрочем, Сергея бытовые вопросы обычно занимали крайне мало, он от них просто отмахивался. Уборку квар-

тиры воспринимал, как стихийное бедствие, необходимость похода за продуктами типа картошки или еще чего-то тяжелого – как возмездие за какие-то незамеченные им грехи, мою стряпню – как реальность, данную ему во вкусовых ощущениях. То есть я старалась в общем-то зря: супруг ел покупные пельмени так же охотно, как жареную курицу со сложным гарниром. Культа, короче говоря, из еды не делал.

Так что недовольна была только Элси. Она своим верхним собачьим чутьем уловила, что происходит что-то необычное и не отходила от меня ни на шаг, вплоть до того, что отказывалась гулять с Сергеем, демонстративно предпочитая мое общество. Умная собака, что и говорить.

Меня тоже обуревали всякие предчувствия, но это происходило скорее из моей патологической законопослушности, нежели из-за чего-то другого. Не зря один из знаменитых французов когда-то изрек, что Париж стоит обедни. Реализация голубой мечты моей жизни стоила того, чтобы напялить на себя парик и воспользоваться чужим паспортом. Риск сводился к минимуму: в самом худшем случае я останусь в Москве, заплативши штраф за попытку нелегально пересечь границу. Не догоню, так хоть согреюсь.

Между прочим, о том, что такой поступок карается отнюдь не штрафом, а тюремным заключением, я узнала совершенно случайно уже после той замечательной поездки. И еще много очень интересных вещей узнала только зад-

ним числом. И слава богу! Иначе никакой поездки не состоялось бы вообще, как говорится, по определению.

***

– Не понимаю, зачем нужно втягивать в такое мутное дело именно ее. Кому вообще пришла в голову такая «блистательная идея?

– Во всяком случае, не мне. И я не слишком ее одобряю, но… Боюсь, изменить ситуацию я уже не в силах.

– В лучшем случае она окажется в тюрьме. За границей свои законы, а мы и своих-то толком не знаем. А в худшем…

– Мне кажется, рассчитывают именно на худший вариант. Просто и элегантно, все проблемы даже не решаются, а просто исчезают.

– И тебе это безразлично?

– В какой-то степени – да. До нашей с тобой встречи и всего остального, что за этим произошло, моя позиция, возможно, была бы другой. Сейчас меня это практически не волнует. Вот о чем я действительно часто думаю, так это о твоей безопасности. И чем скорее мы покинем Россию, тем будет лучше для нас.

– Не думаю, что мне что-то угрожает.

– Она вот тоже об этом не думала и не думает. Тем не менее…

– Как ты мог любить столько лет это чудовище?

– Любовь зла. Но это чувство у меня уже давно прошло, и единственное, о чем я мечтаю – оказаться подальше отсюда. Вместе с тобой, разумеется. С меня довольно.

– С меня, пожалуй. тоже. Но после ее поездки в Париж времени на выжидание уже не будет. Надо все подготовить заранее.

– Так все практически готово. И если даже она не вернется…

– То нас это уже не будет касаться?

– Совершенно верно. Нас, между прочим, это и сейчас уже не касается…

Глава вторая. Немного истории

Вечером, перевозбужденная внезапно открывшимися мне фантастическими перспективами, я долго крутилась с боку на бок, думая обо всем сразу и ни о чем в частности. Но потом этот поток мыслей как-то оформился и принял вид воспоминаний о том, как мы вообще познакомились и подружились с Аськой, и что потом происходило в ее и моей жизни.

В первый же месяц студенческой жизни нас, как тогда было принято, отправили «на картошку». Естественно, Ася оказалась в одном автобусе со мной. И первое, что она сделала – это присела на ступеньки у задней двери и закурила.

Я, как говорится, «выпала в осадок». С точки зрения моей недозрелой (восемнадцати еще не исполнилось!) личности, курение – это первый признак падшей женщины. Родители, а особенно бабушка, царствие ей небесное, прочно вбили это мне в голову. То же самое, между прочим, относилось и к спиртным напиткам, включая пиво. Об остальных сторонах «взрослой» жизни я даже не заговариваю, и так, наверное, понятно.

Странно, но на этой самой «картошке» мы с Асей подружились. Наверное, потому, что волею судеб наши койки в одной из комнат пионерского лагеря оказались рядом. А впрочем, давно замечено, что противоположности тянет друг к другу. Так что дружба наивной и пока еще невин-

ной москвички с уже достаточно искушенной провинциалкой, наверное, должна была сложиться. Вот она и сложилась.

Асины родители погибли в автокатастрофе, когда она заканчивала восьмой класс. Было это в каком-то уральском промышленном городе, откуда сироту забрала единственная имеющаяся у нее родственница – тетка, сестра отца, мирно жившая в Нижнем Новгороде (тогда еще городе Горьком) старая дева. Поменяли Асино жилье на Урале и теткину комнату в Нижнем на вполне приличную двухкомнатную малогабаритную квартиру и стали жить дальше. Не лучше, но и не хуже, чем почти все люди вокруг.

Но Ася явно не была рождена для прозябания в провинциальном захолустье. Бешено тщеславная и очень способная, девочка уверенно «шла на золотую медаль», проявляя, к тому же, чудеса активности в комсомольской организации школы. Об этом знали все, но мало кто знал о том, что к восемнадцати годам Ася стала уже практически взрослым и зрелым человеком. Правда, пока еще некурящим и не пробовавшим спиртного, но кое с каким жизненным опытом, из-за которого возможность иметь в будущем детей стала для нее, мягко говоря, сомнительной.

В Москву Ася отправилась с золотой медалью, внушительной стопкой грамот за победы на всевозможных конкурсах и олимпиадах и с блистательной характеристикой комсомольской организации. Вопроса, куда поступать, у нее не было: только в институт восточных языков. Переводчики будут

нужны всегда и везде, полагала она, хотя до приезда в столицу иностранцев видела только в кино: Горький был для них закрытым городом. А уж переводчик-востоковед…

Разумеется, она поступила, причем набрала девятнадцать баллов из двадцати, что для девушки, да еще из провинции, было просто невероятно, получила стипендию и место в общежитии, оповестила об этом тетку короткой открыткой и стала осваиваться в совершенно новом для нее мире.

Это у себя она всегда и во всем была «самой-самой»: самой умной, самой красивой, самой активной. А здесь, где ее никто не знал, начинать приходилось практически с нуля. Да еще постараться выполнить очередной план своей жизненной программы: выйти замуж за москвича. Только за москвича, остальные из кандидатов в мужья исключались по определению.

До третьего курса ничего сверхъестественного не произошло: Ася училась только на «отлично», была душой всех комсомольских мероприятий и деспотично управлялась с толпой поклонников. Наши с ней отношения из приятельских плавно переросли в дружеские, а потом – в очень дружеские. Я не всегда бывала там, где бывала Ася, но зато она мне всегда все рассказывала и очень щедро делилась поклонниками. Но почему-то серьезных отношений ни с одним из них у меня не сложилось: так, легкий флирт, не более того.

А потом Ася влюбилась… Я так никогда и не узнала,

кто же оказался предметом ее грез и мечтаний, в глаза его никогда не видела, поскольку подруга ревниво оберегала свое сокровище, даже имя его так и осталось для меня тайной. Но такой счастливой, как в тот год, я Асю не видела никогда.

Но все-таки Ася была живой, нормальной женщиной, и поэтому хоть и редко, но что-то о своем возлюбленном говорила. Например, однажды ни с того ни с сего сказала:

– Знаешь, Ленка, как он меня называет?

Я, естественно, не знала.

– Асясяй, – мечтательно сказала Ася. – Смешно, правда? И очень трогательно.

– А ты его как называешь?

– Сэнсэй, – после небольшой паузы отозвалась Ася.

– Он что, японец? – удивилась я. – Или это просто Асясяй, только задом наперед?

– И то, и другое. У него черный пояс каратэ, представляешь себе?

– Цвет представляю, – хмыкнула я, – а вот что такое каратэ – не очень.

– Это – один из видов японской борьбы, – важно пояснила мне Ася. – Такие приемы, что можно пять человек за три минуты уложить без всякого оружия.

Тогда еще мы не были избалованы голливудской продукцией, где всевозможные экзотические драки и побоища демонстрируют во всех деталях. Проще говоря, мы вообще ни-

чего подобного не видели, если не считать очень короткого эпизода в нашем отечественном бестселлере «Пираты двадцатого века». Но уважение все-таки внушало.

– Ах, если бы он был москвич! – тоже как-то неожиданно вздохнула в другой раз Ася. – Или у меня бы была московская прописка.

– И что тогда было бы? – поинтересовалась я.

– Мы бы немедленно расписались.

– Если вы до беспамятства друг друга любите, то при чем тут какая-то прописка?

– Тебе не понять, – довольно сухо отозвалась Ася. – Ты никогда не знала тех проблем, с которыми сталкиваются лимитчики. А я не хочу, чтобы наша любовная лодка разбилась даже не о быт, а о хлопоты об этом самом быте. Ничего, из любого положения всегда есть выход.

Выход она нашла, прямо скажу, неординарный: в один прекрасный день она позвонила и бесцветным голосом сказала, что выходит замуж. За комсомольского номенклатурного работника, которому, чтобы перейти в номенклатуру партийную, нужно обязательно жениться, желательно, на «своем» человеке.

– А… – начала было я, пытаясь выяснить, как же ее «роман века».

– Забудь, – сказала Ася. – Мираж, призрак, детские мечты. Я приглашаю тебя на свадьбу, как свидетельницу с моей стороны. Еще вопросы есть?

Вопрос у меня был только один: когда состоится счастливое событие? Ася назвала дату и время, попросила не опаздывать и повесила трубку, оставив меня в несколько растрепанных чувствах. Впрочем, чувствам было от чего растрепаться и до этого, поскольку я сама незадолго до этого пережила любовную драму, точнее, весьма неприятный финал моей первой настоящей любви…

Вадим был старше меня лет на пять, познакомились мы с ним у одной моей приятельницы, которая, как я потом случайно узнала, была любовницей Вадима. Параллельно она была замужней дамой и ждала ребенка буквально со дня на день. Тем не менее, Вадим, как говорится, «положил на меня глаз» и принялся ухаживать «не по-детски», немало не смущаясь присутствием глубоко беременной возлюбленной. Даже пошел меня провожать, точнее, отвез домой на такси.

Я была сражена наповал: у Вадима были безукоризненные манеры, он был начитан, невероятно остроумен и вообще – необыкновенный. Я сама не заметила, как увлечение перешло в любовь, причем довольно серьезную. То есть – смертельно серьезную, потому что для меня дело чуть было не кончилось летальным исходом.

Но когда все только начиналось и было прекрасно и удивительно, мне пришлось вспомнить давнее предсказание гадалки. Хотя бы потому, что оно, как мне казалось, начало сбываться. Потому что когда я познакомилась с Вадимом, то

буквально в одну из первых встреч он заговорщицким тоном сообщил мне, что его необычная фамилия – Гюне – на самом деле просто попытка его деда избежать репрессий. Мало того, что барон, так еще и немец, а полная фамилия вот какая: Хюне фон Хёнингем.

И я моментально вспомнила о предсказании насчет мужа благородных кровей: куда уж благороднее. Значит, все совпадает, теперь остается только пожениться. Смущало только то, что сыновья у меня должны были родиться как бы не от мужа, но когда мне показалось, что я забеременела, вся сразу стало на свои места: ребенок зачат вне брака, то есть не от законного мужа, а в остальном все нормально, как и должно быть.

Мне показалось, что я беременна, где-то на третьем месяце нашего сумасшедшего романа. И вместо того, чтобы пойти к врачу или хотя бы посоветоваться с мамой, рванулась с этим известием к своему возлюбленному. Он выслушал меня очень внимательно, сказал, что никогда не хотел иметь детей и сейчас этого не хочет, а мне предложил выбирать между ним и, как он выразился, «вульгарным зародышем».

Конечно, я выбрала любовь, поскольку о детях пока еще и не думала. Тогда Вадим дал мне коробочку с двумя розовыми таблетками и сказал, чтобы я их приняла на ночь. После этого произойдет самопроизвольный выкидыш, и не нужно никаких больниц и прочей чепухи. А у нас все пойдет по-прежнему.

Я всегда делала так, как он мне говорил. И таблетки приняла, после чего меня едва-едва откачали врачи сначала «Скорой», потом – в больнице. Про таблетки я молчала, как партизанка, и никто так ничего и не понял, потому что… я вовсе не была беременна. Просто по каким-то причинам произошла задержка и таблетки могли меня просто убить. Но, к счастью, все обошлось благополучно и врач меня заверил, что к моим детородным функциям эта история никакого отношения не имеет, тут совершенно иной диагноз: спонтанное кровотечение. Бывает, но редко.

Вадим ни разу не навестил меня в больнице и даже не позвонил узнать, как мои дела. Через месяц после нашей последней встречи я позвонила ему сама…

– Прости, но между нами все кончено, – сухо сказал Вадим. – Я встретил другую женщину. Прошу больше меня не беспокоить ни звонками, ни письмами.

Будь я все такой же наивной простушкой, как до встречи с Вадимом, меня такое сообщение наверняка довело бы до попытки самоубиться. Но когда я действительно чуть не умерла от кровотечения, то поняла, что и брак, и ребенок – все это бред влюбленной девушки. Впрочем, Вадим был первым моим мужчиной, и от переизбытка новых впечатлений крыша бы у кого угодно поехала. И все-таки я помнила: кровь – это горькое несчастье. Поэтому к нашему разрыву в принципе подсознательно была готова, хотя легче мне от этого почти не было. Должно было пройти время, чтобы

эта травма перестала меня тревожить.

После этого меня год терзала жуткая депрессия, но все когда-нибудь проходит, а я была еще очень молода: только-только закончила четвертый курс института. Досадно было еще и то, что из-за моей внезапной и странной болезни у меня сорвалась практика в Ливане. Из нашей группы по разным обстоятельствам в Москве осталось только три человека, так что преподаватели занимались нами очень тщательно.

Возможно, все, что ни делается, делается к лучшему, потому что на Ближнем Востоке начались очередные конфликты и разборки и двое из нашей группы на родину вернулись в гробах. Так что, с одной стороны, Вадим меня чуть не убил, а с другой – возможно, спас мне жизнь. На этой мысли я успокоилась, сожгла и выбросила все, что могло мне напомнить о моей несчастной любви и стала жить дальше. Вот тутто и позвонила Ася с приглашением на свадьбу.

Свадьба моей подруги была очень торжественной и, по моде тех лет, «безалкогольной». Но поскольку почти все гости были не только политически грамотны и морально устойчивы, но еще и идейные до дальше ехать некуда, то отсутствие алкоголя никого не смутило и не огорчило. Зато обрадовало присутствие почетных гостей из горкома партии.

Я там гляделась явно белой вороной, поэтому поторопилась поздравить молодых, вручить им свой подарок: набор чайных ложек, и скромно уселась туда, куда мне указали:

по левую руку от жениха. По правую руку от невесты сидел молодой и красивый мужчина, на котором так и было написано: «функционер». Свидетель жениха, надо полагать. Родственников не наблюдалось вообще: то ли и жених был сиротой, то ли его родители проигнорировали мероприятие. Впоследствии выяснилось, что отец жениха – дипломат, и вместе с супругой пребывает где-то в дальней зарубежной стране.

Жених, Анатолий, был очень импозантен и серьезен, Анастасия блистала шикарным подвенечным убором и модным обручальным кольцом, причем выглядела почти счастливой и, главное, очень красивой. И все-таки меня не покидало чувство того, что все это – просто хорошо поставленный спектакль, где каждый добросовестно играет заранее расписанную ему роль.

Где-то в середине мероприятия я ощутила себя просто на торжественном комсомольском собрании и решила тихонько улизнуть: сначала покурить в фойе ресторана, а потом – совсем. Курить я начала с того времени, как в больнице мне разрешили вставать и покидать палату, пристрастилась я к этому занятию всерьез и, как потом выяснилось, надолго.

Вот в фойе я и познакомилась с Сергеем, который на свадьбу попал, как он выразился, «по чистой случайности», поскольку не имел чести знать ни жениха, ни невесту, а просто встретил по дороге приятеля, который как раз шел на банкет по случаю бракосочетания, и тот, недолго думая, пригласил его с собой. Будучи нормальным человеком, Сергей на этом

идеологическом мероприятии тоже не задержался и решил уйти, пока не разобрались, что его вообще не звали. А на выходе увидел меня…

Короче говоря, в тот день он проводил меня домой и попросил разрешения звонить. Я разрешила, а почему бы и нет? На меня Сергей произвел очень приятное впечатление: спортивного вида молодой мужчина, темный шатен с серыми глазами, остроумный без пошлости, вот-вот защитит кандидатскую диссертацию по какой-то совершенно недоступной мне проблеме океанологии, начитанный и знающий массу интересных и забавных историй. Поэтому я с удовольствием приняла его следующее приглашение: на эстрадный концерт какой-то очень модной певицы. И так далее…

В общем, наш роман развивался очень плавно, без эксцессов и сюрпризов. Единственным недостатком (если это можно считать недостатком) Сергея было отсутствие московской прописки и, следовательно, жилья. Но такие мелочи в молодости как-то не заботят, да и потом у меня была собственная восьмиметровая комната в трехкомнатной квартире родителей. И они, в принципе, не возражали против иногороднего зятя.

Когда я их познакомила, действие стало развиваться гораздо быстрее. Хотя бы потому, что о своем решении жениться на мне, Сергей сначала сказал родителям. То есть смотрины обернулись самой настоящей помолвкой, после которой было подано заявление в ЗАГС и начаты приготов-

ления к свадьбе. Ни Сергей, ни меня, ни даже моих родителей не смущал тот факт, что мы знакомы меньше полугода. Меня, к тому же, стимулировала мысль о том, что самым блестящим доказательством того, что Вадим мне теперь совершенно безразличен, будет мое замужество. Вот тогда пусть и кусает локти, потому что такой девушки, как я, больше не найдет.

Я тешила себя мысленными картинами типа того, что вот раздается телефонный звонок и Вадим срывающимся голосом говорит мне, что он больше без меня не может, что он глубоко передо мной виноват, и если я могу его простить… А я с ледяным спокойствием отвечаю:

– Я давно простила тебя, потому что ты мне безразличен. Кстати, я выхожу замуж. Извини, на свадьбу не приглашаю…

Ну, и так далее, и тому подобное, обыкновенный романтический бред женщины, жаждущей отомстить бросившему ее возлюбленному. К счастью для меня ничего подобного не произошло, а время действительно многое лечит или, по крайней мере, надежно заносит песком миновавших месяцев и лет.

К тому же, когда я узнала фамилию Сергея, то снова вспомнила гадалку. Голицын – древнерусская аристократическая фамилия, да и Сергей туманно намекал на каких-то предков голубых кровей. Так что можно было считать первую часть гадания сбывшейся: я вышла замуж за аристократа.

Немножко смущало только, что по предсказанию предполагался еще и второй муж. Но когда Сергей довольно ясно дал мне понять, что о продолжении рода думать не стоит, я приободрилась: дети-то у меня предполагались появиться не от мужа, то есть вне брака. Как это все реализуется на практике – я понятия не имела, поскольку изменять мужу не собиралась вообще. Но решила об этом пока не задумываться: дел хватало и без детей, да и годы позволяли с ними не особенно торопиться.

Год мы прожили вместе с моими родителями практически без недоразумений, что, согласитесь, большая редкость. Сергей был вежлив, тактичен, считался с привычками нашей семьи, а также старался подработать к своей невеликой аспирантской стипендии и моей – обычной. Странно было только то, что на вопросы о том, где он подрабатывает, мой муж не отвечал, а отделывался шуточками или какими-то ничего не значащими фразами.

– Ленка, перестань приставать ко мне с глупостями, – сказал он как-то вечером после очередного моего вопроса. – То, что я делаю для заработка, совершенно не интересно и даже не слишком престижно. Умерь свое любопытство, сделай такое одолжение. Считай, что я выхожу по вечерам с кастетом на большую дорогу.

Я фыркнула, настолько нелепым было это предположение, и разговор сам собой увял. Хотя, не скрою, меня до чрезвычайности занимала мысль о том, где до ночи иногда пропа-

дает супруг. Правда, болезнь под названием «ревность» меня как-то обошла стороной. Возможно, это защитное свойство характера, а возможно… то, что я – увы! – не слишком сильно любила своего супруга.

А в скором времени Сергей защитил-таки диссертацию, стал полноценным младшим научным сотрудником своего НИИ, а потом отправился в свою первую заграничную поездку, точнее в океанологическую экспедицию на целых три месяца. Пока его не было, в нашей жизни произошли два важных события: я закончила институт и поступила в аспирантуру, а родители уехали из Москвы. Как выяснилось – насовсем.

Дело в том, что родители моей матери жили в Опочке, небольшом городке рядом с «пушкинскими местами». Раньше я все лето проводила у них, да и родители свои отпуска проводили там же, но потом поездки стали реже и короче: у меня в институте появились свои увлечения, родителям стало тяжеловато каждый год по два месяца копаться на приусадебном участке и в огороде. Потом умер дедушка. И хотя мы очень настойчиво предлагали бабушке переехать в Москву, она отказывалась от этого наотрез, пока не стало слишком поздно: перелом шейки бедра, операция, несколько месяцев сугубо постельного режима.

К счастью, мои родители уже вышли на пенсию, а я была уже замужней женщиной, так что на семейном совете решили: родители поедут к бабушке и будут жить там столько,

сколько понадобится. А я тут начну, наконец, жизнь самостоятельного человека. Да и Сергею будет спокойнее: прописка пропиской, но отдельная квартира – совсем замечательно.

В результате родителям так понравилось жить в тихом, как бы сейчас сказали, «экологически чистом месте», что даже когда бабушки не стало, они не торопились возвращаться в Москву. Приезжали пару раз в год, снять с книжки накопившуюся пенсию, тихо ужасались нашему безалаберному житью-бытью и уезжали обратно в Опочку, где я теперь проводила не каникулы, а отпуск. Чаще всего – без Сергея, он вообще не любил отдыхать, а вскапывание грядок и ремонт крыши его не слишком-то прельщали.

Все бы хорошо, но одной в Москве, во время длительных экспедиций Сергея, было скучновато. Впрочем, я по характеру всегда была скорее домоседкой, да и Ася не давала мне совсем закиснуть: время от времени вывозила меня «в свет», то есть в театры, на концерты и к себе на всякие календарные праздники. Правда, муж эту дружбу не одобрял, как я уже говорила, с самого начала – со свадьбы, на которой Ася, естественно, была моей свидетельницей.

Что ж, бывает любовь с первого взгляда, а бывает и ненависть – с того же первого или со второго. Конечно, мне было дискомфортно от того, что два самых близких мне человека не смогли найти общий язык, но со временем я привыкла и даже стала находить в этом некую романтику.

Правда, на банкете по поводу защиты мною диссертации, я снова попыталась свести вместе эти два несовместимых полюса, но – увы! Их отношения не изменились ни на йоту. Разве что неприязнь демонстрировалась более откровенно.

Тем более, что началась перестройка и Ася, наплевав на предполагавшуюся защиту диссертации, с головой ушла в работу. Только не по основной специальности, а в бизнес. И надо сказать, получилось это у нее довольно успешно.

Первое ее дело было связано с ремонтом и мебелью, которую она поставляла в Россию из какой-то бывшей социалистической страны. Второй – разные шмотки, ботинки, алкоголь (тогда еще не было акцизов), а также мыло, духи так далее, вплоть до каких-то дел с шоколадом, маргарином и так далее. В детали она меня не посвящала, хотя бы потому, что я ничего не понимала в бизнесе и искренне считала это довольно скучным занятием.

Моя работа – научное сотрудничество, то есть подготовка к написанию книги об арабских завоеваниях на территории нынешнего СССР, казалась мне куда более романтичной, тем более, что платили мне вполне приличную зарплату, как кандидату наук, и отпуск у меня был – тридцать шесть дней. Плюс библиотечные – читай, свободные, – дни.

Ну, а потом начались такие события в стране, что было некогда думать о сбывшихся или несбывшихся предсказаниях почти двадцатилетней давности. Мне приходилось думать совсем о других вещах и решать совершенно другие пробле-

мы.

Но это было только начало. И хотя моя подруга получила, по моим понятиям, совершенно сумасшедшую прибыль, сама она так не считала. Для нее это был лишь минимально необходимый стартовый капитал, и когда она его получила, то быстренько свернула, точнее, удачно продала все свои прежние дела и занялась… компьютерами.

Тут, конечно, огромную роль сыграли связи ее супруга, в то время уже инструктора горкома партии. Тогда официальная стоимость доллара составляла шестьдесят две копейки, а на черном рынке он оценивался уже в четыре рубля. Как говорится, почувствуйте разницу. Ася почувствовала. И на этом-то сыграла довольно сложную партию.

С помощью мужа она получила краткосрочный кредит на пять миллионов рублей. А потом – тоже с помощью его связей – законно поменяла его на миллион с лишним долларов. В одной из азиатских стран закупила тысячу компьютеров «желтой» сборки по тысяче долларов за штуку, а потом «на бумаге» продала государственным учреждениям, крупным предприятиям и кооператором по восемьдесят тысяч рублей.

А потом, после возврата кредита, процентов, выплаты взяток, перевозок, потерь на обратном трансфере из рублей в доллары, поскольку она считала, что дешевые доллары пока предпочтительнее дорогих рублей, получила около восьми миллионов долларов чистой прибыли.

Ася сняла сливки с компьютеризации всей страны, потом отщипнула приличный кусок от процесса приватизации. А еще позже ее супруг, оставив партийную работу по объективным и совершенно не зависящим от него причинам, создал свой небольшой, респектабельный банк, посоветовал супруге свернуть свою коммерческую деятельность, пока не вскрылось что-нибудь лишнее и заняться переводами на английский язык, в которых были заинтересованы многие его деловые партнеры на Западе.

Так что свою империю супруги не создали, но дела вели так умело, что даже дефолт пережили без потерь, скинув все имевшиеся у них ГКО в продажу за сутки до финансовой катастрофы в стране.

Все это мне буквально на пальцах растолковал мой муж, потому что из Аси не так-то просто было вытащить какую-то деловую информацию. А я к бизнесу оказалась совершенно не подготовлена, ничего, кроме своих научных трудов в жизни не видела, и, хотя дефолт меня просто не коснулся – никаких сбережений у нас, естественно, не было, но прожить на прежнюю очень даже приличную зарплату научного сотрудника стало просто невозможно. Можно было не умереть с голода и платить за квартиру и телефон, но обо всем остальном можно было просто забыть.

Должна сказать, что в это время абсолютного хаоса и совершенного непонимания обыкновенными гражданами того, что творится вокруг, люди пускались в самые невероят-

ные авантюры. Все эти «пирамиды», которые воздвигались мгновенно, как мираж в пустыне, и столь же мгновенно таяли, унося с собой нехитрые сбережения доверчивых «партнеров», ажиотаж вокруг ваучеров и прочие авантюры, каким-то чудом не зацепили нашу семью.

А вот Анастасия, по-моему, просто купалась в этих играх, но ни разу не предложила мне попытаться выиграть или получить какую-то сумму денег. Возможно, потому, что я сама ей как-то сказала, что Сергей все эти фокусы не слишком одобряет и предпочитает честно зарабатывать сам – хоть грузчиком. Подруга как-то странно поглядела на меня и пожала плечами:

– Вольному воля. Я не собираюсь влезать в ваши отношения и толкать тебя на путь, который твой супруг почему-то не одобряет. Сейчас он меня еле терпит, а потом может просто возненавидеть.

Попытку поймать свою золотую рыбку в этой мутной воде я сделала только одну. И попытка эта навсегда отбила у меня желание просто получать, а не зарабатывать деньги. Хотя история была довольно забавной.

Одна из моих институтских коллег вдруг воспылала ко мне дружескими чувствами и предложила пойти с ней в такое место, где можно за ерунду получить очень даже приличные деньги. По ее клятвенным уверениям, это таинственное мероприятие должно было сделать меня не только богатой, но и счастливой. Причем счастье должно было прийти не как

приложение к богатству – не в деньгах счастье, ясен перец, – а просто само по себе.

Интересно стало с самого начала. Мы пришли в ухоженный особнячок на тихой московской улице, где уже тусовалось больше сотни хорошо одетых людей. И все они… улыбались. И у всех на груди были пришпилены таблички с именем, так что общаться можно было с кем угодно, даже не совершая обязательной процедуры знакомства. Моя подруга тоже начала улыбаться направо и налево, и я последовала ее примеру, хотя пока не видела никаких поводов для радости.

– Чувствуешь, какая тут дружелюбная атмосфера? – ликовала сослуживица. – Не только деньги заработаешь, но и друзей новых заведешь. Нет, ты чувствуешь, как тут хорошо?

Я чувствовала.

Наконец распахнулись двери конференц-зала, и вся толпа повалила туда. Из двух динамиков, расположенных по обе стороны сцены, неслась веселая музыка, точь-в-точь такая, под которую хорошо заниматься аэробикой.

В этот момент из динамиков на фоне все той же музыки раздался обратный отсчет – с десяти до нуля, причем по-английски. На счет «ноль» через весь зал к сцене прогалопировал европейского вида мужчина с обаятельной белозубой улыбкой, который встал перед публикой и начал радостно хлопать в ладоши. Публика отреагировала, на мой взгляд, странно: все встали и тоже начали бить в ладоши и чему-то радоваться. Впрочем, в каждой избушке – свои игрушки, мо-

жет, они так учатся быть счастливыми.

Когда всенародное ликование утихло, мужчина начал речь. Именно речь, потому что она была явно тщательно подготовлена, неоднократно отрепетирована и вообще, что называется, «от зубов отскакивала». Для начала он поведал, что во всем мире и во все времена лишь четыре, ну максимум пять процентов людей добивались абсолютной финансовой независимости. В любом случае предложение его было ошеломляющим: представляемая им организация владеет методикой достижения этой самой абсолютной финансовой независимости и готова эту методику подарить каждому своему члену.

Но – и это главное – Международный Союз Социальных Нововведений (а именно так называлась организация, которую я в дальнейшем для краткости буду называть МССН) занимается распространением такого товара, «который нужен каждому, который хотел бы иметь каждый и от которого возникает зависимость, причем положительная». Вот так, и никак иначе, а теперь догадайтесь, дорогие дамы и господа, о каком товаре мы говорим.

– О гербалайфе, – робко предположила я полушепотом.

Сослуживица посмотрела на меня так, как если бы я выругалась матом:

– С ума сошла? Здесь серьезные люди собрались.

МССН, оказывается, имеет сто тридцать филиалов в тридцати странах мира и везде его деятельность со-

провождается оглушительным успехом. Люди, поверившие в МССН, уже все поголовно богаты и счастливы. Потому что помогают распространять этот самый товар, который… Ну, что же это за товар, уважаемые дамы и господа? Нет, не наркотики и даже не туалетная бумага, хотя замечание остроумное. Это… Да деньги же, господа!

Торговать деньгами? Но тут наконец пошел уже не рекламный, а относительно связный текст. Оказывается, на следующее собрание мне нужно привести еще одного человека, готового вступить в МССН, и за это мне полагается пятьсот долларов. За вербовку, стало быть. Потом – еще одного за очередные пятьсот долларов.

Когда же мне удастся рекрутировать третьего желающего разбогатеть и стать счастливым, мне за него «отстегивают» уже полторы тысячи баксов и переводят в члены союза второй ступени, что означает, помимо всего прочего, что за каждого новобранца мне будут платить уже по тысяче долларов плюс пятьсот за каждого из тех, кого, в свою очередь, приведут мои первые трое подопечных.

Достаточно только исправно приводить новых «верных и надежных партнеров» – и через полгода переезжать в пятикомнатные апартаменты или отдельный особняк, причем передвигаться исключительно на пресловутом шестисотом «мерседесе». Дальше квартиры, машины и отдыха на Багамах фантазия оратора не шла.

Должна сказать, что слово «партнер», многократно произ-

носимое со сцены, неприятно резало ухо. Потому что в памяти немедленно всплывал недавний рекламный ролик о партнерах и халявщиках. К тому же закралась не слишком приятная мысль, что подруга, помимо устройства моего счастья, имела в виду еще и получить пятьсот долларов за то, что приволокла меня на эту тусовку. Получит или не получит?

К концу же первой части шоу вылощенные и непрерывно улыбающиеся молодые люди раздали всем новичкам бланки заявлений о приеме в МССН. Помимо анкетных данных, там еще нужно было письменно подтвердить, что обязуешься поддерживать организацию морально и материально, а также хранить в тайне увиденное и услышанное на собраниях, дабы информация об уникальной методике обогащения не ушла на сторону, к конкурентам.

В общем, создавалось впечатление, что меня принимают то ли в масонскую ложу, то ли в «Коза Ностру». Если бы под заявлением пришлось подписываться кровью, я бы нисколько не удивилась.

– Подписывай, подписывай, – подбодрила меня соседка, – здесь с каждым человеком работают индивидуально, так что тебе подберут оптимальный вариант.

Я не совсем поняла, вариант чего именно мне подберут, но автограф под заявлением поставила. Когда я вернула листок молодому человеку, он неожиданно схватил меня за руку и заорал во все горло:

– Новый член союза!

Зал разразился овацией и затем еще много раз повторял все это по адресу других новообращенных.

Потом был перерыв, во время которого можно было выпить чашку кофе или стакан чего-нибудь бодряще-веселящего и съесть бутерброд. Все это – за свой счет, причем цены в местном буфетике могли смело соперничать с прейскурантом элитного ресторана. Да, забыла сказать, что за право участвовать в вышеописанном мероприятии мне пришлось выложить на входе двадцать долларов…

Вторую часть программы вела молодая дама, которая наконец внесла полную ясность.

– Год тому назад, когда все начиналось, нас было только трое. И если бы кто-то тогда обещал мне, что сегодня я буду стоять на этой сцене в качестве члена союза четвертой степени, что у меня будет прекрасная квартира и новая машина, я бы не поверила. Но ведь именно так все и произошло!

В очередной раз подивившись бедности фантазии устроителей шоу – квартира и машина, других ценностей, пусть даже и только материальных, в природе, надо полагать, не существует, – я почему-то вспомнила бессмертную сказку о Буратино. Надо полагать, в первом отделении солировал кот Базилио, а сейчас выступает лиса Алиса, которая, по идее, должна назвать координаты Поля Чудес и те волшебные слова, какие произносятся при закапывании в землю трех золотых монет, чтобы из них выросло денежное дерево.

Предчувствия меня не обманули. Нам, избранным счаст-

ливцам, предлагалось инвестировать в это сверхвыгодное дело всего-навсего три тысячи триста долларов, а потом приводить «новых надежных партнеров» и стричь себе купоны. То есть собирать золотые листочки с выросшего за одну ночь валютного деревца.

– Ну, где вы еще найдете предприятие, в которое нужно вложить такой маленький стартовый капитал и получать такие выгодные проценты? – вопрошала дама. – Посчитайте сами, ведь получается не менее трехсот процентов годовых.

За двадцать минут до этого, вдохновенно обличая всевозможных мошенников, дама с пафосом заявила, что банки, предлагающие сто двадцать процентов годовых, – это откровенная ловушка, попасть в которую может только законченный идиот. А теперь предлагает «сверхвыгодное дело» с тремястами процентами. Занятно, однако…

С меня, правда, с одинаковым успехом можно спрашивать и три тысячи долларов, и тридцать тысяч, и даже три миллиона – цифры эти для меня запредельные и нереальные. Впрочем, сослуживица мне это объяснила в очередном перерыве:

– У меня тоже был шок, когда я услышала сумму. Но я нашла деньги за сутки. То есть нашла тех, кто мне эти деньги одолжил. И за месяц вернула две тысячи. В следующем месяце начну получать доход: чтобы стать членом второй ступени, мне осталось привести еще одного человека…

– Двух, – поправила я, – от меня никакого толку не будет. Денег нет и занимать нё у кого…

– Подожди, – уже без излишней уверенности попросила она, – они обязательно помогут найти подходящий для тебя вариант. Тут ведь индивидуальный подход…

Индивидуальный подход заключался в том, что молодой человек (судя по табличке на лацкане пиджака – член союза третьей ступени) долго допытывался, сколько у меня вообще денег за душой или где-то еще. Потому что стартовый капитал, оказывается, можно вносить не сразу, а частями. Но после двадцати минут этого своеобразного допроса даже настырному молодому человеку стало ясно, что он только напрасно тратит слова и время, которое, как известно, деньги, и он вынес вердикт:

– К сожалению, я вынужден аннулировать ваше заявление о приеме в члены союза. Если бы вы могли назвать какие-то реальные сроки внесения инвестиций, мы бы, конечно, пошли вам навстречу, но откладывать это на какое-то неопределенное время…

– А пусть мое заявление пока полежит просто так, – весело предложила я. – Наберу нужную сумму, внесу, и будем играть дальше.

При слове «играть» мой собеседник нервно дернулся и холодным голосом потребовал объяснений. Неужели я воспринимаю солидное мероприятие как игру? И если это так, то какое я вообще имею право подозревать честнейших и безупречных людей…

Я заверила его, что ни о каких подозрениях уже и речи

быть не может. Последний вопрос задала уже исключительно для проформы:

– Значит, если я все-таки наберу деньги, мне придется снова платить двадцать долларов за вход?

– Разумеется, – по-прежнему холодно подтвердил молодой человек.

Кто бы сомневался! Двадцать долларов, которые платит каждый новоприбывший, умножаем на сто (примерно столько новичков было в зале). Хватит и на аренду особняка, и еще на многое другое. А ведь большинство пришедших платили деньги, а остальные вместе с «кураторами» составляли сложные схемы добывания в трехдневный срок нужной суммы, оставляя задаток. Три тысячи триста долларов умножить хотя бы на девяносто человек…

– А можно мне позвонить? – вдруг осенило меня. – Есть подруга, которая, возможно, сможет дать взаймы… Причем сегодня же.

В одну секунду оледеневшее лицо моего собеседника снова стало теплым и дружелюбным, и он широким жестом протянул мне мобильник:

– Прошу вас, сударыня…

Позвонила я, разумеется, Асе. Дома ее не было, пришлось набирать номер мобильника. К счастью, он был включен: на время важных переговоров и мероприятий моя подруга его обычно вырубала.

Я кратко изложила ситуацию, но к просьбе о займе перей-

ти не успела.

– Как называется это твое собрание? – жестким тоном спросила Ася.

Я ответила.

– Рядом с тобой есть какой-нибудь менеджер?

– По его телефону и звоню.

– Вот и верни ему его телефон, я сама хочу с ним поговорить.

Я удивилась, но выполнила это ценное указание. После чего мое изумление росло просто каждую секунду.

– Да? – спросил менеджер. – Да, это я… Но… Анаста… Но откуда я мог знать? Естественно. Разумеется. Безусловно. Простите, ради Бога, но кто же знал? Да-да, я все понял, все сделаю…

Он отключил мобильник и с обалделым видом уставился на меня. Потом, сделав над собой невероятное усилие, сказал:

– Произошла небольшая накладка, простите. Я совершенно забыл о том, что со вчерашнего дня мы отменили практику займов у друзей и знакомых и работаем только с людьми, которые сами располагают нужными средствами. Еще раз простите. Вот ваши двадцать долларов, и еще тридцать – моральная компенсация от фирмы. Конечно, человеку, который вас сюда привел, мы засчитаем это, у нас все по-честному.

Это я и сообщила своей сослуживице, когда собралась

уходить. Она обрадовалась, но интерес ко мне явно потеряла. То есть мавр (я) сделал свое дело и может отправляться на все четыре стороны. И я покинула особнячок с приятной мыслью о том, что за несколько часов заработала тридцать долларов, причем особого морального ущерба лично я не испытывала.

Зато в голове прочно поселилась мысль, что Анастасия вошла в число тех немногих удачливых людей, которые от всеобщего хаоса ничего не теряют, а только выигрывают. Конечно, для наших отношений это не имело никакого значения, но… Как говорится, «осадок остался».

Совсем кисло стало, когда у мужа прекратились экспедиции. Он, правда, по-прежнему где-то подрабатывал и по-прежнему окутывал свои занятия непроницаемой тайной, но хотя бы за черту бедности мы не сваливались. Хотя однажды были буквально на краю бездны: в один далеко не прекрасный день Сергей принес домой небольшую пачку так называемых «мавродиков» и сказал, что занял на них деньги у приятеля, а через неделю продаст и не только вернет долг, но и нам в финансовом плане будет полегче.

Поскольку тогда на трех буквах «МММ» помешалась чуть ли не вся Россия, меня это не встревожило. Точнее, не успела встревожить: ровно через неделю Сергей продемонстрировал мне довольно приличную сумму денег и сообщил, что долг приятелю вернул. А на следующий день финансовая пирамида со страшным грохотом рухнула. Вот тут

я задним числом испугалась, потому что сумма долга была отнюдь не маленькой, и как бы Сергей ее возвращал – непонятно.

В общем все хорошо, что хорошо кончается, потому что я уже подумывала о том, чтобы заняться каким-нибудь физическим трудом, например, мытьем подъездов. Но тут муж снова сделал очень мудрый ход, и на выигранные деньги купил хороший компьютер. Быстренько научил меня с ним обращаться на самом примитивном уровне, и я в свободное время, которого у меня, прямо скажем, хватало, стала практически машинисткой-надомницей. Это тоже слегка украсило нашу жизнь, да и я была все-таки при деле.

Я только радовалась, что мы не поторопились заводить детей, потому что на них у нас, уж точно, никаких денег не хватило бы. Что же касается собаки, то Элси мы просто нашли в нашем подъезде: лежал под лестницей крохотный грязно-рыжий комочек и даже скулить уже не мог – обессилел. Мы с Сергеем как раз возвращались домой, причем по дороге встретились, что было большой редкостью, и у меня буквально сердце перевернулось, когда я увидела несчастное существо.

– Сереженька, давай его возьмем, – попросила я жалобно. – Ведь живая душа, жалко.

– Возиться ты с ней будешь? – как всегда практично подошел к проблеме муж. – В смысле кормить, выгуливать, водить к ветеринару и так далее?

– Мы повесим объявление. Может быть, щенок просто потерялся, и хозяева его ищут. А пока…

Я не слишком надеялась на успех: Сергей домашних животных не жаловал, но в тот день ему заплатили, как он сказал, за одну неплохую халтурку и настроение у него по этому поводу было значительно лучше, чем в обычные дни.

– Хорошо, – пожал он плечами. – Но это – твоя охота, Акела. В смысле, твоя собственная игрушка, я тут не при чем.

Я наклонилась к щенку и на меня глянули два карих глаза с такой тоской и таким отчаянием, что никаких сомнений относительно дальнейших действий у меня не осталось. Я взяла в руки еще теплый комочек и понесла его домой. Там на свой страх и риск помыла, завернула в полотенце, высушила и позвонила Асе, у которой уже давно появился довольно-таки страхолюдный пит-буль. Так что про собак она знала много больше, чем я.

– Какой породы? – прежде всего спросила она.

– Рыжей и лохматой, – честно ответила я. – Непонятно, словом. Может, обыкновенная дворняжка.

– Дай ей сегодня на ночь теплого молока, а завтра попробуй накормить овсянкой. Мяса пока не давай, неизвестно, какого возраста твоя находка. Вдруг еще сосунок.

Когда «сосунок» высох, я аккуратно расчесала его шерстку, после чего он стал прехорошеньким. Точнее – она, как определил мой муж, полюбопытствовавший, как идет работа у Лиги спасения животных. Потом налила ей в миску чуть

подогретого молока и, к моему великому облегчению, она почти все выпила. После чего заснула прямо у меня на руках.

Я соорудила ей подстилку из старых тряпок в самом теплом углу кухни и временно оставила в покое. Сама же написала несколько объявлений о находке и Сергей, у которого очень кстати кончились сигареты, по дороге к палатке расклеил их по всем подъездам нашего дома.

Никто на эти объявления так и не откликнулся. Щенок ночью сделал лужицу на кухне, утром я все-таки вывела его погулять, точнее, вынесла на руках. Собачников в нашем дворе всегда было немало, так что прибавление к их племени вызвало восторги и критические замечания. Сошлись на том, что щенок все-таки не дворняжка, а ирландский сеттер, что овсянкой его нужно кормить действительно по утрам, а вечером давать небольшой кусочек вареного мяса, но это позже.

В общем, полезных советов, а также телефонов ветеринаров и прочих специалистов я получила уйму. А заодно придумала собачке имя: Элси. Почему – понятия не имею, наверное, подсознательно у меня это имя как-то связывалось с Ирландией. Так и зажили мы с ней, а потом Аська приволокла откуда-то книгу по воспитанию породистых собак и я стала растить Элси «по науке».

Конечно, дрессировать ее по полной программе я не собиралась: сеттер – собака охотничья, а это занятие мне явно не грозило. Но очень скоро Элси уже не делала лужиц, понимала самые простые команды и оказалась удивительно

неприхотливой в еде. А еще – удивительно ласковой и привязчивой, так что теперь, когда Сергея не было дома, я уже не чувствовала одиночества: у моих ног лежало рыжее существо с длинной, бархатистой шерсткой, которое отзывалось на любое мое движение и вообще прекрасно понимала настроение хозяйки.

С Сергеем у них выстроились какие-то дружелюбно-отстраненные отношения: она признавала его хозяином, даже подчинялась командам, но никогда не старалась быть поближе к нему и гораздо охотнее гуляла со мной, чем с ним, хотя прогулки вообще любила до беспамятства. А еще обожала причесываться, причем свою деревянную гребенку приносила сама и клала мне на колени, после чего смотрела такими умоляющими глазами, что отказать ей не было никаких сил.

– Это не собака, – безаппеляционно заявила Ася, когда впервые увидела Элси. – Это хорошо выдрессированная кошка.

– Кошки не поддаются дрессировке, – заметила я.

– Твоя, как видишь, поддалась. Заметь, она увидела меня впервые, пару раз гавкнула, думаю, для приличия, потом обнюхала и успокоилась. Ну, и от кого может защитить такая, с позволения сказать, собака?

– Между прочим, когда мы с ней гуляем, она чужих ко мне близко не подпускает, – обиделась я за свою любимицу. – И тех, кто впервые приходит в дом, облаивает по полной программе, пока не услышит, что это «свой». Может быть, она

интуитивно почувствовала, что ты не чужой человек?

– Не очеловечивай песика, – отмахнулась Ася. – Все равно это просто живая игрушка, вот и все. А вот мой Марс…

– Твой Марс вообще никого, кроме тебя и твоего супруга не признает, – сказала я. – А меня от одного его вида в дрожь бросает. Это же собака-убийца, в Англии, например, их давно запретили держать и разводить.

– Ну, хозяев он никогда не тронет, – усмехнулась Ася, – а остальные для него всегда враги. У него же полгода личный тренер был, вымуштровал его по всем правилам. Я лично это чудовище просто обожаю.

– А твой муж?

– Они друг другу импонируют. Солидный банкир и солидная собака. Между прочим, Марс очень часто ездит с мужем в его офис. Говорят, производит на посетителей колоссальное впечатление. Особенно, если у посетителей не все в порядке с биографией и честностью. Самый лучший телохранитель: не подкупишь, не поймаешь на каких-то слабостях, не переманишь на свою сторону.

– Тебе виднее. Я предпочитаю свою Элси. Наверное, это действительно живая игрушка, но я ее люблю.

Элси подошла и лизнула мне руку. На какую-то долю секунды мне показалось, что собака действительно все понимает, но потом я подумала, что она просто так отреагировала на интонацию, с которой я произнесла ее имя. Говорят же: собачье чутье. Нет, не надо мне никаких собак-телохраните-

лей…

Воспоминания оборвались в тот момент, когда я обнаружила, что Сергей тоже лег, но не спать, как это обычно бывало, а… В общем, выполнять свой супружеский долг, что последнее время случалось у нас все реже и реже. Возможно, его так возбудили наши разговоры о Париже. Или просто решил отметиться на всякий случай: дальняя дорога, самолет, кто его знает, как там повернется…

Я уже засыпала, поэтому кульминацию пропустила. Но судя по тому, что супруг после всего заснул почти мгновенно, мероприятие было проведено качественно. С этой светлой мыслью, наконец, крепко заснула и я. И проснулась в обычное время: что-то около девяти.

Я тихонько встала, чтобы не разбудить Сергея, накинула халат и выскользнула из спальни на кухню. Теперь в нашем распоряжении была большая проходная комната, которая служила и гостиной, и кабинетом, и маленькая, узкая, с большой кладовкой в торце напротив окна. Руки у моего супруга действительно золотые, поэтому кладовка довольно быстро превратилась в гардеробную комнатку за раздвижной дверью, так что надобность в массивном шкафе для одежды и белья отпала сама собой.

Этот шкаф переехал в бывшую мою изолированную комнату, туда же выставили диван-кровать и «парадный» обеденный стол со стульями. Тут, как правило, ночевали мои родители во время их кратких наездов в Москву, а иногда,

но тоже очень редко, эта комната служила действительно гостевой: для припозднившихся друзей.

Но вообще-то стараниями Сергея квартира преобразилась почти до неузнаваемости: все двери (кроме входной, естественно), раздвижные, вместо старого паркета положен новомодный ламинат, обои тоже какие-то самоклеющиеся или самомоющиеся. Санузел переделан по европейским стандартам, и оснащен соответствующей сантехникой.

Только до кухни дело еще не дошло, хотя потолок в ней Сергей уже задекорировал пластиковыми панелями. В общем, все почти как в Европе, только в одном из старых спальных районов Москвы. То есть, и до центра, и до окраины, было одинаково далеко ехать и кругом стояли грустные блочные пятиэтажки, так называемые «хрущобы». Периодически проходила волна слухов, что их вот-вот снесут, а нас переселят то ли на соседнюю улицу, то ли вообще за пределы Москвы, но до сих пор все только слухами и ограничивалось.

И все-таки на кухне было уютно и тепло, даже в ее первозданном, так сказать, виде. В самом теплом уголке я обычно и сидела, если приходила охота помечтать или просто подумать о чем-нибудь. Сигарету, наконец, выкурить. Хотя эта вредная привычка была у нас обоих, но как-то само собой сложилось так, что курили мы только на кухне. За редчайшими исключениями: например, при гостях или когда было просто невозможно оторваться от какой-нибудь телевизионной передачи. Для спальни же исключений не делалось ни-

когда: и без того там порой бывало душновато.

Я налила себе давно остывшего чая, забралась в свой уголок и закурила. Что ж, наверное, действительно подошла моя очередь что-то сделать для Аси, потому что до сих пор помощь приходила исключительно от нее ко мне, а не наоборот. Тем более, что от этой поездки, как я понимала, зависело и ее личное счастье.

Такой вывод я сделала потому, что несколько лет тому назад разговор с Асей повернулся как-то так, что я не могла не спросить ее:

– А как твой сэнсэй? Или все давно кончено.

Асино лицо тут же отвердело, но ответила она совершенно спокойно:

– Ничего и не кончалось. Просто муж не во время запретил мне заниматься бизнесом. Иначе я давно бы купила себе независимость, развелась бы и мы могли бы быть вместе. Я – однолюб, Лена. Он, кажется, тоже. Но московская прописка у нас обоих уже есть, осталось только получить свободу и купить собственное жилье. А для всего этого нужны деньги, и немалые. Просто так муж меня не отпустит.

Значит, выходя замуж, она уже планировала просто использовать своего Анатолия в качестве трамплина, а настоящее семейное счастье обрести со своим таинственным сэнсэем. Поскольку периодически она просила меня обеспечить ей алиби, я сделала простой логический вывод: их встречи продолжаются. Если Ася – однолюб, о каких-то других лю-

бовниках и речи быть не могло. Тем более, что секс как таковой Асю никогда не привлекал, темперамент у нее был скорее прохладный, нежели пылкий.

Что ж, а я совмещу приятное с полезным. Помогу подруге обрести финансовую независимость, а с нею – личное счастье. Реализую свою абсолютно нереальную до сегодняшнего дня мечту: увижу Париж. Мне много раз снился этот город, но сны эти не приносили успокоения. То мне мерещилось, что я села в самолет без документов и денег, то Париж оборачивался каким-то странным, полуфантастическим городом, где я никак не могла сориентироваться. В общем, сплошные расстройства.

А теперь все будет по-настоящему. Я ничего не забуду, все сделаю правильно, все возьму с собой и прилечу именно в Париж, причем не проснусь непосредственно после приземления самолета, чтобы обнаружить себя в собственной московской квартире. Ради этого можно было потерпеть и парик, и чужой паспорт, и таинственное поручение. Я, во всяком случае, отказываться не собиралась.

Но и поверить в то, что всего лишь через несколько дней я окажусь там… Нет, решительно это не укладывалось в моей ослабленной бессонницей и воспоминаниями голове. Тогда я прибегла к старому проверенному способу: взяла листок бумаги и набросала примерный план того, что я должна увидеть в Париже, что я могла бы увидеть в Париже, что там обязательно надо купить, а что – просто полюбоваться.

Потом я написала еще один список: что взять с собой и что нужно купить специально для поездки. Я так привыкла составлять для себя всевозможные планы и списки, что сейчас делала все почти машинально, то и дело сбиваясь на воспоминания о сегодняшнем разговоре с Асей. И что-то мне в этих воспоминаниях мешало, какая-то мелочь колола, точно крохотная заноза, но обнаружить, а значит, и вытащить ее я не смогла.

Пока я занималась бумажками совсем рассвело, запели птицы, зашумели первые машины, и я поняла, что сладкий сон сегодня мне не грозит. Что ж, значит нужно заварить овсянку Элси, позавтракать самой, то есть выпить чашку кофе покрепче, и идти на прогулку с собачкой. Она, кстати, уже давно приплелась на кухню, посмотрела обалдевшими глазами на бодрствующую в столь неурочное хозяйку и легла досыпать у меня в ногах.

– Ну что, девочка, пойдем проветримся? – спросила я ее. – Как насчет погулять?

«Насчет погулять» Элси была готова всегда, как юный пионер. Я быстро и по возможности тихо оделась, взяла собачку на поводок и выскользнула из квартиры.

Утро было удивительно тихим и солнечным. Мы вышли раньше всех собачников и вообще – нормальных людей, так что я с доброй душой спустила собаку с поводка и предоставила ей полную свободу размять лапы. А сама села на ближайшую скамейку, снова закурила и подумала: «Ну, что та-

кого странного было во вчерашнем разговоре?»

Нет, не «дело жизни и смерти», это наверняка просто красивая метафора. И даже не то, что Ася для собственного мужа как бы сама летит в Париж на недельку. Возможно, она поставила все на то, чтобы получить долгожданную свободу, и проигрыш для нее мог быть действительно роковым. Это я все понимала.

Непонятно было только одно: у Аси куча близких и не очень знакомых с заграничными паспортами, которым незачем играть в шпионские игры и которые ездят по всему миру, буквально круглый год. Почему она выбрала меня? Столько раз твердила, что в серьезных делах я – сущий ребенок, и вдруг доверяет мне такое…

Нет, я так и не поймала царапнувшую меня фразу. И решила временно все это забыть. Само вспомнится, если понадобиться. А мне нужно было готовиться к поездке в город моей мечты.

Я подозвала Элси и мы отправились домой. Денек мне предстоял достаточно напряженный.

***

– А если она все-таки вернется из Парижа? Весь твой замечательный план – коту под хвост?

– Один шанс из ста, что ей удастся это сделать. Надо еще доехать из Шереметьева до дома. Тут вообще все про-

сто, как апельсин.

– И дешевле?

– Разумеется. Но это – вариант на самый крайний случай, чтобы палка вдруг не выстрелила.

– Разумно. Хотя… довольно жестоко. С моей точки зрения. Вы же столько лет были близки…

– Ну и что? Я не имею права на такую роскошь, как сентиментальность. И тебе не советую в нее впадать. Во-первых, это не твое амплуа, а во-вторых, у этих игр есть свои правила, которые лучше соблюдать.

– Но ведь она не знает этих правил!

– Тем проще для нас. А мне позарез нужна эта поездка, иначе пойду по миру с протянутой рукой.

– Насколько мне известно, у тебя…

– Пришлось сделать один важный документ и кое-какие действия с ним. Стоило практически всех моих сбережений. Но зато теперь у меня стопроцентная гарантия безопасности. И возможность поговорить кое-с кем на равных. После чего – конец этой безумной гонки, свобода и личное счастье.

– Я могу поинтересоваться, о каком документе речь?

– Знаешь, тебе лучше об этом не знать. Крепче спать будешь.

Глава третья. Дунька в Европе

Через два дня, с утра пораньше, я уже была у Аси. Там какой-то ее приятель-визажист придал моей не слишком оригинальной физиономии максимально возможное сходство с фотографией на загранпаспорте и помог надеть действительно красивый парик – практически копию Аськиной шевелюры. Лететь мне предстояло в брючном костюме моей подруги, так что свои брюки и курточку я оставила у нее, а сама переоблачилась в очень элегантный и наверняка не дешевый наряд в бежевых тонах.

Дымчатые очки довершили создание двойника: из зеркала на меня действительно смотрела Ася. Сама же она, умело скрывая нервозность, объясняла мне, где путевка, где страховка, а главное – заставила наизусть затвердить номер телефона, по которому следовало позвонить в первый же день прилета, и фразу, которую обязательно нужно сказать. Пароль, в общем.

После этого она с помощью того же визажиста придала себе максимальное сходство со мной и мы отправились в Шереметьево. Впервые я ехала в так называемом «лимузине» и чувствовала себя не то миллионершей, не то эстрадной звездой, не то героиней какого-то фильма из великосветской жизни. Точно сказать не могу, знаю только, что элегантная блондинка в фирменном прикиде у меня с моей собственной

персоной никак не ассоциировалась. Мне просто казалось, что я вижу свой очередной несбыточный сон о Париже, вот и все.

Аська клюнула меня в щеку и пожелала счастливого пути и мягкой посадки. После чего довольно шустро затерялась в толпе пассажиров и встречающих, хотя направилась не к самому выходу, а куда-то вбок. Ну, мало ли что там могло находиться, правда? Я же целиком сосредоточилась на совершенно новой для меня процедуре вылета за границу.

Проходя таможенный контроль я заставила себя мысленно повторять супербессмысленную детскую считалку про десять негритят. Зачем? А затем, что будучи довольно начитанной девушкой я в каком-то фантастическом произведении о телепатах почерпнула такую интересную вещь: если повторять в уме что-то, совершенно не имеющее отношение к текущему моменту, то твои настоящие мысли никто прочитать не сможет.

Пограничники, конечно, не телепаты, но кто их знает! В газетах вон пишут, что они все как один отличные физиономисты и неплохие психологи. Возможно и так, но на меня они обратили ровно столько же внимания, сколько на остальных пассажиров, то есть мазнули взглядом по лицу и поставили соответствующую отметку в паспорте.

Так что некоторое время спустя, дрожа от восторга, ужаса и возбуждения, я благополучно миновала таможенный и паспортный контроль в Шереметьево и направилась навстречу

чудесной неизвестности. И чудеса не замедлили сказаться: первым делом я столкнулась нос к носу со своим непосредственным начальником и его супругой, которые, к счастью, летели не в Париж, а в Анталию.

Я чуть было не поздоровалась, приготовившись давать объяснения, почему я болтаюсь в международном аэропорту, если отпрашивалась в больницу, но вовремя прикусила язык. Шеф меня не узнал! После этого я чудесным образом успокоилась и окунулась в атмосферу собственно путешествия.

То есть погуляла по самому аэропорту, посмотрела на ассортимент товаров в магазинчиках «Дьюти-фри», купила себе в дорогу какой-то красивый журнал. Я даже успела выпить чашечку кофе – довольно безвкусного, должна сказать, – когда объявили посадку на мой рейс.

Перелет прошел в состоянии абсолютной эйфории: я даже не думала, что бывают такие большие и полупустые самолеты, где в заднем отсеке (для курящих) можно выбрать кресло рядом с иллюминатором и любоваться пейзажами, попивая предложенную стюардессой минералку.

Кстати, вместо минералки можно было заказать и что-нибудь покрепче, но в этом плане я на себя не слишком надеялась. Ведь для чего люди пьют? Для дури и для запаха – вот для чего. Дури у меня, если верить супругу, своей хватало, а для запаха имелись вполне приличные духи. Я и без горячительных напитков была слегка под хмельком от начавшей

сбываться сказки.

Не отказалась я и от чашечки кофе после обеда, состоявшего из пластикового подносика с булочкой, кусочком сыра, котлеткой и какой-то зеленью. А еще был кофе и вполне приемлемое пирожное, которое я тоже оприходовала: кутить так кутить, особенно если учесть, что платить за все это не приходилось. В общем, я боялась признаться самой себе, что попала просто в сказку. Три часа полного счастья – да это же просто невероятно!

Вот в состоянии такой эйфории я решила проверить, не снится ли мне все это, и достала из сумочки паспорт. До сих пор я его как следует рассмотреть так и не удосужилась, ограничилась фотографией. Я полюбовалась красивой французской визой, полистала странички…

Странно. Ася довольно часто ездила за границу, но это никак не было зафиксировано в паспорте: только одна-единственная туристическая виза во Францию. Новый паспорт? Наверное, в старом у нее уже и места не осталось для виз. Да нет, выдан довольно давно, почти год тому назад. Странно, право…

И тут я прочитала три слова, которые меня, мягко говоря, поразили. Анастасия Михайловна Соколова. Девичья фамилия Аси, по мужу она – Яблонская. Как же ей удалось проскочить ОВИР под своей девичьей фамилией? Что за чудеса?

Между прочим, Аська ни словечком не обмолвилась о том, что паспорт мне дала с такими вот «исходными дан-

ными». Наверняка и в списке руководителя группы я числюсь под той же фамилией. Очень во время я проявила любопытство: было бы страшно интересно, если бы при проверке списка я не откликнулась, хотя группа была уже практически пересчитана по головам. Что за странная забывчивость? И главное, зачем ей это все нужно?

И тут меня словно током ударило: я вспомнила, что именно неприятно поразило меня в одном из наших последних с Асей разговоре. Она сказала:

«А в Париже с делом справится кто угодно, лишь бы долетел благополучно туда и обратно». Вот это «лишь бы» и сидела во мне невидимой занозой. Почему я не спохватилась тогда, не потребовала объяснить мне, в какую авантюру она меня втягивает? Конечно, она могла бы в ответ выдать очень складную и убедительную версию, правда, не имеющую ни малейшего отношения к действительности. Но все же…

Как же хорошо она меня знает! Она знала, что не услышит от меня никаких дотошных вопросов, что, услышав заветное слово «Париж», я проглочу любую кое-как сляпанную версию. И я ведь именно так и поступила, хотя любой другой человек на моем месте впился бы в Асю мертвой хваткой и заставил рассказать все в мельчайших деталях. А она выбрала меня, и в очередной раз не промахнулась и не просчиталась.

Н-да! Впору потребовать, как это делал один из современных литературных героев: «Остановите самолет, я слезу». К сожалению, это невозможно, самолет остановится только

в том пункте куда направляется. И благополучно я туда, безусловно, долечу, потому что подозрительных личностей в самолете не заметила.

Впрочем, для верности я прогулялась по всем салонам авиалайнера и не обнаружила абсолютно ничего подозрительного. Да и пассажиров было всего несколько десятков. Семейные пары, особенно с детьми, отметались сразу: так террористы или злоумышленники не маскируются. Женщин было мало, но они держались как-то обособленной группой и были очень недурны собой. Наверное, манекенщицы. Остальных теток я знала: они были из моей группы, равно как и несколько мужчин. Те же джентльмены, которые находились в самолете вне нашей группы, выглядели крайне солидно и респектабельно. Непохожи…

Хотя откуда я знаю, как они должны на самом деле выглядеть? Если злодей и преступник, то обязательно с густой черной бородой, зловещей усмешкой и черной повязкой на одном из глаз? Глупо и смешно, наконец.

Да, нужно было Анастасии Михайловне устроить допрос с пристрастием и третей степенью устрашения. Только вряд ли она сказала бы правду. Скорее всего, загрузила бы меня таким количеством всевозможных иностранных терминов, что я сама бы отказалась все их выслушивать и махнула рукой. Лучшая подруга, подумать только! Нет, назло ей слетаю туда и обратно вполне благополучно. И обязательно получу свою законную долю удовольствия. А там видно бу-

дет.

Между прочим, очень даже возможно, что по другому, настоящему своему заграничному паспорту она тоже улетела куда-нибудь за границу. Насколько я помню, деловые связи у нее и ее супруга были по всей Европе и, естественно, в Америке. Не могла же она разорваться пополам, чтобы быть одновременно в двух или даже трех местах. Вот она и соорудила из меня двойника. То-то мне показалось в Шереметьеве, что она не на выход отправилась. Ну, Аська! Ладно, вернусь – разберемся во всем и со всеми, мало никому не покажется.

Самолет как раз пошел на посадку, так что нежный радиоголос посоветовал всем пристегнуть ремни и по возможности не шастать по салону. Возможно, кто-то из стюардесс засек мою разведывательную прогулку и теперь решили перестраховаться. Хотя, террористы, которые в фильмах захватывают самолет, делают это обычно или сразу после взлета или посредине пути. А вот непосредственно перед посадкой… Мне лично таких фильмов глядеть не доводилось.

У английского поэта Киплинга есть строчки-заклинания; «А я хочу в Бразилию, в Бразилию, в Бразилию, увижу ли Бразилию до старости моей?..» Так вот, если вместо «Бразилия» поставить «Париж», получится то, что ваша покорная слуга бормотала про себя с юности и до приземления самолета. Голубая, хрустальная, самая заветная мечта: увидеть Париж и… Не умереть, конечно, но жить дальше, сознавая,

что сказка все-таки стала былью. Если. чего-то сильно захотеть – обязательно сбудется.

И вот огромный аэробус плавно приземляется в парижском аэропорту имени Шарля де Голля, а мне хочется ущипнуть себя: сколько раз мне снился этот момент! Щиплю – не помогает, все равно иностранный аэропорт с незнакомыми запахами и непонятной речью гостеприимно распахивает передо мной стеклянные двери, турникеты и так далее и тому подобное.

Людей практически не было видно, в залах стояли полупустые и вовсе пустые кожаные кресла и диваны. Здесь таможенники работали не так, как в России, а очень, я бы сказала, весело. Весело сверив мои паспортные данные с какими-то другими данными в компьютере, огромный улыбающийся негр-таможенник, не взглянув на мой багаж, шлепнул в паспорт разрешительную печать и пропел: «Мерси, мадам!».

Я не снесла восхищения и закричала во весь голос:

– Господи, неужели меня целую неделю никто не назовет не то что женщиной, но даже девушкой?

Действительно, целую неделю меня только и называли – мадам. В переводе с замечательного французского языка это означает «моя дама» и, согласитесь, приятно отличается от нашего туалетно-гинекологического обращения к согражданам. Когда еще доберемся до «сударыни и сударя», тем более – до «госпожи и господина»! Как отлаял товарищ

Шариков семьдесят лет тому назад, что «господа все в Париже!», так и живем.

Объяснить это невозможно. Это надо слышать. С утра до вечера и с вечера до утра, в любом кафе, магазине, парикмахерской, автобусе, да и просто на улице слышать, как тебя называют «мадам». Мерси, мадам. Бонжур, мадам. Сию секунду, мадам, К вашим услугам, мадам. Фантастика!

Не преувеличу, если скажу, что о Париже я прочла все, что можно было прочесть на обоих языках – русском и французском – видела много фильмов и пропасть фотографий. Мечта, таким образом, теоретически была изучена вдоль и поперек, но практически оставалась недоступной. И вот – наконец-то!

Кстати, я была права: когда наша группа собралась в условленном месте и появилась переводчица, то перекличка была произведена. Хорошо, что я оказалась готова к этому мероприятию и сумела откликнуться, как ни в чем не бывало.

Пока мы ждали автобуса, который и должен был отвезти нас в вожделенный рай, несколько человек, уже изнывшихся по никотину, устроились чуть поодаль от остальных рядом с большой хромированной пепельницей, точнее, вазой на тонкой ножке, которая и выполняла вышеуказанную функцию. Естественно, я присоединилась к ним. Менее естественно было только то, что я была тут единственной женщиной, поэтому остальные дамы посмотрели на ме-

ня, мягко говоря, без особой приязни. Я даже уловила довольно громкий шепот одной из них:

– Не дай бог такую соседку по номеру!

Вопроса о том, хочу ли я видеть ее или кого-нибудь еще в качестве соседки, у нее даже не возникло. Впрочем, в молодости я тоже считала курящих женщин падшими созданиями. Но времена все-таки меняются, пора бы и нравам стать более широкими и терпимыми.

– Вы первый раз в Париже? – спросил меня один из коллег-курильщиков.

Я кивнула.

– Ну, тогда вам будет интересно, – великодушно сообщил он мне. – А меня супруга второй раз сюда притащила, хотя лично я предпочел бы Вену или хотя бы Прагу. Пиво в Париже отвратительное.

На какую-то секунду я даже остолбенела. Меньше всего в любом городе мира меня бы волновало качество местного пива. Правда, я вообще равнодушна к этому напитку. Но оценивать Париж с такой точки зрения мне показалось просто святотатством.

– А что они там в компьютере высматривают, не знаете? – перевела я разговор на менее скользкую для меня тему. – Вы-то наверняка знаете, если много путешествуете.

– Конечно, знаю, – не скрывая удовлетворения, отозвался мой собеседник. – Смотрят, не находитесь ли вы в международном розыске. Некоторые особо умные считают, что в со-

ставе туристической группы легче проскочить, нас же почти не досматривают.

В этот момент переводчица позвала нас к автобусу, и мелькнувшая у меня в голове довольно занятная мысль куда-то подевалась. То-есть, в голове-то она, конечно, осталась и когда-нибудь вынырнет на поверхность, но в данный конкретный момент я ее безнадежно упустила. Жаль, мне показалось, что мысль на сей раз была довольно оригинальной, более того, отвечала на многие особенно острые вопросы, которые возникли у меня в связи со странным заграничным паспортом.

Мы уселись в чистенький, комфортабельный автобус и под ласковым майским солнышком отправились в путь – в гостиницу под названием «Монтерей», расположенной, как я потом выяснила, возле одноименной станции метро. Между прочим, конечной на этой линии, так что жить нам предстояло, судя по всему, на окраине. Хотя парижские окраины… С их расстояниями – это наша Москва в пределах третьего транспортного колечка.

Действительно, эта самая «окраина» меньше всего походила на наши «спальные районы». Современное многоэтажное здание гостиницы, все в тонированных стеклах, фасадом выходило на очень уютную небольшую площадь, которую с трех сторон обрамляли пятиэтажные дома классического для Парижа стиля, хотя и новые.

Тут меня подозвали за ключом от номера. Мои колле-

ги по путешествию уже их получили и даже успели обсудить, где и что выгоднее всего покупать. Мысленно я дала себе страшную клятву не выдавать своего знания языка, иначе меня тут же запрягли бы в качестве гида-общественника по магазинам. А такая программа «наслаждения жизнью» меня категорически не устраивала.

Ася позаботилась обо всем: даже переплатила за отдельный номер в гостинице. Никакой роскоши: небольшая комната с широкой удобной кроватью, пара кресел, журнальный столик, шкаф для одежды. Естественно, отдельный санузел в розовом кафеле и зеркалом во всю стену над ванной.

Чистые, пушистые полотенца, блеск никеля, ослепительно белый фаянс. И – запах уюта и элегантности, который, когда я уже позже познакомилась в Москве с появившимися всевозможными освежителями воздуха, всегда вызывал у меня в памяти Париж, отель «Монтерей» и вид с седьмого этажа на город моей мечты. Была видна Эйфелева башня, рафинадно-белый, точно игрушечный собор Сакре-Кер на Монмартре и какая-то совершенно прямоугольная стеклянная башня, мне пока не понятная. То есть в книгах я о ней не читала и в кино не видела.

В этом отдельном номере я обнаружила также два пакетика растворимого кофе, два пакетика чайной заварки, маленькую упаковку сахара, пару печений и мини-электрочайник. Так что действительно не было никакой необходимости тащить с собой банку с кофе, сахар и кипятильник с круж-

кой.

Равно как и мыло с шампунем – все это уже было в ванной комнате и, как я потом обнаружила, возобновлялось по мере необходимости. В моем случае, каюсь, ежедневно. Благо никто не мог поймать меня за этим малопривлекательным занятием: коллекционированием пакетиков и флакончиков.

И уж тем более никто не мог помешать мне в осуществлении моей благородной и нелегкой миссии: кое-что передать, кое-что получить. Вот только как я буду объясняться с этим типом, пусть хоть и по телефону? Как только я вошла в отель, мои знания языка испарились начисто. Собственно говоря, они это сделали еще в момент приземления самолета. От радости осуществленной мечты у меня, по-видимому, случился легкий приступ амнезии.

К тому же я хотела пить, и не кофе или чай, а просто попить воды. Как утолить эту жажду было непонятно: воду из-под крана я, дитя России, не могла решиться пить даже в одной из самых блестящих европейских столиц. Самым разумным мне показалось разыскать горничную и знаками объяснить ей ситуацию.

Согласно сложившимся у меня по французским фильмам представлениям о гостиницах, горничные там в невероятных количествах суетились на каждом этаже. Увы, в этих фильмах демонстрировались явно не двухзвездочные отели для туристов: на этаже было пусто.

В поисках горничной я шагнула за дверь номера

и она с легким щелчком электронного замка захлопнулась за мной. Ключ же, естественно, остался внутри. Вот тут я сразу вспомнила все, чему меня учили в школе и в институте, и вполне связно изложила примчавшейся на мои вопли горничной свои проблемы…

Напившись воды и успокоившись, я подняла телефонную трубку, набрала номер и произнесла намертво заученную за последние два дня фразу:

– Могу я поговорить с месье Анри Берри, пожалуйста?

Как ни странно, меня поняли. И, если я в свою очередь правильно поняла своего собеседника, то мне надлежало через два дня в составе нашей туристической группы посетить музей парфюмерии. Там наша встреча и состоится, причем для пущей верности я должна была держать в руках французскую газету. Любую. В общем, наверное, правильно: российские граждане шастают по Парижу с сумками, а не с газетой на чуждом им языке.

Два дня, таким образом, оказались полностью в моем распоряжении, и я могла наслаждаться жизнью, как мне и было обещано. Но утром я обнаружила, что любимые босоножки, взятые с собой специально для долгой и беспроблемной ходьбы, уже создали мне проблему. Они не выдержали даже первого дня соприкосновения с парижской мостовой и просто развалились. Это уже смахивало на трагедию: кроме них у меня была только пара кроссовок, в которых я прилетела. Но целый день в них по той жаркой погоде, которая была

в Париже… И думать нечего!

В совершенно растрепанных чувствах я выглянула в окно и увидела нечто неожиданное для Парижа, но прекрасно знакомое по Москве: барахолку под окнами отеля. Как выяснилось, мне просто повезло, поскольку функционирует это явление один раз в неделю, по понедельникам. Но это все я узнала потом, а тут мухой слетела на первый этаж и понеслась через дорогу к первому же обувному развалу. На нем мне в глаза бросились так называемые «сабо» темно-соломенного цвета, оказавшиеся как раз впору. А лучшее, как говорится, враг хорошего.

– Сколько с меня? – спросила я хозяина.

– Десять франков, мадам, – с обязательной для них всех улыбкой ответил он.

– Вы шутите? – заподозрила я.

Заподозрила не случайно: я уже знала, что именно столько стоит чашка кофе. Но чтобы практически новая обувь…

– Вовсе нет, – уже серьезно отозвался он, – а вот эту пару, например, могу уступить за пять франков. Тут все цены такие.

И я купила сабо. А поскольку время до утреннего сбора группы у меня еще оставалось, я немного побродила по толкучке, приобрела очень пикантную белую и почти прозрачную ночную сорочку (за те же десять франков!) и широкополую соломенную черную шляпу. В общем, мотала деньги с наслаждением, но самое интересное заключалось в другом:

все три мои покупки до сих пор мне исправно служат. Париж есть Париж!

Когда все собрались в холле гостиницы, одна из дам обнаружила мою обновку (сабо, разумеется, а не ночную рубашку) и страшно взволновалась:

– Где вы это купили? Последний писк моды, настоящая кожа… Сколько это – франков двести, наверное.

– Да нет, – довольно прохладно отозвалась я, – франков десять. У меня туфли развалились, а там, через дорогу барахолка.

– Но они же новые! – возмутилась дама. – Зачем вы мне голову морочите?

С неподдельным изумлением я воззрилась на свои ноги и поняла, что сабо действительно практически ненадеванные. И, наверное, действительно кожаные, раз эта дама так считает. Я-то в таких вопросах слабо разбираюсь. Что ж, возможно, я купила краденную вещь. Или кто-то выбросил – у богатых свои причуды.

Кончилось тем, что почти вся группа ринулась на толкучку, но вернулась довольно быстро, причем сильно разочарованная: барахолка и есть барахолка, обноски и лохмотья. Так и осталась у них абсолютная уверенность в том что я их просто разыграла, а сабо привезла из Москвы. Или купила накануне в одном из магазинов, пока нас возили в автобусе на обзорную экскурсию по городу: периодически-то мы из автобуса выходили и что-то там рассматривали. Я их не переубеж-

дала, мне вообще было глубоко наплевать на то, какие умозаключения они делают насчет моего поведения.

Но в этот раз нас водили по городу с обзорной экскурсией пешком, и я искренне наслаждалась каждой минутой. Правда, уже к исходу дня обнаружила, что полноценному наслаждению что-то мешало. Поразмыслив, я пришла к выводу, что мешает сама обстановка. В замечательном городе Париже не оказалось многого того, к чему я за тридцать с лишним лет жизни привыкла в родной Москве.

Во-первых, не было грязи. То-есть, разумеется, по нашим меркам. Одно дело – бросить окурок или бумажку на тротуар, где и без того хватает всякой дряни, и совсем другое – на абсолютно чистые плитки.

При том, что местные жители курят даже там, где у нас это категорически запрещается: в метро, магазине и так далее – они как-то исхитряются не оставлять следов. На мою психику, например, это действовало просто угнетающе.

Во-вторых, не было очередей. Ни за чем. Согласитесь, что войти в магазин, полный народу, потолкаться у прилавков, убедиться, что купить ничего невозможно из-за цены и с достоинством удалиться – это элементарно.

Но войти в пустой магазин, где продавец или даже сам хозяин встречает тебя, как дорогого гостя, и уйти с пустыми руками – задачка не из легких. Меня постоянно грызла совесть из-за того, что я как бы отрываю от дела занятых людей и ничем им потерянного времени не компенсирую.

В-третьих, все вокруг улыбались. Просто так или друг другу. У нас таких «улыбчивых» обходили бы за километр – ясно же, что с приветом. А тут наоборот: все друг другу рады, все в хорошем настроении и практически все мужчины выражают достаточно прозрачное намерение поухаживать за белокурой туристкой. Впрочем, цвет волос тут значения не имел: по-моему, французы автоматически волочатся за каждой юбкой. Это у них что-то вроде национального спорта.

И выражают это не только обращением, но и бесчисленными комплиментами. Француз, кажется, заболеет, если за пятиминутную беседу не найдет возможности сделать минимум восемь комплиментов: прическа, улыбка, глаза, руки, колечко, ноги, платье, обувь… Голос, разумеется, музыкальный. А уж французским мадам владеет в совершенстве.

Если с прической и улыбкой меня еще можно в чем-то убедить, то насчет языка и акцента сомнений не было. Мой французский далек от совершенства, тут я себя не обманывала, а то, что я – русская, французы определяли с первого слова. Наверное, именно в нем «неуловимый» акцент был особенно заметен.

Но все равно абсолютно все клялись, что мадам разговаривает как настоящая парижанка, и акцент пропадает со второго слова. Ох, уж эта французская галантность! Ее масштабы невозможно себе представить, пока не столкнешься с ней, так сказать, лицом к лицу.

В Париже я сделала еще одно сногсшибательное открытие: французам на самом деле наплевать, что на даме надето. Хотя культ женщины там находится на должной высоте. Неписаное правило каждого уважающего себя француза – говорить даме комплименты. Даже своей законной мегере он ежедневно делает не менее восьми комплиментов, причем так же естественно и непринужденно, как мои соотечественники пользуются ненормативной лексикой. А уж сделать комплимент той, за которой еще только ухаживаешь… Тут, как говорится, пределу совершенству нет.

Сначала я попадалась на эту удочку практически мгновенно и от растерянности делала массу ненужных покупок и вообще поступков. Принес официант в кафе заказ и непринужденно интересуется: а что мадам делает сегодня вечером?

И хотя мадам, мобилизовав остатки здравого смысла, понимает, что происходит чисто профессиональное охмурение клиентки, она все равно смущается и заливается румянцем, на секунду поверив в собственную абсолютную неотразимость. В Москве-то от таких знаков внимания давным-давно отвыкла, а если честно, то вообще не помнит – были ли они.

В том же кафе достаточно улыбнуться соседу – и можно больше ничего не делать. Он сам начнет разговор, сам будет его поддерживать, сам назначит свидание. Отказ воспринимается как нечто само собой разумеющееся: как мадам хочет. Все, буквально все делается, «как хочет мадам».

Все это мне в нескольких фразах объяснил хозяин неболь-

шого ресторанчика, где проходил очередной ужин нашей группы. Оторвавшись, по своему обыкновению, от коллег, я пришла туда чуть раньше и решила выпить на террасе рюмку мартини. Страшно мне это нравилось – чашка кофе или рюмка мартини в приглянувшемся кафе.

Пока я предавалась этому невинному пороку, ко мне подсел мужчина из-за соседнего столика, который уловил – еще бы не уловить! – акцент в моем французском и заинтересовался его, акцента, происхождением. А может быть, просто заинтересовался мною – у людей бывают самые разные вкусы.

В любом случае, после десяти минут беседы о моей национальности и не менее пятнадцати комплиментов моей прическе, фигуре, улыбке, рукам и даже безупречному (!) французскому месье предложил мне заплатить за мой мартини.

В панике я бросилась за помощью к хозяину, свято помня отечественную заповедь: «Кто даму ужинает, тот ее и танцует.» Предложила дать деньги ему, хозяину, чтобы он вернул их этому месье. Но хозяин моей паники не разделил:

– А почему бы месье и не заплатить за ваш мартини?

– Но я же не собираюсь потом… И вообще у нас в России не принято…

– У вас не принято, у нас в порядке вещей. Если месье хочет потратить деньги на даму – это его личное дело. Но и дама вольна после этого поступать так, как ей хочется. Чего хочет женщина, того хочет бог…

И действительно мой мимолетный знакомый совершенно спокойно перенес отказ провести с ним этот вечер. Когда впоследствии я узнала, что французы, опять-таки вопреки расхожему мнению, скуповаты, чтобы не сказать больше, я поняла, что действительно произвела впечатление на кавалера в ресторане. Ошибку я учла и даже сделала из нее кое-какие выводы на будущее.

Зато эта же поездка камня на камне не оставила от нашего расхожего представление о том, что парижанка – это идеальная фигурка на высоченных каблучках, накрашенная, надушенная и элегантно одетая. Этот собирательно-идеализированный образ на самом деле не имеет ничего общего с действительностью. То, чему подражают наши девицы и дамы, это – женщины легкого поведения, которые именно так и выглядят, профессионально привлекая к себе внимание.

А в общем и целом, у нас одеваются более броско и вычурно, чем в Париже. Парижанки же…

Если она на работе, то чуть-чуть подкрашена, безукоризненно причесана и, безусловно, одета во что-то. Но во что – определить довольно трудно. Главное ощущение – абсолютной свежести и чистоты. Облупившийся маникюр, черные, пятки немытые волосы – всего этого просто как бы не существует.

Ну и, наконец, я обнаружила, что с моим французским языком можно быть гидом в Москве – и только. Да и разговорный язык несколько отличался от литературного, к то-

му же говорят все очень быстро. Сначала мне было стыдно за постоянное недопонимание собеседника, потом – неловко, а потом…

А потом я просто смирилась с собственной неполноценностью, определив ее для себя так: «Ну вот, пустили Дуньку в Европу!». И стала вести себя соответственно: перестала притворяться француженкой. После этого стало полегче. Мораль: лучше всего быть естественной.

Но даже с таким знанием языка я могла позволить себе роскошь оторваться от нашей группы с переводчиком и всласть бродить по улицам, о которых читала, которые видела в кино и которые не чаяла узреть собственными глазами. За два дня я «нарезала» столько километров, сколько в родной Москве наверняка бы осваивала целый год.

А когда уставала, присаживалась за столиком в первом попавшемся кафе. Если бы не мысль о том, что мне предстоит выполнить роль курьера при достаточно таинственных обстоятельствах, я была бы совершенно счастлива. Хотя бы потому, что мой французский язык становился все лучше и лучше по мере общения с его носителями.

Но главной причиной для некоторой нервозности была, конечно же, предстоящая встреча. Она несколько омрачала чувство праздника, который, если верить Хемингуэю, в Париже всегда с тобой. Великому писателю было легче: его никто не заставлял выполнять сомнительные конспиративные поручения ближайшей подруги. Но Париж есть Париж: его

обаяние мгновенно изгоняет всякие мрачные мысли и оставляет только приподнятое настроение.

К тому же художественная литература и прочие изящные искусства прочно вбили в российские головы – преимущественно, конечно, в прелестные женские головки – стереотип «настоящего француза». Внешне – помесь Алена Делона с Жаном Маре, благородный мушкетер с головы до ног, потрясающий любовник и ценитель женской красоты. Весь этот винегрет густо приправляется бесконечными походами в шикарные рестораны, прогулками по Булонскому лесу и Лазурному берегу и бриллиантовой диадемой на ночном столике – «маленький сувенир, дорогая».

И все это, как ни прискорбно, просто бред сивой кобылы в ясную майскую ночь. В массе своей французы ничуть не красивее соседа дяди Васи, только моются два раза в день, не плюют на тротуары и говорят на красивом незнакомом языке. Ну и на женщин смотрят скорее с приязнью, чем с раздевающим даму высокомерием. Все остальное – тех же щей, да пожиже влей. Пардон, не щей, а лукового супа.

Но ведь известно, что женщины – существа любопытные, доверчивые и в большинстве своем склонны к авантюрам, особенно если какое-то время находятся без присмотра и контроля. Туристическая поездка в замечательный город Париж именно эту бесконтрольность и предоставляла. Посему очередная авантюра не заставила себя ждать, тем более, что сроки поджимали: шесть дней – это почти ничто. И од-

новременно – бездна времени.

Итак, знание языка позволило мне существовать в Париже относительно независимо от группы. Посему теплым солнечным днем я брела по старинным узким улочкам недалеко от Люксембургского сада в поисках «исторических мест»: с детских лет обожаю роман Александра Дюма «Три мушкетера», помню его практически наизусть и решила своими глазами увидеть основные места действия.

Улицу Феру – ту самую, на которой жил благородный Атос, мне удалось найти довольно быстро. Да и дом тоже: в длину улица простиралась от силы на пятьдесят метров при пятиметровой ширине. Пока я пялилась на подходящий архитектурный объект – старинный узкий трехэтажный дом, около меня затормозила машина и приятный мужской голос осведомился, не может ли он быть чем-нибудь полезен мадам.

– Благодарю вас, – несколько опешила я, – особых проблем нет. Так, ищу кое-какие исторические памятники.

– Тогда надо начинать с острова Сите, самой старой части города. Могу я предложить свои услуги? Мадам ведь иностранка?

Вопросительная интонация меня доконала. Не услышать тяжелый русский акцент в моей речи мог только другой иностранец. И то вряд ли. Я взглянула на собеседника: двухметровый мужик внушительной комплекции и с довольно обаятельной улыбкой. Но ни мужественного шарма Жана Маре,

ни неотразимости Алена Делона я не приметила. Да и фигура подкачала: из всех мушкетеров он больше всего походил на великолепного Портоса – наименее любимого мною персонажа романа.

В Москве исход событий был бы предрешен мгновенно: вежливый отказ и поспешное отступление. Но вольный воздух Парижа сыграл со мной очередную шутку: я согласилась. Отказаться от общения с настоящим, живым французом, да при этом прокатиться на машине по городу – кто ж от такой халявы отказывается? Тем более, что на родине меня даже в метро кататься давненько не приглашали. Почему-то.

Этьен – так звали моего нового знакомого – оказался просто находкой. Он умудрялся ловко вести машину через пробки и водовороты парижских улиц, рассказывать мне об этих самых улицах и одновременно делать комплименты. Похвалы удостоилось все: прическа мадам, туалет мадам, глаза, нос, улыбка, цвет лица, шея, подбородок, руки, туфли, кольцо, браслет, духи. Я же говорила – национальный спорт.

После часовой экскурсии Этьен предложил посидеть в каком-нибудь кафе, выпить по рюмочке мартини. Ему и в голову не пришло, что он за рулем – там на такие вещи смотрят много проще, а аварий по вине пьяных водителей почему-то меньше. Отказываться от рюмочки мартини у меня было еще меньше оснований, чем от прогулки в автомобиле. А удовольствия от этих «посиделок» я получила ничуть не меньше.

Каким-то образом эти самые французы исхитряются устраивать из ухаживания за женщиной целое шоу – и для нее самой, и для окружающих. Начинаешь чувствовать себя одновременно королевой и примадонной, жесты становятся плавными, улыбка – кокетливой и вообще появляется принципиально новое и совершенно восхитительное ощущение – желанной и красивой женщины.

И это – норма. Я потом присмотрелась, они за всеми женщинами так ухаживают, независимо от возраста и внешности. Клянусь, устоять невозможно. Только мысль о том, что я все-таки замужняя женщина, несколько отрезвила меня и заставила отклонить предложение «отдохнуть в тихом отеле».

Вот к этому я была морально решительно не готова. Возможно, это было глупо, но лечь с человеком в постель после трехчасового знакомства… нет! Не настолько уж я сексуально озабоченная, чтобы не могла несколько дней прожить без конкретного мужского внимания.

К тому же в голове гвоздем сидела мысль о предстоящей деловой встрече. Поэтому с Этьеном мы расстались как бы друзьями: он узнал, в каком отеле я проживаю, а я получила в обмен его визитную карточку. Вице-президент какой-то ассоциации. Понятия не имею, что это такое было, ибо больше нам встретиться лично было не суждено.

Тем временем, заветный день настал и я, к немалому изумлению нашего гида, чинно отправилась на экскурсию вместе со всей группой. Сама же с наслаждением лелеяла

мысль о том, что после этого чертового свидания смогу, наконец, избавиться от Аськиного парика, который мне порядком надоел.

Стану сама собой – какое блаженство! Хотя и говорят, что каждая женщина в душе – актриса, но для меня ежеминутное нахождение «в образе» оказалось довольно трудной задачей. Не уверена, впрочем, что даже самая знаменитая актриса согласилась бы каждый божий день ходить в гриме. Или даже только в парике.

Так или иначе, в музее парфюмерии я была вовремя и с французской газетой под мышкой. Держать ее в руках оказалось не слишком удобно, поскольку музей, на самом деле, представлял из себя маленький коридорчик с экспонатами за стеклом и два огромных зала, битком набитых всевозможной косметикой.

Причем любую коробочку, любой флакон можно было купить, предварительно потрогав, понюхав или даже лизнув. Видит бог, я достаточно спокойно отношусь к духам, пудре и прочим парфюмерным изыскам. Но этот музей-магазин явно создавали профессионалы: неожиданно для себя самой я оказалась вовлеченной в процесс дегустирования. Буквально через несколько минут обе руки у меня уже благоухали всеми ароматами: продавщица капала по капле каждых духов на ладонь, на запястье – куда попадет.

Естественно, что в процессе этих манипуляций я не только забыла о своей «шпионской» миссии связной, но и бла-

гополучно выронила газету. Какой-то мужчина оказался настолько внимательным, что поднял ее и протянул мне. При этом он произнес длинную фразу по-английски, из которой я почти ничего не поняла.

– Простите, но я не говорю по-английски, – объяснила я этому милому человеку. – Спасибо, что подняли мою газету.

Незнакомец явно удивился, но тоже перешел на французский:

– Разве вы не англичанка? Мне казалось, что…

– Нет, вам только показалось. Извините, я наверное не совсем понятно изъясняюсь.

– Нет, что вы, вы великолепно говорите по-французски. Как вам наш музей?

– Ваш? Вы его владелец?

– Нет, я просто здесь работаю. В том числе, хоть и редко – с посетителями…

Какая-то баба, явно не из нашей группы, навалилась на прилавок рядом со мной и водила носом по витрине. Терпеть не могу таких клуш, а эта меня вообще почему-то безумно раздражала. Видит же, что люди разговаривают, неужели нельзя найти другое место? И где-то я ее определенно уже видела, во всяком случае, у меня было стойкое ощущение «дежа вю».

Мой собеседник, по-видимому, тоже почувствовал к бабе неприязнь.

– Если вы позволите, мадам, я мог бы показать вам совер-

шенно уникальные экземпляры. Последние достижения нашей парфюмерии.

– Не знаю, удобно ли это, – замялась я, вспомнив к тому же, зачем вообще сюда явилась. – И у меня мало времени…

– Разумеется, удобно. И займет это буквально несколько минут. Кстати, позвольте представиться: Анри Берри.

Ах вот так? Что ж, значит, процесс пошел.

– Ну если вы настаиваете… Но всего несколько минут.

– Естественно, мадам. Никаких проблем.

Анри решительно взял меня под руку и повел куда-то вглубь музея. Похоже, той бабе, которая вызвала у меня такое раздражение, это не понравилось. Она сделала странное движение, как если бы собиралась последовать за нами, но во время опомнилась. Классическая ситуация: кого-то уводят в подсобку, чтобы одарить там вожделенным дефицитом. Будь это в родной Москве, я бы не удивилась, но здесь… Впрочем, женщины во всем мире одинаковы. А может, она тоже русская.

Анри провел меня в небольшой, но элегантный кабинет и… запер дверь на ключ. Мне это не очень понравилось, но, может быть, по сценарию так и полагалось. Да и чего, собственно говоря, бояться? Не убивать же он меня собирается.

– Кто вы? – спросил он вдруг, даже не предложив мне присесть.

Так и знала, что этот дурацкий маскарад ни к чему хоро-

шему не приведет.

– Ася, – после небольшой заминки ответила я. – И должна вам сказать, что эта весна в Париже еще прекраснее, чем обычно.

Дурацкая фраза, но что делать, если именно ее выбрали в качестве пароля! Похоже, Аська все-таки перечитала детективов, причем не самого высокого пошиба.

– Париж прекрасен во все времена года, – с готовностью отозвался мой собеседник, – Простите, но мне казалось, что Ася знает английский.

– Зато Ася не знает французского, – огрызнулась я.

Помешались они на английском языке, честное слово! Мало того, что в Москве плюнуть некуда, чтобы не угодить в вывеску или рекламу на английском, так еще в Париже ко мне будут приставать с этим дурацким языком. Не знаю и знать не хочу!

А мужик очень и очень недурен собой, похож на того актера, который в моем культовом фильме «Три мушкетера» играл злодея-Рошфора, да и во многих других фильмах выступал в том же амплуа. Высокого роста, худощавый, смуглый, с начинающей седеть пышной черной шевелюрой и орлиным профилем. Везет же мне на персонажи из любимых произведений! То – Портос, то – Рошфор…

– Впрочем, это не важно. Что же касается дела…

Я молча вынула из сумочки конверт и протянула его Анри. Еще немного и мои мучения, наконец, закончатся.

А если ему приспичило побеседовать с Асей по-английски, пусть приезжает в Москву. Я не намерена портить себе остаток поездки чужими дурацкими играми. Железного занавеса на них нет!

Анри ловко распечатал конверт и быстро пробежал глазами какие-то бумаги. Похоже, прочитанное его устроило. Он удовлетворенно кивнул и убрал конверт в сейф. А оттуда достал… шариковую ручку. Миленькую, но совершенно обычную: сама видела такие в Париже несколько раз.

– Вот это вы передадите Асе. А это – небольшие сувениры для вас. Компенсация за беспокойство.

В качестве сувениров мне достались небольшой флакончик духов в шелковом мешочке и необычайно красивая пудреница. На ее крышке был выведен затейливый орнамент, и все это дело венчала королевская лилия. Не пудреница – мечта!

– Это наше, фирменное, – сказал Анри, явно довольный моим восхищением. – Я надеюсь, она будет напоминать вам о вашем путешествии в Париж.

Я достала из сумочки матрешку и вручила ему. Убогий, конечно, подарок, но что еще я могла изобрести? А это, как ни крути, русская экзотика, почти символ России. Не водку же ему дарить, в самом деле! Может, он непьющий…

– А как вас зовут на самом деле, мадам? – спросил Анри.

Я замялась. Но очень быстро разозлилась на всех тех, кто имел хотя бы косвенное отношение к этой поездке. Миссию

я свою выполнила? Выполнила. Ну и славненько, теперь буду жить так, как хочу. Надоели эти загадки, сил никаких нет.

– Меня зовут Елена и я подруга Аси.

– Я бы принял вас за ее родную сестру. Сходство потрясающее.

– Долго старались… – пробормотала я.

– Кстати, что вы делаете завтра, мадам? – вдруг круто сменил направление беседы Анри. – Если у вас есть немного времени, я мог бы показать вам Париж.

Здравствуйте! А я-то собиралась избавиться от парика и очков. Оказывается, в них-то я и неотразима: не помню, чтобы в Москве, где я ходила в своем натуральном виде, кто-то пытался назначить мне свидание. Во всяком случае, последние пять лет.

– Завтра? Да ничего особенного, кажется. У нас экскурсия на Эйфелеву башню, но я боюсь высоты и…

Я осеклась на полуслове. Получалось – вроде бы изыскиваю повод для встречи. А между тем, как я с запозданием сообразила, сие предложение могло быть чистой формальностью, обычным проявлением вежливости. Французы – они такие.

– Прекрасно! – с энтузиазмом откликнулся Анри. – Значит, я заеду за вами в гостиницу. Только… приходите, если можно, без парика. В натуральном виде вы мне наверняка понравитесь еще больше.

– Вы уверены? – скептически осведомилась я. – Неужели

так заметно, что это парик?

– Заметно для тех, кто умеет замечать такие вещи, – ответил Анри. – Что ж, будем перестраиваться на ходу, и, честно говоря, я этому рад.. Прежний сценарий меня не слишком вдохновлял.

Так… Московские загадки плавно перетекли в парижские тайны. Зачем нужно было столько мороки, чтобы привезти в Москву обыкновенную шариковую ручку? И документы прекрасно можно было послать по почте или через Интернет. Нет, ситуация мне определенно переставала нравиться. Во что же меня втравила драгоценная подруга?

– Тогда до завтра, мадам, – с изысканной вежливостью сказал Анри и, приложившись к моей руке, галантно проводил к выходу.

Я вышла из музея в некотором смятении и, чтобы успокоиться и привести мысли в порядок, присела за столик в ближайшем кафе, тем более, что наша группа все еще осматривала музей, точнее, делала там покупки.

Фишка состояла в том, что любые духи там продавались чуть ли не в три раза дешевле, чем в магазинах, поскольку были не в фирменных флаконах и коробочках, а просто в металлических золотистых пузырьках, наподобие аптечных. Кто же из наших дам упустит такую возможность? Кроме меня, в группе сумасшедших явно не было.

В порядке исключения вместо кофе я заказала мартини и принялась размышлять о том, что случилось, пытаясь как

можно более четко выстроить цепь событий и хотя бы чуть-чуть разобраться в ситуации.

Поручение я вроде бы выполнила. Ручка пусть себе лежит у меня в сумочке, ничего интересного в ней нет. Флакончик духов прелестен, на запах – наплевать, какой бы он ни был, все равно при случае кому-нибудь подарю. Я – жуткий консерватор в плане ароматов и, как выбрала много лет тому назад «Клима», так и сохраняю ему верность, хотя в последнее время это становится все более накладным. Впрочем, любые другие приличные духи обошлись бы не дешевле.

А вот пудреница… Она с первого взгляда мне ужасно понравилась, и чем больше я ее рассматривала, тем сильнее восхищалась. Вещица была безупречной, даже то, что у лилии на орнаменте один из зубчиков был с небольшим изломом, ее не портило. Словом, сувениры мне понравились. И я переключилась на мысли о предстоящем свидании.

Особых сомнений у меня не было: Анри вызвал у меня большую симпатию, а от прогулки по Парижу в его обществе у меня ничего не отвалится. К тому же не исключено, что это последнее романтическое свидание в моей жизни. Муж? Муж далеко, и вряд ли у меня возникнет желание информировать его об этой части моей поездки. Да и неизвестно еще, что это будет за свидание. Может, прямиком отправят в Бастилию за то, что выдаю себя за другую. Или произойдет еще что-нибудь экзотическое.

За соседним столиком кто-то громко брякнул ложечкой

о чашку, и это заставило меня оторваться от размышлений. Я подняла глаза и увидела… ту самую бабу, которая так не понравилась мне в музее. Она жадными глазами разглядывала пудреницу, которую я так и не удосужилась убрать обратно в сумку.

Поганка какая! Терлась около меня в музее, чуть не увязалась за мной к Анри, а теперь еще пялится на мой подарок. Завидует, небось, что самой такого не досталось. Я сунула пудреницу в сумку и с вызовом уставилась на бабу: что, съела? Глупее, конечно, вести себя было невозможно, но, по-видимому, воздух Парижа сыграл со мной злую шутку, начисто лишив осторожности и чувства меры. Знать бы, где упадешь…

Чтобы отвязаться от бабы, я взяла в руки ту газету, которую купила утром специально для свидания с Анри и стала ее просматривать. И тут меня ожидал несколько странный сюрприз: в конце одной из полос я увидела фотографию… Этьена. Вид у него был, прямо скажем, не самый блестящий. Я впилась глазами в сопроводительный текст и совсем ошалела.

Там было сказано, что солидный бизнесмен, вице-президент какой-то компании, стал жертвой нападения неизвестных хулиганов, когда накануне вечером возвращался домой. Его избили и ограбили, то есть забрали абсолютно все, что при нем было, да еще карманы вывернули. Я сверилась с лежавшей у меня в сумке визитной карточкой: все правиль-

но Этьен Мартен, вице-президент… Бывают же совпадения на свете!

Тем временем баба за соседним столиком вроде бы потеряла ко мне интерес, отвернулась и стала приводить в порядок свою прическу – надо сказать, довольно невзрачную.

И тут меня пронзила страшная мысль: я собираюсь идти на свидание без парика, а как выглядят мои собственные волосы? И что делать, если я – ну, разумеется! – не сообразила взять с собой фен? Придется либо идти в парикмахерскую и выкладывать неизвестно сколько денег, либо… не ходить на свидание вообще. То есть выбора как такового, сами понимаете, не было.

Зато было свободное время до ужина и деньги, которые я фактически еще даже не начинала тратить. То есть никаких крупных покупок не делала, а кофе и мартини не в счет. Потом мне пришла в голову довольно здравая мысль: чем дальше от центра будет находиться парикмахерская, тем дешевле обойдется мне это удовольствие.

Я расплатилась, собрала свои нехитрые пожитки и пошла сначала в музей: предупредить нашего гида, что я отправляюсь в «самостоятельное плавание», поскольку следующий номер программы – визит в музей Родена – меня не слишком соблазнял. Понимаю, что такое пренебрежение великим искусством меня не красит, но…

После этого, сверившись предварительно с картой, я направилась в сторону своего, уже почти родного отеля, кото-

рый, как показывала карта, был довольно далеко от респектабельных и, следовательно, дорогих кварталов. Попутно выяснила, сколько стоит укладка в шикарном салоне: около ста евро. Ну, такие деньги я, конечно, не собиралась платить, поэтому отправилась в путь, имея в виду найти что-нибудь поскромнее и, главное, подешевле.

Искомое обрелось где-то на половине пути: небольшой, всего на два кресла, салончик на тихой боковой улочке. Я осведомилась о цене: оказалось, вполне терпимо, причем на сумму, мысленно определенную мною на это удовольствие, можно было сделать еще и маникюр. Конечно, в Москве мне бы в голову не пришло выложить больше тысячи рублей на украшение своей персоны, но пятидесяти евро за то, чтобы стать красавицей, почему-то не было жалко.

Наверное, потому, что я испытала самое настоящее потрясение, когда вошла в салон и объяснила, что мне нужно. Впрочем, потрясение испытала не только я: весь не слишком многочисленный персонал заведения сбежался посмотреть на русскую, которая хочет сделать укладку и маникюр. Такого они еще не видели и, если честно, вряд ли увидят снова: мои не слишком богатые соотечественницы-туристки предпочитают тратить свои евро совсем по-другому.

Я тоже была потрясена, потому что ни разу в Москве не переступала порога салона красоты: меня вполне устраивала соседняя парикмахерская, где стрижка стоила пятьдесят рублей. Маникюр я вообще всю жизнь делаю сама, но тут

вдруг безумно захотелось привезти «парижский маникюр» – напала такая блажь и все тут.

Конечно, я даже сама себе не призналась, что делаю все это исключительно ради завтрашнего свидания, но одновременно я испытывала ни с чем не сравнимое наслаждение – наслаждение сервисом.

Когда мне вымыли голову, порядком уставшую от парика, и приступили к сооружению прически, подошла девушка-маникюрша. Оказывается, тут не принято сажать клиенток за «операционный столик», накрытый белой простыней. Равно как не режут кожу (до мяса) металлическими ножницами. Пилочка, костяная палочка, крем для ногтей, крем для рук, массаж, лак…

И все это – одновременно с укладкой волос в скромную, но элегантную прическу, а девушка-маникюрша сидела на табуреточке рядом и все инструменты у нее на крохотном столике типа сервировочного. Неизвестно ведь, где мадам захочет сделать маникюр – возможно, как я, в процессе укладки. Или сушки под феном. Как пожелает мадам.

Я только хлопала глазами и старательно отвечала на вопросы, которыми меня просто засыпали: действительно ли я из России, как у нас там обстоит дело с женской красотой и женской жизнью вообще. Я старалась отвечать почти правду, лишь слегка маскируя ее по патриотическим соображениям.

Самое большое удивление у присутствующих вызвало то,

что в России вовсе не все женщины носят косы, и что парикмахерские, салоны красоты и даже центры косметической хирургии у нас уже имеются.

После того, как все было закончено, а лак просыхал, мне предложили чашечку кофе, и даже помогли закурить сигарету (чтобы не дай Бог не смазать лак!), и продолжали развлекать беседой. И не жалко им времени на уже обслуженного клиента!

Кстати, самый модный маникюр, как оказалось – это имитация его отсутствия. Ногти – квадратные, а под кончиками их подкрашивают специальным белым карандашом. Почти бесцветный лак почти не виден, лишь создает впечатление здорового, розового, безупречно отполированного ногтя. Чистота, свежесть, естественность…

Но мне этот новомодный стиль не очень понравился. Я предпочитаю классику: ногти в форме миндалин, покрытые бледно-розовым лаком. Отсутствием маникюра у нас и так никого не удивишь, так зачем же платить деньги за то, чтобы мне это сымитировали?

И от яркого лака я отказалась наотрез, тоже из соображений практичности: облупится, придется снова идти в салон, а второй раз я себе такую роскошь вряд ли позволю. Хорошенького понемножку. Тем более все и так оказалось чудесно. Из зеркала на меня глядела достаточно миловидная шатенка, прическа которой была как бы рамкой этого лица, подчеркивающей достоинства и сглаживающая недостатки.

Причем шатенка выглядела вполне европейской женщиной.

Справедливости ради скажу, что красавицу из меня не удалось сделать даже парижским куаферам. Но и без этого, когда я явилась на ужин, держа голову, точно хрустальный сосуд и благоухая лаком, вся наша группа пришла в безумный восторг, смешанный с ужасом.

Группа моя, напомню, была укомплектована в основном женщинами интеллигентными, состоятельными, в основном, «бальзаковского возраста». Но и в ней две дамы чуть не упали в обморок, когда узнали, что я посетила парикмахерскую и сделала там прическу. У них в голове не укладывалось, что кто-то способен потратить кровные деньги в Париже на такие глупости.

Ужасаться-то мои дамы ужасались, но одновременно и восторгались тем, как может похорошеть женщина, побывавши в руках опытного парикмахера. И это всеобщее восхищение до такой степени меня размагнитило, что я совершила абсолютно несвойственный мне поступок: дала посторонней в общем-то женщине поносить принадлежащую мне вещь. Точнее, тот самый роскошный белокурый парик, который успел мне до чертиков надоесть за время нашего с ним вынужденного совместного сосуществования.

Если бы я знала, к чему приведет подобная мягкотелость с моей стороны, то вряд ли бы совершила нечто подобное. Допустим, трудно что-то предвидеть в незнакомом городе и в совершенно не свойственной атмосфере. Но хотя бы фо-

тография несчастного Этьена должна была бы меня насторожить.

Нет, я настолько была увлечена украшением собственной внешности и предвкушением завтрашнего свидания, что газетное сообщение просто вылетело у меня из головы. Тем более, что кофе с сигаретой в парикмахерском салоне я получила впервые, а подобные «хулиганские инциденты» давным-давно, к сожалению, составляют неотъемлемую часть московской жизни. Во всяком случае, им никто уже не удивляется и не ужасается – рутина.

Заодно я пожалела, что послушалась совета супруга и не захватила с собой что-нибудь понаряднее. Впрочем, это упущение я собиралась исправить позднее: пока я самостоятельно искала свою любимую улицу Феру, я обратила внимание на прелестный магазинчик дамской одежды. Вот и отправлюсь туда послезавтра, устрою себе «шопинг по-парижски».

Большие магазины меня почему-то не манили, наверное, потому, что от них я и в Москве старалась держаться подальше. Опять же романтика маленького бутика в Латинском квартале, на бульваре Сен-Мишель. Одни названия улиц и кварталов чего стоили! И ведь еще неделю тому назад мне присниться не могло, что я окажусь в священных для меня местах. Спасибо Аське, что бы она там ни затеяла: ей действительно удалось подарить мне довольно внушительный кусок счастья.

Так что завтра, так уж и быть, надену то же самое, что сегодня: асин бежевый костюм. Ну, и черную широкополую шляпу, конечно: примерив ее в номере перед зеркалом, я поняла, что именно этого мне всю жизнь и не хватало: широкополой черной романтики.

Тут до меня дошло, что одна из дам настойчиво пытается привлечь к себе мое внимание, а я совершенно ушла в свои мысли и даже ужинаю чисто машинально. Хотя кухня в этом ресторанчике была отменной: ни до, ни после я не ела таких вкусных телячьих отбивных с цветной капустой и каким-то изысканным соусом. Да и пить за обычным ужином легкое белое вино мне тоже, если честно, до сих пор почти не приходилось.

В это время кто-то достаточно бесцеремонно потянул меня за рукав тонкого жакета, который я накинула уже после захода солнца. Я вздрогнула и вернулась к реальности, но, судя по всему, не до конца, иначе никогда не позволила бы событиям повернуться так, как они это сделали.

***

– Фактически операция провалена.. Мадам оказалась хитрее и умнее, сама в западню не полезла. Впрочем, нас предупреждали, что она крепкий орешек. Но такого маскарада никто не ожидал.

– И что теперь делать? Где ее искать?

– Прежде всего, дать ее фото в розыск Интерпола. Если бы мы это сделали раньше, подставная дама дальше паспортного контроля не ушла бы.

– Но в банке данных розыска была ее фамилия.

– Значит, в паспорте фамилия была другая.

– Фальшивый паспорт?

– Не обязательно. Может быть и настоящий. Мы проверили эту группу туристов, там значатся две Анастасии. Одна – ваша новая знакомая, вторая нам совершенно не интересна.

– Моя новая знакомая сказала, что ее зовут Еленой.

– Что? Она забыла с каким именем в паспорте прилетела? Послушайте, может быть, ее стоит все-таки задержать для выяснения личности?

– Я бы не стал. Поработаю пока с ней на свободе. Ставлю что угодно: ее используют в темную.

– Возможно. Но она – наша единственная ниточка, ведущая к настоящей Анастасии. Было бы досадно, случись с ней тут что-нибудь. Хватит того, что пострадал ее случайный знакомый.

– Я организую ее охрану, только она об этом знать не будет. Пусть насладится Парижем, а нам нужно связаться с Москвой. Думается мне, основные события все-таки развернуться там. А Париж – это так, пробный камушек, приезжать сюда лично не было никакой необходимости.

– Учтите, за дело отвечаете персонально вы.

– Не беспокойтесь. Я всегда исполняю свои обязанности добросовестно.

– Я знаю…

Глава четвертая. О пользе некоторых страхов

Произошло это вот как. Поохав и поахав насчет моей роскошной прически, одна из дам обратилась ко мне с совершенно неожиданным текстом:

– Милочка, а не можете ли вы оказать мне небольшую услугу?

Я, грешным делом, решила, что речь идет о сопровождении ее в магазин в качестве личного переводчика. Хотя, вот провалиться мне на этом месте, не помню, чтобы афишировала перед кем-нибудь из дам свое знание языка, да и времени вместе с группой я проводила не так уж и много.

Кроме всего прочего, мне никогда не нравилось обращение «милочка». Так обычно окликают прислугу. Впрочем, возможно, дама просто об этом и не догадывалась, а использовала для общения со мной самое нежное слово, которое знала.

В общем, сама виновата: в том эйфорическом состоянии, в котором я пребывала последние дни, вполне могла утратить бдительность и расслабиться. А может быть, дама умнее, чем выглядит, и сообразила, что без знания языка ни один человек в одиночку бегать по незнакомому городу не будет. Так что на всякий случай насторожилась:

– А чем, собственно, я могу быть вам полезна… милочка?

Прозвучало отнюдь не любезно, несмотря на некоторую изысканность формулировки, но дама, похоже, не обратила на это внимания. Мой же сарказм вообще оказался выше ее планки интеллекта.

– Понимаете, завтра мы с подругой идем в варьете. Уже сдали деньги – по пятьсот евро – и вдруг я сообразила, что с такой прической, как у меня сейчас, не то что в кабаре – в универмаг идти стыдно…

– Вы хотите, чтобы я дала вам адрес парикмахерской? Пожалуйста.

– Ах, нет, милочка, что вы! Я не могу платить за пустяки такие бешеные деньги! Я просто хотела попросить вас одолжить мне на завтра ваш роскошный парик. Вам он теперь явно не нужен, а я и так блондинка…

Ну, если бы я вылила себе на голову полный флакон перекиси водорода, тоже была бы блондинкой. Не понимаю женщин, которые красят волосы и напрочь забывают о том, что они имеют неприятную особенность: отрастая, возвращаться у корней к естественному цвету.

А вообще логика восхитительная: выбросить пятьсот евро, чтобы посмотреть на раздетых девочек в варьете и выпить бокал скверного шампанского, и пожалеть сто евро на прическу. Ну, у богатых свои причуды.

Так или иначе я собиралась вежливенько ей отказать, но пока придумывала пристойный предлог, момент был упу-

щен. Дама вцепилась в меня, как клещ в собачий хвост, а я, поняв, что роль переводчика мне не грозит, проявила полное отсутствие воли, немножко вяло поотбивалась и, в конце концов, совершенно неожиданно для себя согласилась. Чего хочет женщина – того хочет бог, считают французы, а мне сейчас гневить бога было как-то не с руки.

В конце концов мне этот самый парик предстояло надеть еще только один раз – на обратном пути в Москву, а портить отношения с товаркой по группе было глупо. Впрочем, я бы пошла и на это, если бы не находилась в восхитительно-добродушном настроении: пусть пользуется, черт с ней… милочка.

По-видимому, дама почувствовала, что ей просто повезло, иначе пришлось бы за красоту выкладывать свои кровные. Так или иначе она ухватила парик, который я ей протянула, точно утопающий – спасательный круг, и молниеносным движением напялила его себе на голову.

Ничего более кошмарного в жизни не видела – точь-в-точь баба-яга из детского спектакля. Интересно, я в этом парике так же смотрелась?

– Прелестно! – воскликнула эта безумная, созерцая себя в карманном зеркальце. – Вы ангел, милочка, спасибо вам большое! Я только причешусь поаккуратнее…

И исчезла в направлении дамской комнаты. Вернулась, надо сказать, в почти пристойном виде, но до совершенства ей было еще ой как далеко.

– Я завтра подкрашусь как следует и другое платье надену, – утешила она меня. – Это же просто мой естественный цвет!

Никогда не была особенной почитательницей женского ума, но всякий раз, сталкиваясь с подобным феноменом, теряю дар речи. Не родилось еще женщины, у которой был бы такой свой собственный цвет волос. Даже Аська, натуральная блондинка, что-то такое делает со своими патлами, чтобы они смотрелись поэффектнее. И парик заказала под цвет краски, а не родной шевелюры.

А у этой – свои такие же, извольте радоваться. Впрочем, что я взъелась на нее – и так Богом обижена. Сама слышала, как она жаловалась, что настоящие мужчины перевелись лет двадцать тому назад. Посему она одинока, а ей, по ее собственным словам, тридцать два года. С двенадцати лет разочароваться в мужчинах – это что-то особенное.

Вечерняя прогулка после ужина на сей раз никого не прельстила: накрапывал дождь, который вот-вот должен был перейти в приличный ливень. Я бы, правда, с удовольствием посидела бы в каком-нибудь кафе на террасе, ибо в девять часов вечера в Париже все самое интересное как раз только и начинается.

Но одной было немного боязно – сказывалась московская выучка: после наступления темноты из дома лучше не выходить, а «коварный зарубеж» всегда может сделать какую-нибудь подлянку честной туристке. Совковые корни, если вду-

маться, страшная вещь. Дай Бог, чтобы наши дети не получили их в качестве генетического наследства!

К тому же я здраво рассудила, что перед завтрашним свиданием было бы неплохо выспаться. Ну и, разумеется, поберечь то хрупкое сооружение, которое красовалось на моей голове. Малейшая оплошность – и вновь стану похожа на оплешивевшую белку.

На следующее утро за завтраком мне пришлось долго и нудно объяснять нашему гиду, почему я не поеду вместе со всеми на Эйфелеву башню. На ее памяти подобного не случалось: все туристы, независимо от возраста, национальности и страны проживания, лезли на самый верх этой башни, чтобы увидеть город с высоты птичьего полета.

– Я боюсь высоты, – сказала я чистую правду. – Если влезть на табуретку, еще куда ни шло. А если, скажем, на стремянку, то уже плохо. Голова закружится, вполне могу упасть.

– А вы не подходите близко к ограде. И вообще там все предусмотрено: парапеты высокие, специальные ограждения. Захотите – не вывалитесь.

– Я и не хочу вываливаться, – продолжала я с ангельским терпением гнуть свою линию, – но, согласитесь, глупо лезть на башню, чтобы стоять там с закрытыми глазами. А если я их открою, у меня закружится голова. И не хочу я ничего рассматривать с птичьего полета: я не воробей и не голубь, летать не умею.

– Но вы все-таки подумайте, – не унималась наш гид. – Второй такой возможности вам может и не представиться.

– Какой возможности? Умереть от страха перед высотой? Для этого мне вполне достаточно в Москве взобраться на Останкинскую башню.

– Кстати, вы можете посмотреть на Париж с еще большей высоты в супербезопасных условиях. Недавно на Монпарнасе построили башню в три раза выше Эйфелевой, так там застеклена даже обзорная площадка.

Я чуть не застонала от отчаяния и воззрилась на нее в состоянии полной прострации: она предлагает мне забраться еще выше, чтобы как следует все рассмотреть. Нет, это, ребята, без меня, я предпочитаю знакомиться с городом, прочно стоя на земле, а не паря в каких-то запредельных высотах. Я не ангел и даже не суперагент, который может спуститься на землю из реактивного самолета без какого-либо парашюта.

– Спасибо, – мило улыбнулась я, – но туда я точно не пойду. А экскурсии на речном трамвайчике у вас в меню предусмотрены?

– Да, конечно, если хотите. Но это выйдет подороже Эйфелевой башни.

– И значительно комфортнее и интереснее для меня, – подвела я итог дискуссии.

В общем, диалог у нас вышел замечательный и закончился он дружеской ничьей. Гидша решила, что я просто-напросто

пожалела денег на входной билет. А дамы из нашей группы, все еще переживавшие мой поход в парикмахерскую, решили, что я чокнутая. По совокупности, так сказать, поступков.

Я не спорила. Скупая, так скупая, чокнутая, так чокнутая. Они отправились на свою экскурсию, а я – на свидание.

Ах, если бы я могла прожить в Париже хотя бы месяц! Даже за истекшие сутки мой французский существенно улучшился, тем более, что я переборола свое почтение к грамматике и просто-напросто наплевала на нее.

Так дело пошло веселее: набор существительных, прилагательных и глаголов у меня был достаточно обширным, предлоги я расставляла, как Бог на душу положит, а все остальное пустила на самотек.

Самое интересное – Анри понимал меня лучше, чем накануне. Еще интереснее было то, что и я его понимала почти дословно, а не с пятого на десятое. Он заехал за мной минута в минуту и показался мне еще более привлекательным, нежели накануне. Я молча лелеяла надежду, что мой поход за красотой все-таки не был выброшенными на ветер деньгами, и что уровень моей привлекательности в его глазах тоже увеличился, причем довольно значительно.

У подъезда Анри ждала новенькая элегантная машина, каких мне еще видеть не доводилось. Оказалось – «Пежо» последней модели, то есть очень и очень престижно. Н-да, вот уж не думала, что в моей парижской эпопее будет столько впечатляющих сюрпризов, да еще с налетом роскоши!

Так ведь и привыкнуть можно, а потом, в Москве, что делать? Вздыхать о так быстро пролетевших упоительных моментах? Ладно, неприятности будем переживать по мере их поступления, а пока следует благодарить судьбу и не раздражать ее скептическими рассуждениями.

– Куда мадам желает поехать? – спросил меня Анри после первых приветствий и полутора десятков комплиментов моей внешности.

– В Булонский лес! – брякнула я, несчастная жертва всех прочитанных мною великосветских французских романов.

Там любая уважающая себя дама, надо не надо, отправлялась именно в Булонский лес, как только ей удавалось обзавестись приличным кавалером. И все романтические истории, которые я читала, так или иначе были связаны именно с этим местом. Почему?

А бог его знает, наверное, просто остались воспоминания о прошлом, когда лес был действительно лесом, и в нем что-то могло произойти. Теперь же это – что-то вроде гибрида нашего Измайловского парка с парком культуры и отдыха имени Горького – очень ухоженный лес с многочисленными аттракционами и ресторанчиками.

– Разумно, – неожиданно согласился Анри и даже посмотрел на меня с некоторым удивлением.

Впрочем, это мне могло и показаться, ибо в последнее время я решительно перестала объективно оценивать как собственную внешность, так и реакцию на нее со стороны

окружающих. К хорошему, как известно, быстро привыкаешь. В том числе, и к хорошему отношению к тебе, маленькой.

Но пожелание мое, как выяснилось, было действительно разумным. Пока, припарковав машину, мы прогуливались по вылизанным до неправдоподобной чистоты аллеям, Анри популярно объяснил мне, что со стороны Аси было в высшей степени неосмотрительно впутывать в такое дело, ну, скажем…

– Идиотку, – с радостью подсказала я ему.

Мой спутник чуть поморщился.

– Нет, дилетанта. Вы там, в Москве, считаете, что, как только пересекли границу и оказались в другом государстве, ваша безопасность как бы сама собой разумеется. А ведь те люди, которых Ася опасалась в Москве, прекрасно могли прилететь в Париж тем же самолетом, что и вы, мадам. Причем они вас знают, а вы их – нет. И если Ася знает правила и играет по ним, то вы-то оказываетесь полностью во власти профессионалов.

– Но я здесь уже четвертый день и никто меня пальцем не тронул! – возмутилась я.

Но внутри ощутила какое-то омерзительно-липкое чувство. Страх, наверное.

– Это может означать две вещи, – все так же обстоятельно продолжил Анри. – Либо вам с Асей все-таки не удалось сбить их с толку и они по-прежнему следят за вашей подру-

гой в Москве, либо… Я вовсе не хочу вас пугать, мадам, поймите меня правильно, но во втором варианте получается, что им нужно не то, что Ася послала мне, а то, что я должен передать ей. То есть то, что я уже передал вам. И если до сих пор ничего не произошло, то самым разумным было бы немедленно вернуться в Москву.

– Если бы хотели отобрать ваши сувениры, то давно бы это сделали – отпарировала я. – Например прямо вчера, возле музея, когда я сидела в кафе. Достаточно было подойти ко мне, пшикнуть в нос из баллончика и отобрать сумку…

– Вариант, конечно, возможный, но не для кафе. Я ведь и пригласил вас на свидание для того, чтобы спокойно все обсудить.

Наверное, лицо у меня все-таки слегка вытянулось, потому что Анри усмехнулся.

– Не обижайтесь, милая Эллен, вы мне нравитесь, именно потому я и хочу уберечь вас от неприятностей. Вам нужно остерегаться прогулок в одиночестве по безлюдным местам. Равно как и посещения таких мест, где толпится масса народа. Например, на скачках или на той же Эйфелевой башне люди переходят с места на место, толкают друг друга. Там сумку можно просто вырвать и раствориться в толпе. Причем это еще «щадящий» вариант развития событий. Куда вы, кстати, отправились вчера после нашей встречи?

Я молча разглядывала свои туфли. Ни за что не скажу, что ради него разорилась на парикмахерскую! Свидание, назы-

вается, а еще француз. Устроил мне лекцию по технике безопасности. Ох, и выдам же я Аське, когда до нее доберусь!

– Впрочем, догадываюсь, – проигнорировал мое молчание Анри. – И, поверьте, высоко оценил это с первого же момента: это так изысканно, так по-французски! Ну а из парикмахерской вы куда направились?

– В ресторан, на ужин, – не без раздражения отозвалась я. – Опаздывала, взяла такси. Если об этом узнает кто-нибудь из моих товарищей по путешествию, меня запрут в сумасшедший дом.

– Почему? – искренне изумился Анри.

Я вкратце изложила ему кредо наших туристов за рубежом. Надо сказать, информацию он усваивал и оценивал молниеносно. Уж не с их ли КГБ свела меня судьба руками ближайшей подруги? Как это у них называется – Сюртэ Женераль? РээСТэ?

– А вы знаете, Эллен, – неторопливо сказал он, – вы ведь в данном случае действовали вполне профессионально. Насколько я понял, ни на минуту не оставались в одиночестве вне гостиничного номера. И ничего подозрительного не заметили?

– Ничего, – отрапортовала я.

Не могла же я рассказать ему про наглую бабу, которая пялилась на пудреницу. Еще решит, что я вымогаю очередной сувенир. Хотя… На несчастного Этьена напали именно через несколько часов после встречи со мной. Возможно, это

простое совпадение, но…

– Впрочем, есть один момент, – неуверенно продолжила я, потому что мне не очень-то хотелось рассказывать Анри о каком-то поклоннике. – Но, возможно, это просто игра воображения…

– Что именно? – довольно требовательно поинтересовался Анри.

– Ну… во-первых вчера рядом со мной в кафе сидела тетка, которая отиралась и в музее, когда мы с вами познакомились, но мне кажется, что я ее еще где-то видела, причем не в Москве.

– А во-вторых?

– А во-вторых накануне встречи с вами я случайно познакомилась с одним человеком, который предложил мне показать Париж. То-есть поездить с ним на машине. Все было изумительно, потом мы выпили по рюмочке мартини и разошлись, обменявшись визитными карточками. А на следующий день я увидела в той газете, которую специально купила для встречи с вами, фотографию этого человека и заметку о том, что его избили и ограбили.

– Что-то я об этом слышал или читал, – сказал Анри, заметно нахмурившись. – Я попробую узнать, что там произошло на самом деле. Причин нападения никто не мог понять, но теперь мне почему-то кажется, что бедняга пострадал из-за встречи с вами.

– Хорошо, что хоть не убили, – вздохнула я.

– Бич Парижа – это карманники, а не бандиты, Эллен. Хорошо, что не тронули вас, меня это во всяком случае радует. Но вам тем более, вам нужно соблюдать предельную осторожность. Это все?

– Все, – честно отозвалась я. – Хотя есть и нечто забавное: похоже, аськин парик зажил своею собственной жизнью.

– В каком смысле? – приподнял бровь Анри.

– А в том, что вчера за ужином одна из наших дам выпросила у меня парик – сходить сегодня вечером в варьете. Мне даже показалось, что она его прямо с утра нацепила, но точно утверждать не берусь: я разбиралась с нашим гидом, мне было не до нее. Забавно будет, если теперь следить будут за ней, а не за мной.

– Кстати, за вами действительно не следят… сейчас, – заметил Анри. – Я несколько удивился, но теперь понял – почему. Боюсь только, что они очень скоро поймут, что ошиблись.

– Ну и что? – легкомысленно пожала я плечами. – Я ведь никому не докладывала о нашем свидании, так что найти меня будет проблематично.

– До сегодняшнего вечера, – подтвердил Анри. – Потом наверняка начнут все сначала, причем прямо от дверей вашего номера. Но не будем о грустном: я и сам допустил ошибку: пригласил красивую даму на свидание и развлекаю ее весьма специфическими разговорами. Но вы поняли, хоть немножко, что происходит?

– Более или менее, – осторожно сказала я. – Некоторым образом. Каким-то боком.

– Ну и прекрасно. А теперь давайте пообедаем, тут посредине озера на острове есть замечательный ресторанчик, а потом я покажу вам некоторые очаровательные уголки Парижа…

Да, был ресторанчик на острове, куда ходил специальный паром, стилизованный под колесный пароход прошлого века, и официанты, обмотанные чуть ли не простынями, вместо традиционных передников, и неведомые мне экзотические блюда. Про напитки – молчу, для меня это вообще было нечто из иной цивилизации.

– Я ведь с Асей лично знаком только шапочно, – ошарашил меня Анри где-то в середине нашего застолья. – Была одна очень короткая встреча, то есть я ее видел, а она меня – нет. Потом переговоры шли в основном по электронной почте. Так что я вполне мог и не заметить подмены. Точнее, я не должен был ее заметить по замыслу мадам. Так что ваша подруга неплохо умеет просчитывать на несколько шагов вперед. Вроде бы это она, а вроде бы и нет. Арестуют – разберутся и выпустят, хотя нервы помотают изрядно. Случится что-нибудь более серьезное – опять же не с ней самой. И прокол допустила один-единственный: знание языка. Если бы вы ответили по-английски, то…

Анри вдруг замолчал, точно наткнулся на какое-то невидимое препятствие. Я даже вникать особенно не стала,

что бы произошло, заговори я по-английски. Думаю, все то же самое, если этому милому человеку масть дамы совершенно безразлична.

– Вообще-то она вполне могла получить все сведения по электронке, – снова заговорил Анри, – странно, что она так не поступила. Привезти конверт – да, его нужно было передать из рук в руки, другие способы тут не проходят. Но вы-то почему согласились на эту авантюру? Она вам заплатила? Или это просто дружеская услуга с вашей стороны?

Интересно. Оказывается, все это было просто запланировано, а не внезапно возникло от безысходности ситуации. Просто так Ася ничего и никогда не делает, все должно иметь абсолютно рациональные корни. Интересно, какую выгоду она хотела извлечь из такого эксперимента, если, по ее же словам, годился кто угодно, лишь бы благополучно слетал в оба конца.

– Я узнала о предстоящей поездке за трое суток до вылета, – сухо проинформировала я Анри. – Причем не располагаю совершенно никакой информацией об Асиных делах и просто выполняю ее указания по пунктам. Правда, она мне не разрешала снимать парик вообще, то есть все время моего пребывания в Париже, но ваше вчерашнее пожелание полностью совпало с моей жаждой комфорта. Это произведение парикмахерского искусства мне порядком надоело, к тому же в нем очень жарко.

Анри, начавший хмуриться еще в начале моего монолога,

стал просто мрачным.

– То есть как это: ничего не знаете об Асиных делах? – медленно спросил он. – Она вам не сказала, что ее…

Он опять осекся и замолчал. По-видимому, чуть было не выдал чужую тайну. И не в первый раз.

– Что она мне не сказала?

– Неважно. Во всяком случае, я очень рад, что вы сняли этот парик. Теперь я за вас буду значительно спокойнее.

Интонация, с которой он произнес эту фразу, была очень далека от мажорной.

– Ася не говорила мне, что незнакома с вами, – сказала я. – То есть просто ничего о вас не говорила, только дала номер телефона, пароль, который я должна произнести, отзыв и, конечно, ваше имя и фамилию. Больше я ничего не знаю вообще.

– Кое-что я, наверное, могу вам рассказать, – усмехнулся Анри, поскольку об этом знают очень многие. В том числе, и Интерпол, который просто жаждет личной встречи с этой дамой. Правда, не в Париже, а в Швейцарии, где мадам Жанна Волкова в основном и действовала.

– А кто это, Жанна Волкова? – наивно спросила я.

– Вы ее знаете. И как Анастасию Соколову, и как Анастасию Яблонскую…

Я испытала нечто вроде шока, причем довольно сильного.

– Третий паспорт? – только и могла я сказать.

– И думаю, не последний. Тем более, что Жанна Волко-

ва сумела выйти замуж, наверняка фиктивно, за какого-то гражданина Швейцарии. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Она же замужем!

– Замужем ваша подруга по другим документам. А по паспорту швейцарской гражданки зарегистрировала в Швейцарии несколько офшорных компаний, что дало возможность ее партнерам обойти российский антимонопольный закон и провести миллионы долларов, чтобы не платить налоги. Постепенно офшорные компании под именем русской швейцарки росли по всему миру – на Багамах, Сейшелах, Кипре и в других странах «налогового рая». Через эти фирмы (а их было около трех десятков) ежегодно перекачивалось 300 миллионов долларов.

– Сколько? – переспросила я, не веря своим ушам.

Анри с видимым удовольствием повторил цифру и продолжил:

– Конечно, это были не ее деньги, она лишь получала определенный процент за посредничество, хотя и рисковала больше всех остальных своих компаньонов. С ее помощью открывались офшорные счета, обналичивались переводы, создавались подставные фирмы, разорялись зарубежные акционеры… А потом что-то у ее партнеров пошло не так и они просто открестились от знакомства со своей посредницей. Тут-то с ней нужные люди и встретились: она хотела получить от них кое-какую информацию. Не безвозмездно,

естественно.

– Какую?

– Это не моя тайна, Эллен. Если вы с Асей самые близкие подруги, как вы утверждаете, то уместнее спросить у нее. Или – не спрашивать. Чем меньше знаешь, тем крепче спишь, не так ли?

– У меня – не так, – сердито заявила я. – Чем меньше я знаю, тем хуже сплю. И наоборот: если картина понятна мне во всех деталях, то сон бывает глубок и сладостен.

Анри рассмеялся:

– Редкий тип характера, должен сказать. А как к этому относится ваш супруг?

– В каком смысле? – не поняла я.

– Вы о нем тоже абсолютно все знаете?

– Естественно! – с огромным апломбом отозвалась я и… осеклась.

Я ведь по сей день ничегошеньки не знаю о том, из какого источника поступают деньги, которые Сергей «подрабатывает». Равно как понятия не имею о том, что эти «подработки» из себя представляют. Вот только что выяснилось, что у ближайшей подруги огромный пласт жизни и деятельности для меня до сих пор как бы и не существовал. А если мой супруг тоже занимается чем-нибудь эдаким? Посредничеством каким-нибудь?

– Значит, не все, – сделал вывод Анри, внимательно следившей за моим лицом. – И, судя по всему, не особенно стре-

митесь узнать. Почему?

– Потому что он все равно мне ничего не скажет, – довольно сердито отозвалась я. – Правда, я тоже ему далеко не все рассказываю. Например, большинство наших встреч с Асей происходят, я бы сказала, конспиративно. Потому что она и мой супруг друг друга не переносят органически.

– Ладно, мы опять по моей вине говорим о делах и грустных вещах, – подвел черту Анри. – Думаю, что теперь, когда вы в своем, так сказать, естественном виде, опасность для вас сводится к минимуму. В качестве блондинки вы были слишком уж… эффектны. Какой десерт вы предпочитаете, дорогая? Мороженое, сладкое или просто кофе?

– Просто кофе, – отозвалась я. – Обед был невероятно роскошным, я наелась на неделю вперед.

– Надеюсь, что нет, но мне приятно, что вам понравилось.

Понравилось! Не то слово. От невероятно вкусного салата «по-ливански» до нежнейшего и сочного бифштекса все было просто изумительно. Единственный недостаток, с моей точки зрения, заключался в том, что порции были колоссальными, у нас бы из одной такой сделали минимум три.

В общем, свидание прошло на высоте, хотя и было, оказывается, сугубо деловым. Анри наговорил мне кучу комплиментов, был очень внимателен и вообще… Иногда я даже забывала, почему и зачем мы с ним встретились, и тогда чувствовала себя совершенно замечательно. Но и в остальное время было неплохо.

Расстались мы уже к вечеру, причем Анри привез меня почти к дверям того ресторана, где наша группа ужинала.

– Мы обязательно должны еще раз увидеться с вами, Эллен, – сказал он мне на прощание, удерживая мою руку. – У меня возникла одна неплохая идея, связанная с вами, и хотелось бы обсудить кое-какие детали, прежде, чем приступать к действиям.

– С удовольствием, – искренне ответила я. – И спасибо за прекрасный день, никогда в жизни не испытывала ничего подобного.

– Все еще только начинается, – таинственно и многозначительно сказал Анри, склоняясь над моей рукой. – И не забывайте, мадам, что вы невероятно привлекательная женщина, и проводить время с вами мне вдвойне приятно.

– Но вы-то хотели встретиться с Асей, – не удержалась я от легкой шпильки. – С Асей, которая в курсе дела, профессионал и даже говорит по-английски.

– В данном случае, я чрезвычайно рад, что состоялась подобная замена. В общем-то мне повезло, она действительно могла послать кого-то более компетентного, но менее привлекательного и обворожительного. На делах это никак не сказалось бы, но я был бы не так доволен. А уж если бы она пожаловала сюда лично…

– То что?

– То такого приятного времяпрепровождения у меня бы уж точно не было. Не люблю деловых женщин, они на меня

какой-то страх нагоняют. А вы – просто прелестное, наивное существо, невероятно женственны и очень красивы.

Я зарделась. Приятно ведь, черт побери! Под такие комплименты можно все, что угодно воспринять.

– До скорого свидания, Эллен, – сказал Анри.

Он сел в свою роскошную тачку и умчался, а я поплелась в ресторан, обуреваемая сложными чувствами. Только теперь до меня крайне медленно начало доходить, что Анри что-то уж слишком много знает об Асиных выкрутасах. Слишком много для парфюмера, естественно. А если он не тот, за кого выдает себя? А если настоящего Анри Берри тоже подменили с какой-то целью? Господи, голову можно сломать от этих загадок.

Делать в ресторане мне было нечего, есть совершенно не хотелось – естественно, после такого обеда! – но успокоить гида и товарищей по общей трапезе было необходимо. Не выдавая, однако, тайны своего романтико-мечтательного состояния и вообще – довольства жизнью. Тем более что группа сидела за столом прямо-таки с похоронными лицами.

– Что-нибудь случилось? – вежливо поинтересовалась я.

Вникать в чужие проблемы мне решительно не хотелось. Спросила исключительно из приличия.

– У Анны Михайловны украли сумку! – трагическим голосом сообщила мне гидша. – Прямо на смотровой площадке: прыснули чем-то в лицо – и украли. Весь день лежит у себя в номере, бедняжка, переживает и мучается головной бо-

лью. И поход в кабаре пропал, и деньги за билет…

Да, досадно, – согласилась я. – Она ведь так готовилась к этому вечеру, даже парик у меня одолжила…

– Она прямо в нем на экскурсию и поехала, – поддержала меня гидша. – А еще темные очки надела, чтобы солнце в глаза не било…

Я опустила вилку, не донеся ее до рта. Парик, очки, ограбление… Неужели Анри был прав? Все совпадало. Даже место преступления – Эйфелева башня, которую он считал действительно опасным местом.

Значит, за мной действительно следят? То-есть следили? То есть не за мной, а за Асей? Н-да… Только этого мне в жизни и не хватало для полного счастья. Но моя-то сумка им зачем? По логике вещей, они должны были бы взяться за Анри… Впрочем, возможно взялись и за него, просто действуют не так примитивно, как в моем случае.

А если не примитивно, то значит… Значит, теперь в поле их зрения может попасть и Анри, я ведь с ним провела почти целый день. Оставалось только надеяться, что в шатенке никто не опознает вчерашнюю блондинку. Может быть, и не опознали бы, если бы я сообразила одеться по-другому. А теперь они просто увидят, как я выгляжу на самом деле, сложат два и два и получат нужный им результат. Легко!

Вернувшись в отель, я первым делом навестила пострадавшую. Выглядела она скверно и ничего путного мне сообщить не могла. Вроде бы какой-то тип терся возле нее в ка-

бине подъемника, но потом отстал и она про него забыла.

На верхней площадке она отошла чуть-чуть в сторону от остальной группы: хотела сделать несколько фотоснимков панорамы города с пресловутой «высоты птичьего полета». Зачем – загадка, открытки с этими панорамами продаются тут на каждом шагу, сама видела.

Почувствовала, что кто-то дышит ей в затылок, обернулась – и получила прямо в лицо залп какого-то газа. Когда очнулась, обнаружила, что сумка исчезла. Никто ничего не видел, полиция только руками развела: «Несчастный случай».

Мол, ежели мадам не запомнила хоть какие-то приметы, то как же мы будем искать вора? Он же не станет носить с собой украденную сумку.

– На сумку плевать, – слабым голосом объясняла Анна Михайловна. – Дрянь, а не сумка, турецкая поделка, одно достоинство, что вместительная. Но там мой паспорт, часть денег, духи, которые я вчера в музее купила.

Действительно поместительная сумка! Для российского колорита туда бы еще сунуть батон хлеба и пакет молока. Тогда бы вор вообще ошалел на всю оставшуюся жизнь.

– И в кабаре не попала… – тем же голосом умирающего лебедя продолжила Анна Михайловна. – Билеты тоже в сумке были. Больше я в этот Париж – ни ногой. Хуже, чем в Москве.

Ну, это она, конечно, преувеличивает под влиянием

стресса, но если не хочется больше в Париж, то и не надо. Вряд ли она сейчас найдет на Земле такой город, где было бы тихо и совершенно безопасно. Нет таких городов. Закончились.

– Возьмите ваш парик, милочка, спасибо большое, – вздохнула жертва погони за красотой.

– Не за что, – совершенно искренне ответила я, запихивая злополучное пастижорное изделие в сумку.

Совпадение это или несчастную Анну Михайловну действительно приняли за другую? За меня? Если таинственные негодяи действительно охотились за содержимым моей сумки, то веселенькие денечки ожидают меня здесь. Дай Бог в Москву вернуться целой и невредимой.

И тут меня прошиб холодный пот. А кто, спрашивается, даст теперь гарантию, что это возвращение состоится? Ведь и Анри меня предупреждал и Ася проговорилась… И если бы не моя боязнь высоты и не предвкушение романтического свидания, поперлась бы я на эту самую башню. Как миленькая бы поперлась – со всеми вытекающими – для меня! – последствиями.

Всю ночь я ворочалась с боку на бок и размышляла о том, как с честью выйти из этого положения. Ничего путного мне, естественно, в голову не пришло, даже экспресс-анализ нескольких сотен прочитанных за мою жизнь детективов не помог. Да, собственно, чем они могли мне помочь?

Там у каждого уважающего себя сыщика или благородно-

го героя (героини), противника бандитов-гангстеров-мафиози, есть пистолет, а в неожиданном для всех месте припрятано еще две-три единицы стрелкового или холодного оружия. В крайнем случае, они мгновенно организуют какую-нибудь случайность и оставляют негодяев с носом.

Положительные герои детективов всегда собранны, элегантны, отлично владеют приемами рукопашного боя, по запаху различают триста тридцать три вида различных ядов. Они отлично водят машину, на ходу запрыгивают в вагон поезда, путешествуют верхом на крыле самолета. А я?

Я и стрелять-то толком не умею, хотя в бытность мою студенткой меня в числе прочих и пытались научить не только палить из пистолета Макарова, но еще и разбирать его, чистить и снова собирать. Первые две фазы еще как-то мною были освоены, но вообще-то…

Вообще-то и со стрельбой получалась напряженка. В тире из пневматической винтовки у меня выходило совсем недурно, особенно если я предварительно зажмуривалась. Но когда нас всех скопом повезли на полигон, выдали по револьверу и предложили «поразить неподвижные мишени», то я несколько минут добросовестно пыталась нажать на курок. Безрезультатно – сил явно не хватало. Тогда я повернулась к начальнику военной кафедры, стоявшему как раз позади меня, и довольно-таки кокетливо пожаловалась:

– Товарищ полковник, не стреляет.

Моментально передо мной не оказалось ни полковника,

ни сопровождавших его офицеров. В жизни не видела, чтобы люди так стремительно принимали горизонтальное положение. И, лежа на животе в осенней грязи, несчастный полковник прохрипел, явно имея в виду меня:

– Дура, положи пистолет на землю и отойди от него подальше!

…Зачет по военной подготовке мне все-таки поставили. Наверное, побоялись предоставить вторую попытку.

Так что, будь даже у меня пистолет, положения бы это не улучшило. Оставалось надеяться, что злоумышленников мне как-то удастся перехитрить с помощью интеллекта. Ну и с помощью Анри, конечно. Хоть какой-нибудь помощью… Эта мысль мне понравилась больше всего. Позвонить ему с утра, назначить свидание, обрисовать обстановку…

С этим решением я, наконец, уснула. А утром, еще до завтрака, предприняла кое-какие меры. Подаренную ручку просто-напросто сунула в нагрудный карман жакета, паспорт отнесла вниз и устроила в сейф к портье. Деньги… Ну, мало ли куда может женщина спрятать деньги, помимо сумочки. Флакончик с духами переложила в чемодан и туда же не без сожаления отправила пудреницу. Уж очень она мне нравилась, так бы и любовалась. Но безопасность – прежде всего.

За завтраком в группе царило сдержанное ликование: злополучную сумку вернули. Полиция обнаружила ее на одной из станций метро. Деньги, разумеется, исчезли, зато доку-

менты были целы, что привело Анну Михайловну в неописуемый восторг:

– Надо же, какие приличные люди! Взяли только деньги и флакончик духов. А документы, косметичку, записную книжку не тронули. И наши, российские деньги целы!

Хотела бы я посмотреть на человека, которому во Франции могут понадобиться «деревянные»! Кстати, об одном подобном случае мне кто-то рассказывал. Действительно, карманники в Париже – это отдельная сказка. Они не разрезают сумки, они их открывают – сколько бы «молний» и замочков ни было. Бумажник могут вытянуть даже из плотно облегающих джинсов.

У одного из наших туристов именно так средь бела дня на Монмартре увели кошелек. Пострадавший веселился больше всех: это был его первый день в Париже и он по ошибке захватил с собой кошелек с «русской заначкой» – пятьюстами рублей, которые оставил «на всякий пожарный». Бедный воришка! Их даже на пять евро не поменяешь – не конвертируется тут наша валюта.

Так что напрасно Анна Михайловна восхищалась честностью французских жуликов: они берут только то, что можно использовать в реальной жизни с какой-то выгодой для себя. А наша виртуально-деревянная валюта представляет собой ценность только на родине. За границей она и деньгами-то не считается.

Но обсуждать ситуацию было некогда: пора было идти

к себе и звонить Анри. Я наскоро выразила пострадавшей свои поздравления пополам с сочувствием, и отправилась к себе в номер. Причем по дороге не отказала себе в удовольствии купить в автомате возле лифта бутылочку минеральной воды «Эвиан».

Во-первых, питьевую воду нужно носить с собой, иначе разоришься на одних только кафе, во-вторых, в здешних гостиничных автоматах это удовольствие почему-то стоит гораздо дешевле, чем в других местах. Ну, а в-третьих, мне, как маленькому ребенку, страшно нравился сам автомат. Опускаешь монету, нажимаешь кнопку с соответствующим изображением – и в лоток внизу мягко выкатывается холодная, запотевшая бутылочка. Класс!

Я тут же определила бутылочку в сумку, порядком, кстати, потолстевшую за время завтрака, и поспешила к себе в номер, к телефонному аппарату. За эти несколько дней я вполне прилично научилась управляться с электронным ключом и даже оценить его несомненные преимущества перед замками старой конструкции: легко, удобно, надежно. Просто вставляешь металлическую пластинку в отверстие и…

Все так, но дверь в мой номер упорно не хотела открываться. По-видимому, заело замок. Вот вам и хваленая Европа! Такой же бардак, как и везде. Сама я с этим явно не смогла бы справиться, так что нужно было срочно искать кого-нибудь в помощь.

Именно в этот момент мне показалось, что в конце коридора вроде бы мелькнула горничная в униформе, и я поспешила туда. Успела догнать у служебного лифта и уже открыла было рот, чтобы попросить помочь с замком, да так и остолбенела.

Горничной оказалась… вчерашняя отвратительная баба из музея!

Случись такое в Москве, я бы не растерялась. Произнесла бы ехидно: «Мы с вами где-то встречались», а затем отволокла бы к дежурной по этажу. Но сказать то же самое по-французски было куда сложнее, да и дежурных у них, негодяев цивилизованных, нету. Доверяют постояльцам на все сто процентов: кого хочешь, того в номер и приводи, чем хочешь, тем и занимайся, причем даже после одиннадцати часов вечера.

В общем, пока я судорожно вспоминала иностранные слова, мнимая горничная улизнула. И почти тут же появилась другая – причем явно настоящая, потому что именно с ней я общалась в день приезда и именно по поводу двери.

Разумеется, ее не обрадовала необходимость вторично решать практически ту же самую проблему, но мой-то ключ на сей раз был у меня в руках, просто не желал открывать дверь. Имеет техника неприятную особенность ломаться, причем в самый неподходящий момент. Я же не виновата…

Но и имевшийся у горничной запасной универсальный ключ не помог. Она провозилась несколько минут, потом

извинилась, ушла и вернулась уже в сопровождении мужчины с чемоданчиком. Тот принялся возиться с капризным замком, но положительных результатов все равно не добился, а через какое-то время попросил горничную пригласить некоего «господина Поля». Как потом выяснилось – гостиничного детектива.

Вскоре у двери собралась небольшая толпа. Ибо дверь, как оказалось, элементарно вскрыли отмычкой, после чего капризный электронный замок заклинился и открываться больше не пожелал. Пришлось ломать. Все это вызвало у меня чувство некоторой ностальгии по родине: там такие вещи были настолько привычными и рутинными, что их уже как бы даже и не замечали. Но в Европе… Извините меня!

Приторно-вежливый детектив попросил меня проверить, не пропало ли что-нибудь из вещей. Просьбу его я выполнила, хотя, честно говоря, догадывалась, что могло пропасть. Хотя бы потому, что красть мои запасные трусики и лифчик было бы просто идиотством, а несколько пачек сигарет – просто самоубийством.

Я всю жизнь курю только «Яву» в мягкой пачке, а это, как говорится, на любителя. Именно про такие сигареты наш отечественный остряк, наверное, и сказал, что «капля никотина убивает лошадь, а хомяка разрывает на куски».

К моему неописуемому облегчению, пудреница была на месте. Исчез только дареный флакончик духов, о чем я честно доложила детективу.

– Меха? Драгоценности? Деньги? – не отставал он.

Я воззрилась на него в искреннем недоумении. Кто же в мае таскает с собой в Париж меха… даже если бы они у меня были? Насчет драгоценностей я вообще тактично промолчала: не его дело, в каком банковском сейфе хранятся мои фамильные бриллианты и изумруды!

– Деньги у меня в сумочке, – снизошла я до минимальных объяснений, – а я уходила завтракать.

– Завтракать – с сумкой?!!

Если бы я сообщила, что имею привычку завтракать нагишом, он, наверное, меньше бы удивился. Но куда бы я положила чудный рогалик, который пригодится мне на второй завтрак? Прелестную баночку с джемом? Крохотный круглый сыр? Ей-богу, эти иностранцы ничего не понимают, как дети малые. Как же без сумки-то?

– У нас в России, – с достоинством объяснила я этому недоумку, – не оставляют без присмотра ценные вещи даже на пять минут. Обострение криминогенной ситуации, знаете ли…

– Вам повезло, мадам, что вы имеете такую привычку. Для нас случай, прямо скажу, неординарный. Приношу свои извинения от имени администрации. Обычно все-таки грабят богатых американцев или немцев, а в нашем отеле их не бывает.

Об этом мог бы и не говорить. Российские туристы средней руки и американские миллионеры почему-то предпочи-

тают разные отели. Это даже я знала при моем крайне скудном опыте заграничных путешествий.

– Стоимость духов вам, конечно, возместят, – продолжил детектив, явно не склонный с места в карьер начинать расследование. – Сколько они стоили?

– Пятьдесят евро, – бахнула я и только тогда сообразила, что столько духи стоили в музее, а в магазине – в два, а то и в три раза дороже.

Идиотка непроходимая! Ну да ладно, я же их не покупала на самом деле, а деньги никогда лишними не будут.

– Прошу вас, напишите несколько строк об этом досадном инциденте и через час вам все компенсируют.

– Я плохо пишу по-французски, – нехотя созналась я. – Давно не было практики, наверняка сделаю тьму ошибок.

Увы! Когда-то писала прекрасно, но письменные навыки исчезают еще быстрее, чем устные. Во всяком случае, правила французского правописания я бы, наверное, сейчас не вспомнила бы даже под пыткой.

– Нет проблем, мадам. Напишите по-английски.

– Английского я вообще не знаю.

Черт бы тебя побрал с твоими бюрократическими формальностями, в результате которых я выгляжу малограмотной дурой!

– Нет проблем. Я напишу с ваших слов, а вы распишитесь.

Меня так и подмывало вместо подписи поставить крестик, но я благоразумно сдержалась. Мое чувство юмора и в Рос-

сии не все понимают и оценивают правильно, а уж в Европе тем более вряд ли оценят по достоинству.

Пока мастер чинил замок, я спустилась в холл гостиницы и позвонила Анри оттуда. Не доверяла я больше собственному телефонному аппарату – всадить туда «жучок» ничего не стоило. В общем-то, я была даже рада этому небольшому приключению: у меня появился сверхблагопристойный повод для звонка Анри, и не нужно было ждать, когда он изволит объявиться сам, хоть бы и по телефону, и объявится ли вообще.

Кстати, мне показалось, что звонку моему он скорее обрадовался. Во всяком случае, мы договорились встретиться через два часа возле музея, в кафе, а до этого времени мне было рекомендовано не искать больше приключений на свою голову. За точность выражений не ручаюсь, но смысл был именно такой.

Совет, что и говорить, прекрасный, но последовать ему я никак не могла: вся наша группа уехала на экскурсию, не дожидаясь, пока я разберусь с замками, горничными и детективами. Так что мне оставалось только одно: отправляться к месту встречи, избегая при этом лишних приключений.

Ручку, предназначенную Асе и свою драгоценную фирменную пудреницу я решила до отъезда упрятать в сейф отеля, от греха подальше. Там же, в холле, купила в точности такую же ручку и положила ее на место прежней, в сумочку. Хотя охотились, судя по всему, не за пишущими принад-

лежностями, а за парфюмом. Теперь оставалось позаботиться только о личной безопасности.

Хотя… Каким образом я могла это сделать одна в незнакомом городе? Был только один путь – по возможности избегать большого количества людей и не заходить в лифт с незнакомцами. Остальное, к сожалению, не входило в мою компетентность.

***

– Ты звонил ей в Париж? Или она тебе – оттуда?

– У нас никогда не было дурацкой привычки докладывать друг другу о всякой ерунде. А информацию о благополучном прибытии можно получить по телефону в справочной Аэрофлота.

– Меня не волнует сел самолет или нет, тем более, что во втором случае мы бы об этом узнали: сейчас обо всех таких инцидентах аккуратно докладывают по радио или телевизору. Меня интересует, что с ней сейчас.

– Действительно интересует?

– Представь себе.

– И мечтаешь, чтобы я остался безутешным вдовцом? Можешь не отвечать, за столько лет я научился читать твои мысли. К сожалению не все. Или к счастью.

– Надеюсь, ты не попрешься ее встречать в аэропорт?

– А надо?

– По-моему, не обязательно. Ее и так встретят по классу люкс.

– Кто же, интересно?

– Тебя это не должно волновать.

– Послушай. Я привык решать сам: что должно меня волновать, а что нет. Меня этот диктат начинает напрягать. И предупреждаю: если дело и дальше так пойдет, то я сделаю соответствующие выводы и приму соответствующее решение. Которое может тебе не понравится.

– Не надо раскачивать лодку, ладно? Мы в ней вдвоем, так что…

– Вдвоем, не считая тех, о ком я не знаю. Пока не знаю.

– Поверь, так лучше.

– Возможно. Только помни: я плаваю замечательно, причем в любой воде. И не уверен, что ринусь тебе на помощь в ущерб своим интересам. Я, конечно, не Боливар, но двоих тоже не вынесу.

– Очень остроумно! У нее научился такому чувству юмора?

– Слушай, я устал. Дай мне поспать хотя бы несколько часов. Думаю, такое время у нас в запасе еще есть.

– Пока есть. Пока…

Глава пятая. «Мы с вами где-то встречались…»

Войдя в метро, я вспомнила все когда-либо читанное о «хвосте» и методах избавления от оного и повела себя соответственно – на радость всем пассажирам. Судя по всему, я была похожа на буйно помешанную: выскакивала из вагона в последнюю минуту, садилась тоже чуть ли не на ходу, дважды меняла линии, только чудом избежала падения на рельсы и, наконец, сама запуталась так, что чуть было не опоздала на свидание к Анри.

Как потом оказалось, все было зря из-за неучтенной мною крохотной детали: двери в парижском метро открываются не автоматически, а по желанию пассажиров. Повернул ручку – путь свободен. Правда, только на остановках… Хотя, возможно, в тот раз за мной действительно никто не следил.

Анри уже ждал меня за столиком, и я с ходу отрапортовала ему обо всех событиях последних часов. Он отнесся к этому куда более серьезно, чем я, и еще раз предложил убраться из Парижа подобру-поздорову. Украденный флакон с духами ничего нашим противникам дать не мог, поскольку был только флаконом с духами в бархатном, правда, мешочке. Сувениром. Странно было только, что не тронули пудреницу.

Тратить же свое время на охрану моей драгоценной персоны Анри физически не мог, хотя бы потому, что был занят на работе. Хотя и чувствовал ко мне, по его же словам, «живейшее расположение». Даже предложил помочь обменять билет. Но я, хоть и понимала справедливость его доводов, уже закусила, что называется, удила.

Из-за каких-то паршивых бандитов лишать себя удовольствия погулять по Парижу? Да пусть они удавятся или удавят меня, но портить себе удовольствие не позволю. Желаю видеть город своей мечты в натуре – и все тут!

Я обещала только одно: что буду везде ходить вместе с группой и ни шагу одна не сделаю. Анри пришлось уступить: умный человек, он понял, что такое ослиное упрямство ничем перешибить нельзя. Горбатого, как известно, могила исправит, а места на местном кладбище – довольно дорогое удовольствие.

Конечно, я не сдержала своего слова и в оставшиеся три дня гуляла не только с группой, но и одна. Ничего со мной не случилось, никаких нападений на меня не предпринимали. Пару раз показалось, правда, что вдали мелькает зловредная баба-«горничная», но могла и ошибиться. Пару раз мне пытались назначить свидание прямо в кафе – я отказалась. Не потому, что соблюдала осторожность, а потому, что мужчины не понравились.

С группой я поехала на экскурсию в Версаль, предвкушая встречу с интерьерами и пейзажами, знакомыми по столь-

ким фильмам! Но меня ожидало некоторое разочарование: Версаль-то, конечно, всегда Версаль, но так сложилось, что буквально за три месяца до поездки в Париж мы с мужем были у приятелей в Питере и нас повезли посмотреть Царское Село. После тамошних роскошных интерьеров дворец французских королей показался мне пыльным и серым сараем, с каким-то остатками прежней роскоши. Увы!

Только там я поняла, почему во французских фильмах на исторические темы такое беглое внимание уделяют интерьерам. Ведь они должны выглядеть роскошно, но после нескольких веков безжалостной эксплуатации малость пообносились. А может быть, все специально оставляют именно в таком виде, чтобы посетители острее почувствовали колорит эпохи.

Я лично не почувствовала, но это, разумеется, говорит только о моей избалованности отечественными архитектурными сооружениями. Или об отсутствии тонкого вкуса. Или вообще ни о чем не говорит, у всех свои вкусы и пристрастия, о которых спорить не рекомендуется.

Так что по залам я пронеслась метеором, а потом по какому-то наитию нашла у задней стены дворца электрический мини-автобусик, который за полчаса провозил желающих по всем историческим местам самого парка. Вот это было сказочно красиво! И при том, что в самом дворце толпилось невероятное количество народа, в парке было, прямо скажу, пустовато.

Потом мне объяснили, что экскурсии по садам начались только в этом году, и о них мало кто знает. Особенно русские туристы, потому что за поездку нужно выложить десять евро, а это – еще какая-нибудь тряпка или тапочки. Так что мне в очередной раз повезло, в основном, потому, что я не люблю большое скопление людей, а красотами ландшафта и архитектуры предпочитаю любоваться в одиночестве. Или с одним-двумя спутниками, но не более того.

Удивительно было еще то, что день выдался хоть и теплый, но пасмурный, время от времени начинал накрапывать дождь, и тихую, почти идиллическую картину версальских парков я запомнила, наверное, на всю оставшуюся жизнь. Это была какая-то пронзительная и в то же время сладкая грусть, которая почти всегда звучит во французской музыке, за что я ее предпочитаю всем остальным, в том числе и модным новинкам мировой эстрады.

Еще одну групповую поездку я совершила на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. В двадцати километрах от Парижа, на которое самостоятельно вряд ли бы добралась. Последний приют русских, в котором им по каким-то причинам отказала Россия. Или они от нее отказались. Могила Ивана (Жана) Бунина, где имя «Жан» кажется совершенно естественным. Могила Нуриева. Могила Лифаря… Их, увы! – много, но дело даже не в них.

Совершенно потрясли меня те мелочи, которые мужскому глазу могут быть незаметны, а для женщины значат многое.

Никаких оград с амбарными замками. Никаких сухих головок от цветов (наверное, только у нас цветы обезглавливают на могилах, дабы уберечь их от мародеров).

Зато – фарфоровые, металлические, деревянные сувениры на многих плитах. Именно сувениры – на память. В виде книги, открытки, цветка с выгравированной надписью – от кого и кому. И все это не приклеено, не привязано и не приварено к плите – просто лежит. Уважение к мертвым – один из признаков высокой культуры общества. Это невозможно, знаю, но мне вдруг захотелось, чтобы меня похоронили на таком кладбище… Не скоро, конечно, но именно на таком. Хотя это, конечно, глупо: не все ли мне равно будет, где находится мой прах, когда для меня настанет вечный покой…

В общем, посещение кладбища вогнало меня в некоторую меланхолию и больше я групповых экскурсий не совершала. Хотя бы потому, что следующим номером в этой программе значилось посещение знаменитых парижских катакомб, куда меня абсолютно не тянуло. Когда-то я попала в керченские катакомбы, и испытывать те же ощущения, которые я до сих пор не могу забыть, больше почему-то не хочется. Возможно, я чрезмерно нервозна, но в Париже и без этих ужасов есть на что посмотреть и чем заняться.

А одна я просто гуляла по Парижу, выискивая места, знакомые по фильмам и произведениям художественной литературы. И лишний раз убедилась в том, что приветливость

и отзывчивость, а также жизнерадостность парижан – это не показуха, а стиль жизни. «Нет проблем!» («Па де проблем!») – можно услышать на каждом шагу.

У мадам только крупная купюра, а чашка кофе стоит гораздо дешевле? Па де проблем! Не работает телевизор в номере? Па де проблем – мастер придет мгновенно. Найти нужную улицу? Па де проблем! – любой прохожий будет старательно изучать карту и искать самый короткий маршрут. И все – с улыбкой. Там даже полицейские улыбаются – вот провалиться мне на месте, если я вру!

В чем парижане дают полную волю своей фантазии (сохраняя, правда, хороший вкус) – это в убранстве балконов. Кажется, квартир без балкона, хотя бы единственного и крохотного – в Париже вообще нет. Но каждый – в своем роде произведение искусства. Цветы, пальмы, вьющаяся зелень, специальная мебель…

Тут можно только безнадежно завидовать: какой бы величины ни был балкон в Москве, климат не позволит выращивать там подобную экзотику. Климат и так называемая «окружающая среда». В Париже пахнет цветами, зеленью, рекой. Иногда – немного бензином. Но удушливого чада, которым мы дышим в Москве, нет и, наверное, не может быть. Грузовикам по городу ездить нельзя – только ночью и строго по делу. Автобусы безупречно новые и не чадят. Автомобили – тем более.

Автомобили вообще ведут себя странно. Во-первых, со-

блюдают все правила дорожного движения. Во-вторых, если хоть один человек переходит улицу, когда уже горит красный свет, ни одна машина не трогается с места. Ждут-с, Вы не поверите, они даже притормаживают у переходов, чтобы пешеходы не шарахались из-под колес.

Увидев это однажды, я строго-настрого наказала себе не поддаваться на подобные провокации и не расслабляться. Иначе неделя в Париже может стоить жизни в Москве. К хорошему, как известно, быстро привыкаешь.

В ходе этих прогулок я обнаружила, что успешно утратила некоторые чисто российские признаки: заполошность, излишняя суетливость, внутренняя скованность, то есть всего того, из-за чего нас, русских, безошибочно «вычисляют» в Париже местные жители.

Если у женщины в глазах – море изумления, значит, она русская. И никак не может привыкнуть к тому, что ей не хамят, ее не толкают, что ей – ох, не будите меня, ради Бога! – улыбаются по поводу и без повода. Я чувствовала, что этот город меня принял, признал. И отвечала ему полной взаимностью.

Это – как реализовавшаяся первая любовь, когда можно ничего не говорить – все и так понятно, а можно говорить сутки без перерыва и все равно не выскажешь и сотой доли того, что испытываешь, когда видишь, как низкое вечернее солнце, словно гравер, очерчивает контуры Нотр-Дам или Триумфальной арки на площади Звезды, которая замыкает

Елисейские поля.

И совершенно невозможно найти слова, чтобы описать, как перехватывает дыхание при внезапном изгибе старинной улочки, впадающей в Люксембургский сад. Это надо видеть.

Я была безумно рада тому, что получилась фотография с видом из окна моего номера. Эту панораму я видела вечером, когда собиралась спать, и утром, когда открывала глаза. Это для меня – визитная карточка Парижа. Города моей мечты. Моего города. Который, совершенно точно знаю, живет для женщин, потому что только там можно себя ею по-настоящему ощутить.

В общем, я бы не слишком покривила душой, если бы повторила слова Маяковского: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва». Разве что пожить в Париже мне бы действительно хотелось подольше. Ведь если вдуматься, что я до сих пор видела в своей жизни? Москву, Питер, да парочку провинциальных городов на Черном море.

Нет, Аська сделала мне королевский подарок, хотя, возможно, даже не подозревала об этом. Какое счастье, что на сей раз ей нужно было задействовать свои деловые связи в Париже, а не в Берлине или даже в Лондоне. Нет, на халяву я бы, конечно, и туда с удовольствием поехала, только удовольствие было бы в несколько раз меньше того, которое я испытывала во французской столице.

А последний вечер мы вообще провели с Анри к обо-

юдному, надеюсь, удовольствию. Помимо посещения ресторана и прогулки по ночному Парижу, я получила чрезвычайно заманчивое предложение, подкрепленное некоторыми документами. О нем расскажу позже, если к слову придется. А вот само свидание…

На сей раз Анри повел себя так, как, по-моему, было вполне естественно: предложил мне немного отдохнуть в гостинице, только не в моей, а в другой, поспокойнее. Устоять перед французом, завоевывающим расположение дамы по всем правилам любовного этикета практически невозможно. Особенно если мужчина на самом деле нравится.

Вот я и не устояла, и не надо бросать в меня камни. Очень скоро мне предстояло возвращение в родную Москву, где рук мне никто целовать не собирался и не собирается, где высший комплимент из уст мужчины звучит так: «Неплохо сегодня выглядишь, старушка, выспалась, наверное» и где… Да ну, вспоминать тошно.

А тут был небольшой отель в тихом переулочке, приветливая хозяйка за стойкой, которая не спросила паспорта и не облила меня презрением, а просто дала ключ от чистенькой комнаты со всеми европейскими удобствами, плюс графин вина и ваза с фруктами.

И совершенно замечательные полтора часа с теми же самыми бесконечными комплиментами в виде гарнира к основному блюду. Которое – блюдо – было очень даже недурно по исполнению, хотя бы потому, что максимум внимания

Анри уделял моему удовольствию, а не акробатическим этюдам и упражнению под кодовым названием «упал – отжался – встал.»

Потом выпили по бокалу вина, покурили, обменялись телефонами. Анри еще раз подтвердил свое твердое намерение предоставить мне совершенно новое и интересное поле деятельности, на котором поездки в Париж станут просто постоянными деловыми командировками, а не коротким праздником. И отвез меня в отель, где торжественно проводил до самого номера и убедился, что никаких сюрпризов там для меня не приготовлено.

– До скорого, надеюсь, свидания, дорогая, – склонился над моей рукой Анри.

Я почувствовала, как по запястью скользнуло что-то гладкое и прохладное, а потом последовал еле слышный щелчок. Я опустила глаза: на моей правой руке красовался тоненький золотой браслет-цепочка.

– Это чтобы вы меня не забыли, – счел нужным дать пояснения Анри. – К сожалению, вы улетаете послезавтра и проводить я вас не могу, но в сумочке вы найдете кое-что, что, надеюсь, скрасит вам мое вынужденное отсутствие. И лишний раз напомнит обо мне, когда вы вернетесь в Москву. И постарайтесь как можно лучше провести ваш последний день в Париже. Последний в этот приезд, разумеется.

Я бросилась ему на шею в самом искреннем порыве благодарности и радости. По-моему, он остался доволен произ-

веденным эффектом. Но напоследок все-таки сделал попытку вернуть меня на грешную землю:

– Будьте благоразумны, Эллен, умоляю вас. Я уже почти точно знаю, что нападение на вашего случайного кавалера было связано с вами, и что грабители были русскими. Слава богу, когда он очнулся, то дал довольно пространные показания и теперь их ищут. Надеюсь, что если у них есть голова на плечах, из Парижа они убрались. Но все же будьте как можно осторожнее, хорошо? Я был бы просто в отчаянии, если бы с вами что-нибудь случилось.

Я поклялась отныне быть самой благоразумной и осторожной женщиной в мире, а что еще мне оставалось? Я и так уже продемонстрировала свое упрямство, так не стоило портить этот сказочный вечер проявлением не слишком приятных черт моего характера.

Хотя… не могу сказать, чтобы новость произвела на меня отрадное впечатление. Мне совершенно не хотелось стать следующим объектом нападения, да еще собственных сограждан. Никакой экзотики, ради этого вообще никуда летать не надо, а не только в Париж.

Когда за Анри закрылась дверь, я, естественно, полезла в сумочку. Там я обнаружила флакон духов, о существовании которых знала, но знала также, что они входят в десятку самых дорогих в мире, поэтому даже не мечтала о такой роскоши для себя. «Опиум», духи изысканных и сексапильных женщин, чуть-чуть «вамп», но только самую капельку.

Такие духи, в отличие от презентованных мне в музее и впоследствии украденных, я, конечно, никому дарить не собиралась. Поэтому распечатала коробочку, достала флакон, сняла с него крышечку и вдохнула пока еще незнакомый аромат. Духи пахли Парижем, прогулками по набережным, панорамой Елисейских полей. И…

И сильно напоминали тот аромат, который я еще несколько часов назад узнала, находясь в объятиях Анри. Да, разумеется, теперь модно создавать духи одной марки для «нее» и для «него». Но все это было в высшей степени трогательно и чертовски романтично.

Не говоря уже о том, что таких дорогих подарков я никогда и ни от кого в жизни своей не получала. Не считая изящной золотой цепочки, которая так красиво облегала запястье. И не считая состояния абсолютной эйфории, в которое я (уже почти привычно) впала, осознав все, так сказать, в комплексе.

О том, чтобы лечь в постель и заснуть и речи быть не могло. Время, правда, было довольно позднее, но мне хотелось еще посидеть, покурить, помечать. Так что я тут же нарушила данное Анри обещание, спустилась в холл, где круглосуточно торговали напитками, всякими закусками и сигаретами и купила себе крохотную бутылочку «Мартеля» и шоколадку.

Мне очень хотелось продлить праздник, тем более, что время неумолимо шло, и совсем скоро мне, как героине

«Римских каникул» кто-то невидимый скажет: «Ваше высочество, танцуйте по направлению к выходу». Вот об этом думать не хотелось совершенно.

Я вернулась в номер, разбавила «Мартель» фруктовым соком, баночку которого купила в своем любимом автомате, и села перед окном со стаканом в одной руке и сигаретой – в другой. Передо мной был ночной Париж, где-то далеко на горизонте маячила Эйфелева башня, а дома вокруг площади постепенно погружались во мрак: одно окно гасло за другим.

Постепенно от лирических грез я перешла к довольно практическим размышлениям, а именно: сколько денег у меня осталось после всех моих безумств, и что нужно будет купить завтра, потому что «парижский шопинг» я оставила, так сказать, «на закуску».

В Париж я прилетела, имея с собой огромные, по моим понятиям, деньги. Полная ревизия моих средств показала, что я успела промотать больше трети, не купив практически ничего, просто – на красивую жизнь. Расстраиваться по этому поводу я не собиралась: за такие воспоминания можно заплатить.

Да! Ведь накануне я получила от администрации двести евро в качестве компенсации материальной и моральной. Следовательно, у меня есть возможность привезти обратно в Москву часть валюты и обратить их в рубли. Жить тоже на что-то надо, поездкой в Париж жизнь не заканчивается.

Или приобрести что-нибудь по дороге: когда я летела в Париж, то была слишком поглощена собственными переживаниями, чтобы думать о каких-то покупках…

Додумать план на завтра я не успела: коньяк, наконец, оказал свое действие, и меня безудержно потянуло в кровать. Душ я принимала уже на автопилоте и отключилась, едва коснувшись подушки головой. Беспрецедентный случай в моей практике: в эту ночь я не видела снов. Во всяком случае, мне показалось, что я только что легла, когда выяснилось, что я уже проснулась, а за окном – дивное солнечное утро.

Сегодняшний день в нашей группе был объявлен «свободным», то есть наша сопровождающая бралась проводить всех желающих по самым знаменитым магазинам Парижа. Тех же, кто не хотел участвовать в таком мероприятии, вежливо попросили заняться чем-нибудь, лично им интересным.

Одна супружеская пара снова отправилась в музей Родена, о чем гордо оповестила всех членов группы, а я просто молча расправилась с завтраком и постаралась испариться как можно незаметнее. Этот день я не собиралась проводить с коллективом, этот день был моим и только моим. И меня ждал тот самый, облюбованный еще в самом начале поездки бутик, недалеко от улицы Феру. Так что заодно пойду попрощаться с любимыми местами.

На сей раз я уже ни у кого не спрашивала дорогу, свободно

ориентируясь в лабиринте улочек Латинского квартала. Дойдя до Люксембургского сада, я сделала небольшой перерыв на сигарету. День был потрясающим: теплым, безветренным, на небе не просматривалось ни единого облачка. Как я где-то слышала, такое называется «погода для богатых». И я ведь действительно ощущала себя эдакой состоятельной дамой, благо денег в сумочке было достаточно.

Посидев на солнышке, я отправилась дальше и через десять минут оказалась в искомом месте – прямо перед магазинчиком, где у двери стояли два манекена в каких-то умопомрачительных одеждах. Я чуть было не проявила малодушие, решив, что это, наверное, все-таки дорогой бутик и неплохо бы было найти что-то поскромнее. Но тут меня заметила продавщица – и «процесс пошел» уже помимо моей воли.

Первым делом она затащила меня в примерочную кабину, которая находилась на втором этаже заведения. Так что все пути отступления были практически отрезаны. После этого поинтересовалась, а что, собственно, желает мадам. Поскольку мадам сама хорошенько не знала, чего ей хочется, продавщица взяла инициативу в свои руки и начала с немыслимым проворством таскать снизу вверх целые охапки одежды самых разных цветов и фасонов.

Наконец, я определилась в своих желаниях: черные легкие брюки, маечка с коротким рукавом и светлый пиджак. Монбланы тряпок вокруг меня значительно поредели и я

приступила к собственно примерке. И тут заметила, что в магазине появился еще один покупатель, точнее, покупательница: знакомая мне баба с отталкивающей внешностью. Признаюсь, в этот момент мне стало как-то не по себе: ну не могут же все эти встречи быть «случайными». За мной явно приглядывали.

Продавщица попыталась выяснить, что нужно новой клиентке, но та помотала головой и что-то пробормотала. Наверняка сказала, что просто смотрит. Ясно было, что покупать эта баба ничего не собирается, так что продавщица оставила ее в покое, правда искоса поглядывала, чтобы ничего не пропало. Я могла бы ее успокоить, сказав, что это мною интересуются, а не товаром, но благоразумно промолчала и сделала вид, что ничего вообще не заметила. Буквально вся ушла в примерку модных тряпок.

Фактически, так и произошло, поэтому исчезновение бабы я пропустила. Мне было не до того: я делала окончательный выбор. Взмыленная, но в общем-то довольная мною продавщица стала подсчитывать стоимость отобранных туалетов. Очень скоро выяснилось, что таких расходов мой бюджет не потянет. Пришлось стать скромнее в желаниях, то есть как-то ужаться. Ценою сверхчеловеческих усилий мне удалось, наконец, достигнуть почти идеального сочетания покупок и платы за них.

В результате получился очень даже неплохой ансамбль: черные шелковые брючки с замшевым пояском, черная,

с чуть лиловатым оттенком шелковая маечка с коротким рукавом и круглым вырезом, белый со слегка кремовым оттенком пиджак в талию и легкая косынка на шею, которая собирала весь ансамбль в единое и гармоничное целое. За это я и уплатила, получив в качестве премии совершенно роскошную штуку: пояс из желтого металла, составленный из цифр – пятерок и шестерок. Вряд ли я осмелюсь надеть эту штуку в Москве, но… пусть будет.

Выйдя из магазина с двумя фирменными пакетами в руках, я поняла, что пришло время подкрепиться. И не просто выпить кофе, как это у меня до сих пор водилось, а хоть что-то поесть, поскольку до ужина оставалась еще масса времени. В нескольких шагах от магазинчика обнаружилось очаровательное кафе, за столиками которого было не слишком много народу. Туда я и направила свои стопы, предвкушая радости индивидуальной, чисто французской трапезы.

Я заказала салат, омлет и половину графинчика розового вина. Меню было явно где-то и когда-то мною вычитано, так что сомнений в его стопроцентном местном характере у меня не оставалось. Кажется, даже официант на сей раз не заподозрил во мне русскую, потому что не говорил, а тараторил, и свидания на вечер назначить отнюдь не пытался. Впрочем, в Латинском квартале полно иностранных студентов, а туристы поодиночке сюда обычно не захаживают.

Обед или второй завтрак – называйте как хотите – прошел просто восхитительно. Заодно я отдохнула и расслабилась:

напиться местным вином довольно проблематично, во всяком случае, я лично столько не выпью, но тонизирует оно неплохо. Поэтому за кофе я достала блокнот с ручкой и принялась прикидывать, какие сувениры и кому я должна привезти.

Асе подарок запланирован не был: если я вернусь в Москву с тем, что передал ей Анри, она и так будет счастлива. Других подруг у меня не было, сослуживцы о моей авантюре не знали, близкие родственники проживали в других городах. Значит, оставался мой супруг, которому нужно найти что-то необыкновенное.

А если деньги еще останутся, то потратить их как-нибудь поинтереснее. Например, купить себе настоящее французское белье. Или домашние туфельки из белого атласа, отороченные чем-то воздушным и тоже белым. От последней идеи я отказалась сразу, представив себе, что сотворит Элси с такой обувкой. А вот собачке нужно что-то привезти, иначе это будет форменным свинством. Она же друг человека, значит и мой друг тоже.

На какой-то момент я вспомнила о возможной слежке и незаметно осмотрелась. Вроде бы никого подозрительного я не заметила, но… Судя по всему, кое-что все-таки усвоила из наставлений Анри, потому что когда расплачивалась с официантом, поинтересовалась, где у них тут «удобства», а там очень удачно рядом оказалась дверь черного хода. Им я и воспользовалась, после чего оказалась в совершенно пу-

стом переулке из которого выбралась где-то в полукилометре от кафе, так, что не сразу определила свое местонахождение.

Впереди, довольно близко от меня, возвышались всем известные башни Нотр-Дама, их я и избрала ориентиром, поскольку пару раз уже успела побывать и в самом соборе, и около него. В магазине сувениров я купила Сергею небольшую фляжку коньяка в виде Эйфелевой башни и зажигалку с тем же дизайном. Ему еще предназначалась презентованная мне Анри шариковая ручка, так что я сочла супруга вполне обеспеченным подарками.

А вот с сувениром для Элси пришлось побегать, пока, наконец, меня не вынесло к небольшому магазинчику под названием «Ваши любимцы». Там я даже несколько растерялась от обилия примочек, предназначенных для «братьев наших меньших», так что когда добралась до собачьего отдела, начисто позабыла, как по-французски сказать ошейник.

Впрочем, в моем довольно приподнятом настроении меня это не слишком смутило и я попросила у продавца «собачьи бусы». Молодой человек оказался смышленым и через пару минут разложил передо мной с полдюжины всевозможных ошейников – на любой вкус. Заодно сообщил, что к одной из моделей предлагается бесплатная металлическая пластинка, на которой они могут тут же, при мне, изобразить любую надпись. А мадам, если желает, может попить кофе в бистро напротив.

Модель была, конечно, дороже остальных, но идея с бляхой мне понравилась. Я расплатилась с продавцом, написала на листочке бумаги то, что хотела бы видеть выгравированным, и действительно пошла пить кофе, тем более, что уже нуждалась в перерыве на отдых.

Через пятнадцать минут молодой человек принес мне мою покупку: темно-коричневый ошейник с ярко начищенной латунной бляхой, на которой было написано «Элси» и номер нашего домашнего телефона. Пусть теперь и собачка будет знать, куда ей звонить в случае чего.

Когда я уложила все покупки в один пакет и проверила, не забыла ли я что-нибудь из сумочки на столе, то обнаружила, что из маленького бокового кармашка что-то торчит, типа уголка бумаги. Я потянула за него и извлекла на свет… сотенную купюру. После нескольких секунд совершенно понятного и объяснимого ступора, я поняла, кто мог туда положить такие деньги. Что ж, возможно, у французов так и принято.

Это, между прочим, в корне меняло мои планы. Так что вместо того, чтобы отправиться в отель, я отправилась на поиски хорошего магазина типа «Дамского счастья», только не такого большого. И нашла прелестный магазинчик, торгующий дамским бельем, да таким, которое я если и видела, то только на рекламных картинках в самых дорогих глянцевых женских журналах. Особенно приятно было то, что все имевшееся там великолепие можно было померить, а не по-

купать «на глазок».

В результате я обрела несколько совершенно умопомрачительных вещичек, которые, тем не менее, могла носить любая нормальная женщина, а не только фотомодель, и завершила свою вакханалию покупок приобретением очень красивой зажигалки, перламутровой, сугубо дамской. После чего поняла, что своим ходом я до отеля уже не доберусь и взяла такси.

В общем, на ужин я явилась совершенно обессиленная, но в великолепном настроении, которое не покидало меня весь вечер, несмотря на град язвительных замечаний, который вызвало мое появление на такси. Кто-то все-таки это заметил и поделился с остальными.

Ума не приложу, почему все эти тетки, денег у каждой из которых было как минимум раза в три больше, чем у меня, так злились. Правда, мне тут же объяснили причину такого отношения к моей персоне: кто-то все же видел меня с Анри, и ладно бы, если бы на пешей прогулке в Булонском лесу. Нет, в самый «пикантный момент», когда я выходила из машины возле нашей гостиницы, а Анри придерживал мне дверь и затем поцеловал руку.

– Это, наверное, ваш родственник? – ехидно поинтересовалась одна из дам.

– Да, – небрежно ответила я, – по мужской линии.

– Очень красивый мужчина, – не унималась дама. – Держу пари, что женат.

– Разумеется, женат, – все так же равнодушно ответила я. – И дети есть, так что все счастливы.

– И завтра он поедет вас провожать в аэропорт?

– Не думаю, – ответила я, стремясь как можно быстрее закрыть тему. – Все, что просили ему передать из Москвы, я передала.

По-моему, мне поверили ровно наполовину: женская интуиция – вещь кошмарная, благодаря ей иной раз всплывают такие факты, что остается только руками развести от изумления. Кстати, мужчины так скептически относятся к этому женскому качеству потому, что… смертельно его боятся. Приема ведь нет не только против лома…

По-видимому, дамы жаждали продлить столь интересную беседу, но мне-то как раз совершенно не хотелось ее развивать, чтобы не испортить чудный день. Не так уж часто в моей скромной жизни происходят такие праздники души и именины сердца. А сплетней и намеков я всегда могу наслушаться всласть в своем родном институтском коллективе. Там женщин тоже хватает, и им последнее время тоже абсолютно нечем заняться. Вот и чешут язычки в курилке.

В том же превосходном расположении духа я позже упаковала свою сумку, которая стала значительно увесистее, хотя некоторые вещи пришлось положить в отдельный пакет. Его и небольшую сумку через плечо я планировала взять с собой в салон авиалайнера, равно как и основную, дорожную. Насколько я помнила, салон самолета был таких размеров, что

позволял брать туда все, что угодно: от пластикового пакета со всякими мелочами до рояля нормального – концертного – размера.

Отлет предполагался ранним утром, так что я сочла за благо пораньше лечь спать, чтобы не суетиться в последнюю минуту. И в этот момент у меня зазвонил телефон. Я даже подпрыгнула от неожиданности.

– Алло, – сказала я, сняв трубку.

Слава богу, это на всех языках звучит одинаково.

– Мадам, для вас есть пакет. Вы спуститесь сами или доставить вам в номер?

На какое-то время я опешила: никаких посылок и бандеролей не ожидалось. Разве что Анри?… Еще какой-нибудь сюрприз? Потрясающий мужчина! Но…

– А кто принес? – осведомилась я. – От кого пакет?

– Увы, мадам, я отлучался на несколько минут, а мой напарник ничего не заметил. Когда я вернулся, пакет уже лежал на стойке. Прикажете доставить?

– Он большой? – спросила я.

– Нет, что-то вроде коробки конфет.

– Я спущусь сама, – ответила я портье. – Только оденусь.

Я положила трубку и тут же снова сняла ее, чтобы набрать другой номер. Как прав был Анри чуть ли силком навязав мне позывные своего мобильного телефона. Прежде всего я должна была спросить, его ли это проделки. Конечно, сюрприз при этом получался не совсем такой, как заду-

мывалось, но…

Но та самая женская интуиция, о которой я упоминала чуть выше, подсказала мне именно такое поведение, как оптимальное. Умнею, что ли? Вот что парижский воздух делает с людьми!

– Эллен? – услышала я в телефонной трубке голос Анри. – Приятный сюрприз.

– Простите, что беспокою…

– Что-нибудь случилось?

– Если честно, не знаю. Только что позвонили из вестибюля и объявили, что у портье для меня пакет. Он хотел прислать его с кем-нибудь мне, но я сказала, что спущусь сама. Простите за бестактный вопрос: вы мне ничего не передавали?

– Нет, дорогая, хотя, наверное, должен был. Но я исправлю эту ошибку, причем немедленно. Спускайтесь в холл и ждите меня где-нибудь в уголке, чтобы портье не увидел.

– Так вы приедете? – радостно ахнула я.

– А вы сомневались?

В голосе Анри мне почудилась какая-то странная интонация: то ли тщательно скрываемая нежность, то ли беспокойство. Все равно я была очень рада, что еще разочек – возможно, последний, – увижу его.

Господи, я что – влюбилась? Как говорится – приплыли.

Я спустилась в холл не на лифте, а по лестнице, и пристроилась в углу за огромной кадкой с каким-то фикусом

или пальмой – в общем, довольно ветвистым растением. И начала внимательно изучать обстановку: мне казалось, что некто, принесший якобы посылку, должен находиться тут же. Но в холле шла обычная, постепенно замирающая к вечеру жизнь, и ничего подозрительного вроде бы не наблюдалось.

А минут через пятнадцать появился и Анри, причем не один, а с еще каким-то мужчиной средних лет, который держал в руках небольшой чемоданчик. Анри практически немедленно обнаружил меня в моем укрытии и сделал еле заметное движение головой, которое, судя по всему, должно было означать: не высовываться. Что ж, ему виднее, как мне себя вести в такой ситуации.

Спутник Анри подошел к стойке портье и, достав из кармана какую-то книжечку, негромко произнес только одно слово:

– Полиция.

И тут я заметила, как из-за автомата со всякими напитками и шоколадками выскользнул некто, одетый так, что и описать невозможно. Ни цвета, ни фасона, ни, естественно, особых примет. Кроме одной: этот тип курил сигарету без фильтра и держал ее так, как обычно делают люди, побывавшие в местах лишения свободы – двумя пальцами. Чисто российская привычка, между прочим.

И тут я сделала совершенно неожиданную для себя вещь: тоже выскользнула из своего укрытия и довольно громко

сказала:

– Мужчина! Мужчина, подождите.

Сказала, между прочим, по-русски, хотя сама терпеть не могу такое обращение. Но оно сработало: тип чисто машинально обернулся на родимые, судя по всему, позывные, а еще через несколько секунд его уже крепко держал за локоть Анри. Вот реакция у человека – просто Джеймс Бонд какой-то, а не парфюмер.

– В чем дело? – возмутился тип по-французски? – Что вы себе позволяете?

Говорил он хорошо, но со странным акцентом. Возможно, не совсем мой соотечественник, а украинец. Кстати, они охотнее откликаются на обращение «мужчина», чем русские мужики.

– Документы попрошу, – сказал мужчина, пришедший вместе с Анри.

Эта обычная просьба имела неожиданный эффект: мужчина ужом вывернулся из цепкой хватки служителя полиции и понесся ко входной двери. Ему элементарно не повезло: охранник, прогуливавшийся снаружи, именно в этот момент решил войти в помещение. И уж он-то фигуранта не выпустил, скрутил вполне профессионально.

Пока Анри кратко вводил охранника в курс дела, его коллега устроился у стойки портье, открыл свой чемоданчик и начал манипулировать с какими-то загадочными устройствами и проводами. Продолжалось это минут пять, причем

к самой коробке он практически не прикасался. Потом выпрямился и сказал:

– Кажется, обертку снять можно без проблем. А вот дальше…

– Что там такое? – тут же сунулась я к нему под локоть.

Но меня очень аккуратно, хотя и жестко, поставили на место в прямом и переносном смысле этого слова.

– Мадам, отойдите, пожалуйста, это может быть опасным.

– Так ведь это прислали мне, – попыталась я восстановить справедливость.

– Тем более отойдите, – еще более жестко сказал специалист и добавил, адресуясь к портье. – Сделайте так, чтобы в холле никого не было. А я вызываю бригаду.

Но всякий случай я снова спряталась за свой фикус. И, кажется, вовремя, потому что постояльцев из холла довольно быстро выдворили, а откуда-то из недр отеля появился начальник охраны, с которым я уже была знакома. И вовсе не умирала от желание это знакомство продолжать.

– Что случилось? – поинтересовался начальник, адресуясь к заметно нервничающему портье.

– Даме из семьсот седьмого номера принесли пакет, но тут возникли подозрения…

– У дамы или у вас?

– У дамы. А теперь и у полиции тоже. Кроме того, задержали какого-то непонятного типа…

– Вот этого? – кивнул начальник на «мужчину», которого

все еще крепко держал охранник.

– Да. А сейчас приедет спецбригада. Кажется, это подарок с сюрпризом.

– Только этого нам не хватало, – вздохнул начальник. – Подобной рекламы отеля.

Я украдкой посмотрела на Анри, но тот был занят уже тем, что пристально следил за портье и под его взглядом человек в униформе все сжимался и бледнел. Наконец, Анри прекратил изучение объекта и сказал утвердительно:

– Вы принимали пакет, я в этом не сомневаюсь. Просто вам заплатили не только за эту услугу но и за молчание.

– Месье, но жизнь сейчас…

– Все дорожает, дети растут вместе с квартплатой, жалования вечно не хватает. Это я все знаю. Сколько вы получили и от кого?

– Вот от него, – кивнул портье на задержанного типа. – Он сказал, что выполняет поручение поклонника этой дамы. Который сегодня провожал ее до отеля. И дал мне пятьдесят монет, чтобы дама обязательно получила пакет, а лучше всего – отнести к ней в номер. Но я не мог уйти с поста, а дама сказала, что сама спустится.

Анри саркастически хмыкнул:

– Насколько я разбираюсь в ситуации, пакет предполагается от меня. Но я его не посылал, могу вас заверить. А вас, думаю, утешит то, что помимо расчета у вас будет еще пятьдесят монет. На время поиска новой работы.

Начальник охраны утвердительно кивнул и сказал даже с некоторым удовольствием:

– Вы уволены, Шарль. С этой минуты. Можете завтра получить расчет.

Честно говоря, портье я пожалела. Сам дурак: полез не в свое дело… вроде меня. Так что мы с ним оказались вроде бы товарищами по несчастью.

– Зачем вы прятались здесь? – спросил начальник охраны у задержанного. – Почему не ушли сразу же, как только передали пакет.

– Потому что мне велели убедиться, что посылка попала по назначению, вот и все. Поклонник этой дамы сказал, что там, помимо конфет, очень дорогой подарок, поэтому…

– Понятно, – перебил его начальник. – А насчет того, что подарок может оказаться опасным вы не подумали? Допустим, вы бы решили сами открыть пакет…

– Я бы не смог. Заказчик стоял на улице и наблюдал за мной. Когда я отдал посылку портье, то только тогда он уехал.

– Он был на машине?

– Конечно?

– Цвет, марка, номер?

– Темная какая-то. А в марках машин я не разбираюсь.

Тут очень вовремя приехала вызванная бригада. Специалист-эксперт перекинулся несколькими словами со спутником Анри, затем стал производить странные манипуляции

с коробкой. Потом очень осторожно развязал затейливый бант, снял подарочную обертку и из нее вынул… действительно коробку конфет. Во всяком случае, так это выглядело.

– Тяжеловато для шоколада, – заметил он, ни к кому особо не обращаясь.

Еще более осторожно он перевернул коробку вырезал дно. Потом два раза щелкнул какими-то особыми щипцами и сказал:

– Все. Теперь конфеты можно употреблять без ущерба для здоровья.

– И что же это было? – спросил Анри.

Я вся превратилась в слух и попыталась чуть-чуть поближе переместиться к месту беседы.

– Два взрывателя, прикрепленные снизу к двум произвольно выбранным шоколадкам. Берешь конфету из коробки – происходит взрыв. Простенько и со вкусом.

– Кстати о вкусе, – сказал Анри. – Я бы отправил коробку на экспертизу. Вы представляете, что они могли добавить в начинку этих конфет. Для полной уверенности, так сказать?

– Все, что угодно, – уверенно ответил эксперт. – От медленно действующего яда до цианида. Чем им эта дама так не угодила?

Тут Анри случайно глянул в мою сторону. Достойных слов для выражения эмоций он не нашел и лишь покачал

головой с сокрушенным видом. Конечно, я была виновата: сказали же – всем вон. А я пошла на поводу у своих желаний, точнее – своего любопытства. Что ж, сейчас пойду получать за это достойное наказание. Сама, между прочим, виновата.

Я подошла поближе, но определенную дистанцию все-таки соблюдала. Анри сам, извинившись перед остальными, подошел ко мне:

– Но ведь сказали же… – начал он каким-то несчастным голосом.

– А до этого вы мне сказали, чтобы я спустилась в холл, где-нибудь затаилась и не попадалась на глаза портье, – напомнила я. – Я привыкла выполнять то, что мне советуют умные люди. Так что вы напрасно сердитесь.

Анри только сокрушенно вздохнул. Конечно, лучшая защита – это нападение, точнее не скажешь.

– А потом, если бы не я, то этот тип от вас ускользнул бы. Все-таки рефлексы – великая вещь, он на родине так привык к этому обращению, что и тут непроизвольно на него среагировал. Братья-славяне…

– Хорошо, хорошо, но я и так безумно за вас волнуюсь. Придется организовывать вам охрану на завтра до аэропорта.

– Вас с работы выгонят, – вздохнула я. – Последнее время вы занимаетесь только моими проблемами.

– Не самое неприятное занятие, должен вам сказать. Ладно, все хорошо, что хорошо кончается. Давайте погуляем

с полчасика, выпьем по чашке кофе, успокоимся.

– Замечательно! – искренне обрадовалась я. – Анри, вы просто ангел-хранитель.

– Ну, не совсем просто… Вот что: сейчас я сделаю один телефонный звонок, после чего, надеюсь, смогу посвятить вам больше времени.

– Жене позвоните? – с неожиданной иронией спросила я.

Анри покачал головой. А мне стало стыдно за то, что я повела себя как вульгарная мещанка: приревновала, видите ли. К законной жене. Стыд и срам, Елена Сергеевна, вы и собственного-то законного мужа отродясь ни к кому не ревновали. Так что не стоит обзаводиться такой «милой» привычкой. Особенно за несколько часов до того, как самолет унесет меня из этого города и от мужчины, в которого я влюбилась.

– Так погуляем, дорогая? – вывел меня из этого состояния самобичевания Анри. – Здесь недалеко есть прелестное кафе. Посидим, поговорим.

Возражений у меня, естественно, не было.

– Кто же вас так ненавидит, Эллен? – спросил меня Анри, когда мы неспешно шли по полупустым, утопающим в зелени улицы, в фиолетовых сумерках завершения дня. – Просто чудо, что вы не взяли эту коробку сами.

– Действительно, чудо, – согласилась я. – Похоже, под вашим влиянием я становлюсь более рассудительной. В крайнем случае – менее легкомысленной.

– Коробку шоколада я вам, конечно, куплю, – самым серьезным тоном сообщил мне Анри. – Надо же компенсировать пережитый стресс. Или вы предпочитаете что-то другое?

– Никогда не задумывалась над своими предпочтениями, – засмеялась я. – К тому же меня никто и никогда об этом не спрашивал.

– А что дарит вам супруг, когда хочет доставить удовольствие?

Тут я задумалась: а что, действительно, мне дарит муж? Хотя бы к праздникам? Букет цветов на Восьмое марта, какую-нибудь хозяйственно-полезную вещь типа кофемолки или скороварки – на Новый Год и… и рублей пятьсот на день рождения («Купи то, что тебе захочется, у меня с фантазией плохо»). Конечно, обручальное кольцо мне купил он, но на этом с ювелирными изделиями завязал. И конфеты мне дарили, в основном, коллеги – в честь того же дня рождения. Если вдуматься – не густо получается.

– Эллен! Вы что, подсчитываете полученные от него подарки?

– Нет. Просто… В общем…

– В общем, понятно, – тактично догадался Анри. – Непонятно только, почему вас это устраивает. Вы его так безумно любите?

– Вообще не люблю, – неожиданно для себя озвучила я давно созревшую мысль. – Просто привыкла. Да и он часто

бывает в отъезде: у него такая работа. Да, привыкла.

– И вы остаетесь совсем одна?

– Почему же? У меня есть близкая подруга….

Я осеклась.

– Которая посылает вас в смертельно опасную поездку, ничего при этом не объяснив. Знаете, я всю жизнь представлял себе дружбу как-то иначе. Но я имел в виду не ваших приятельниц…

– Вы имели в виду других мужчин? Нет, Анри, вы – мое первое грехопадение, о котором я, кстати, ничуть не жалею. Но если бы мы встретились в Москве… Не знаю, я очень не люблю анекдотические ситуации: возвращается муж из командировки…

Мы оба посмеялись. Я только не поняла, что это вдруг Анри так живо заинтересовался моей личной жизнью. Ведь завтра в это время я буду уже за тысячи километров от него…

– А вот и кафе, – прервал мои размышления Анри. – Где вы предпочитаете сидеть: внутри или снаружи, дорогая?

Я выбрала столик на двоих в углу террасы, обвитой густыми плетями дикого винограда. Мне не хотелось ни с кем делиться своим спутником, в эти последние наши часы вместе я хотела получить впрок еще немного положительных эмоций.

– Кофе или что-нибудь покрепче, Эллен?

– И то, и другое, – улыбнулась я. – Пожалуй, мне бы хотелось попробовать знаменитый коктейль Джеймса Бонда.

Водка и мартини, смешать, но не взбалтывать. Это возможно?

– Почему нет? – спросил Анри и жестом подозвал официанта. – Надо же, вы, оказывается, поклонница Джеймса Бонда. Вот уж не думал… А я, пожалуй, выпью немного коньяка. Сниму стресс. Я очень испугался за вас сегодня, Эллен.

Я улыбнулась ему. Мне совершенно не хотелось говорить ни о стрессах, ни о страхах, ни о неприятных вещах типа взрывающегося шоколада. Мне хотелось немного тихого и спокойного счастья, которое, как я подозревало, в Москве мне вряд ли доведется испытать. Во всяком случае, в обозримом будущем.

– Я не очень большая поклонница агента 007, – сказала я, отхлебывая принесенный мне официантом коктейль, – я просто очень любопытная. Во все норовлю сунуть нос. И чаще всего – разочаровываюсь. Нет, вермут надо пить с апельсиновым соком, а водка вообще – гадость. Интересно, сколько людей попалось вот так же на удочку этому суперагенту?

– Думаю, немало, – улыбнулся Анри. – Не пейте, если не нравится, закажем что-нибудь еще.

– Нет, это уже дело принципа. Сказавши «а»…

– Нужно сказать «б», – продолжил Анри. – Поэтому после ужина, мадам, мы отправимся к вам в отель, и я с вас глаз не спущу до тех пор, пока не посажу в самолет. Заметьте: я не спрашиваю вашего разрешения на эти действия, просто ставлю вас перед фактом.

Если он думал, что я буду возражать, то ошибся. Скорее я обрадовалась тому, что последние мои часы в Париже будут проведены в таком обществе. А выспаться и в Москве успею, ничего страшного.

За ужином мы перебрасывались какими-то светскими фразами, но думали, как мне показалось, каждый о своем. Я – о том, как мне сейчас хорошо, и что Аську я ругать особенно не буду. Она же не виновата, что ее преследователи оказались такими поганцами. О чем думал Анри? Я льстила себя мыслью, что обо мне, но не слишком при этом обольщалась. Скорее всего, он думал о своих собственных делах.

К концу ужина официант вместе со счетом принес фантастической красоты коробку конфет. Я даже умилилась: оказывается, мой поклонник запоминает все свои обещания, да еще и выполняет их. Даже жалко было распечатывать такую красоту, но Анри предложил приемлемый выход: распечатать в гостинице и продегустировать. Запивая все это дело красным вином. Вино, кстати, тоже принес официант, когда подошел получить деньги.

В гостиницу мы тоже шли пешком, благо было недалеко. А там провели время именно так, как это предложил Анри. Распечатали коробку с шоколадом, вкуснее которого я ничего в жизни не пробовала, выпили по бокалу вина. И это все было так красиво и немного грустно… И это и то, что произошло между нами позже. Мы ведь оба понимали, что наверняка расстаемся навсегда…

– Я обязательно приеду в Москву по делам фирмы, – услышала я вдруг шепот Анри. – Возможно, через несколько недель. Как ты думаешь, мы найдем способ увидеться?

Вместо ответа я обняла его еще крепче. Значит, не все еще потеряно и возможно… Но тут общая усталость, вино и все остальное внезапно навалились на меня и я заснула сном младенца в нежных объятиях Анри. Только краем сознания прошла мысль, что это была первая настоящая ночь любви в моей жизни. И первое настоящее наслаждение близостью с мужчиной. Что ж, лучше поздно, чем никому.

Утром Анри отвез меня в аэропорт, о чем-то переговорив с нашим гидом, а вся остальная группа осталась дожидаться автобуса. Так что снова мы с нею встретились уже в салоне самолета, а там я забилась в свое кресло, к счастью, возле иллюминатора, и прикрыв глаза, перебирала в памяти парижские впечатления. Оставалось только отдать Аське ручку – и все неприятности окажутся позади. А со мной останутся фотографии, духи, браслетик, наряды, сувениры для домашних, ну и, конечно, пудреница.

Я встрепенулась, вытащила ее из сумки и в который уж раз принялась любоваться. Она была прекрасна. Даже того микроскопического дефекта, который я вроде бы заметила в первый раз, на ней не было.

Три зубчика королевской лилии были без малейшего изъяна…

***

– Что-то не так? Ты опять нервничаешь? Ничего, завтра она вернется, и все пойдет по-прежнему.

– Вот в этом у меня как раз и нет уверенности.

– В том, что она вернется иди…

– Ни в том, ни в другом. Мы использовали последний шанс, и я даже не знаю, что делать, если он провалится. Ничего не понимаю. Впервые в жизни не я регулирую ситуацию, а ситуация то и дело ставит меня в тупик.

– Все когда-то бывает впервые. Она, между прочим, очень неглупа, и этот ее вид «не от мира сего» – всего лишь маскировка. Уж я-то знаю…

– Еще бы. Но мне непонятно, почему мы сегодня не можем встретиться. Ты же знаешь, как я этого хочу.

– Есть причины.

– Уважительные?

– Для меня – да.

– И какие же, если не секрет?

– Секрет.

– Но ты будешь дома?

– Вряд ли. Один шанс из ста.

– Квартиру в порядок приводить не будешь?

– После чего?

– После недельного отсутствия хозяйки.

– И это тоже мои проблемы.

– Ты очень изменился за последний год. Меня это пугает.

– А то, что происходит с тобой, меня пугает уже несколько лет.

– Но все ведь по-прежнему?!

– Нет. Далеко не все. Скорее – наоборот.

– Но…

– Мне пора. Созвонимся.

Глава шестая.
Здравствуйте, приехали!

Когда я оторвалась от созерцания своего сокровища, то выяснила, что не одной мне оно нравится. Мужчина, сидевший в кресле через проход, тоже не отрывал взгляда от моих рук. Поскольку они у меня не унизаны драгоценными перстнями и вообще не ослепляют красотой, то слепому ежику было понятно, что именно привлекло внимание соседа.

Я демонстративно сунула пудреницу обратно в сумку – парижских приключений с меня хватит на всю оставшуюся жизнь. А поскольку всем прекрасно известно, каким опасностям подвержены авиапассажиры – не в воздухе, нет! – по дороге из аэропорта в столицу нашей родины, то тем более надо было поостеречься.

На сей раз я летела не в аэробусе, а в самом обычном «Ту» каком-то и обстановка отличалась коренным образом. Во-первых, пассажиров в самолете было под завязку, и ни о каком вольготном курении с прохладительным напитком и речи быть не могло. Даже вытянуть ноги оказалось почти невозможным, слишком плотно друг к другу были установлены кресла. И проход – довольно узкий – был один.

Нам, правда, предложили то ли поздний обед, то ли ранний ужин, но есть то, что предлагал «Аэрофлот» я была про-

сто не в состоянии. Попросила кофе: меня сначала обругали за то, что тороплю события, а потом принесли чашку такого пойла, что я с трудом осилила половину. Если это у них называется кофе…

Ни о каких дополнительных напитках и речи не было, так что мне очень пригодилась прихваченная с собой на дорожку бутылка минеральной воды «Эвиан». Когда я еще смогу ее попробовать!

В общем, поднявшись в воздух, я одновременно как бы спустилась на грешную землю и постепенно начала понимать, что Париж остался в прошлом. Равно как и французский сервис, французские традиции и… Анри.

Но в этом пункте, правда, были кое-какие положительные моменты, то есть перспективы на будущее. И это немного смягчало горечь прощания и грусть утраты. С другой стороны, нельзя же, чтобы всегда все было прекрасно и удивительно. За все надо платить, в том числе, и тем, что прекрасное и удивительное имеет неприятную особенность очень быстро заканчиваться. В отличие от неприятностей: эти как раз могут происходить постоянно и довольно долго.

Я еще раз просмотрела бумаги из папки, которой снабдил меня Анри, и в которой содержались перспективы такого светлого и прекрасного будущего, о котором я никогда даже и не мечтала. Лишь бы благополучно добраться до Москвы, до дома, вручить Асе то, что ей послал Анри и забыть о поручении моей дорогой подруги на всю оставшуюся жизнь.

Помнить только Париж с его необыкновенным очарованием и, конечно же, Анри.

Да, я, кажется, влюбилась в него, но ведь за несколько наших встреч ему удалось избавить меня – так, между делом, – от очень и очень многих ненужных мне комплексов. К тому же дал столько нежности и заботы, сколько я не видела за всю свою жизнь. И вряд ли еще увижу: если в Париже все можно было списать на пресловутую эйфорию, то в Москве этот номер у меня явно не пройдет. А просить алиби у Аси, как она периодически просит его у меня – спасибо, не надо.

Надо сказать, что те новости, которые я узнала о своей подруге, не слишком вдохновляли. Сам факт, что у человека имеется несколько разных паспортов на разные фамилии, да еще два законных мужа и какие-то сомнительные дела с Интерполом… Хм, многовато получается, однако. И если она догадывалась хотя бы о половине поджидавших меня в Париже неприятностей, то было не слишком гуманно отправлять меня туда, ничего не объяснив, да еще с непонятным паспортом. Нет, это мне категорически не нравилось и скрывать свои эмоции от подруги я не собиралась.

Неудивительно, что она сама в Париж не поехала. По ее собственному паспорту она вообще дальше паспортного контроля в Шереметьево не прошла бы, а если бы воспользовалась другими, то наверняка получила бы все то же самое, что и я: обыски, покушения, нервотрепку. Возможно, правда, что и Анри вошел бы в этот ассортимент: Ася действи-

тельно красивая женщина, а про меня можно сказать только «миловидная». Впрочем, вкусы у людей разные и о них, как правило, не спорят.

Хотя наш самолет и взлетел точно по расписанию, приземлиться он исхитрился на полчаса позже положенного срока, хотя скорость полета была именно такой, какой ей надлежало быть. Один Бог знает, как это можно технически осуществить.

Единственную свою большую сумку, а также пластиковый пакет с тряпками я в багаж не сдавала, а посему рассчитывала, что хотя бы процедуры ожидания багажа можно будет избежать. Но я недооценила возможности наземных служб «Шереметьева».

Двадцать минут ждали трап, тридцать – микроавтобус, который провез нас по летному полю от силы двести метров. А потом началось самое интересное: полтора часа стояния в очереди на паспортный контроль и таможенный досмотр.

Похоже, родная страна не горела желанием принимать своих блудных детей обратно. Впрочем, иностранные туристы тоже парились в этой самой очереди и совершенно не понимали, бедняжки, что за экзотический аттракцион им предложили с самого начала

Я тоже чувствовала себя не самым лучшим образом: конец мая в Москве ознаменовался прямо-таки тропической жарой, а я, чтобы не утяжелять сумку, напялила на себя брюки, водолазку, жакет. Плюс, разумеется, знаменитый парик.

Так что комфорта я испытывала не больше, чем человек, решивший посидеть в сауне в шубе, шапке и валенках.

Про парик, кстати, я вспомнила в самую последнюю минуту в парижском аэропорту, сообразив, что иначе меня просто-напросто не выпустят из страны. В общем-то я ничего против этого не имела, но…

Но дело заключалось в том, что из Франции я везла кое-что особенное, специальное, для себя. Так, пустячок – предварительное соглашение с месье Берри о том, что буду вице-директором российского отделения его фирмы в Москве. Директором должен был быть сам Анри, который и намеревался в скором времени лично прибыть в Россию и на месте утрясти все оставшиеся вопросы. Вообще-то переговоры велись уже больше года и все было как бы на мази. Последняя подпись была получена им чуть ли не вчера.

Так что мне предстояло примерно через месяц коренным образом изменить свою жизнь и из низкооплачиваемого младшего научного сотрудника превратиться в высокооплачиваемого клерка. Минус у этой метаморфозы был один: невозможность иметь «режим свободного посещения», к которому я за многие годы привыкла. Ну, а о плюсах, наверное, говорить не стоит: и так ясно, что оклад, полагавшийся мне ежемесячно на новой должности, превышал наш с мужем совокупный годовой доход.

Конечно, несколько смущала та мысль, что это место, теоретически, должно было достаться Асе, а вовсе не мне. Она-

то буквально создана для такой работы, и единственный для нее минус – незнание французского языка. Зато – безупречный английский, деловая хватка и бешеная энергия.

Всего этого у меня и в помине не было, так что я подозревала: моя кандидатура возникла спонтанно и исключительно на почве личных взаимоотношений. С другой стороны, интерес к Асе со стороны Интерпола вряд ли мог считаться положительным качеством для сотрудника фирмы Анри.

Я-то хоть была чиста, как слеза ребенка, и ни в каких криминальных штучках не замешена. Точнее, была не замешана. Чем дольше я дышала воздухом родины, тем тревожнее становилось у меня на душе, а в голове вертелась дурацкая присказка: «Коготок увяз – всей птичке пропасть». Увязла я по глупости и чрезмерной доверчивости, но пропадать мне вовсе не хотелось. Особенно теперь, когда все могло так измениться в лучшую сторону…

Тем не менее, возвращение в родные пенаты приобретало, несмотря ни на что, свою прелесть. Хотя, должна признаться, я слабо представляла себе объяснение с супругом по поводу перемен в моей жизни. Не в личном плане, боже упаси! – тут я вообще собиралась промолчать. А вот деловая часть моей не совсем обычной туристической поездки… Ладно, посмотрим по ходу развития сюжета.

Уж если Сергей так легко отпустил меня одну за границу, то наверняка спокойно согласится и на смену моей работы. Все равно моя нынешняя трудовая деятельность была просто

смехотворна: ни себе, ни людям. А корчить из себя большого ученого, прекрасно сознавая, что я не ученый вообще, мне как-то не хотелось.

Значит, нужно достойно, со щитом вернуться, тут двух мнений быть не могло. Поэтому я напялила парик и стоически перенесла пытку жарой. Утешала себя тем, что как только окажусь на российской территории, тут же избавлюсь от дополнительной шевелюры. Не тут-то было! Так что согрелась я, кажется, на год вперед. Во всяком случае так, чтобы зимой не тосковать о летнем солнышке.

Но самым большим испытанием для меня оказалось то, что в толпе встречающих я углядела собственного супруга. И немало этому удивилась: я хоть и первый раз путешествовала одна, но у нас как-то не принято было встречать в аэропорту. Сергей до дома всегда добирался сам. И надо же – такая нескладуха с этим прилетом: очередь, духота, пара часов, проведенных совершенно бессмысленно, как мной, так и Сергеем. Выражение его лица, кстати, ничего хорошего мне не обещало.

Собственно, горячих объятий истосковавшегося супруга я не ожидала и не получила. И не обиделась: почти три часа, проведенные в жаре и духоте общего зала ожидания, кого угодно доведут до белого каления. Тем более, что наши с Сергеем отношения были крайне далеки от сентиментальности.

А тут я достаточно хорошо видела его из-за спин пассажи-

ров в зале ожидания и понимала, что даже если он и приехал меня встречать в хорошем настроении, то теперь это чувство переходят в свою прямую противоположность. А ведь нужно было еще ехать чуть ли не через весь город…

Даже отупев от ожидания и жары, я сообразила, что стягивать с себя парик на глазах у изумленной публики не слишком-то прилично. Попросить мужа подождать минуточку – тоже не остроумно: он и так прождал меня слишком долго и наша встреча ознаменовалась довольно сдержанным и, я бы сказала, прохладным, почти братским поцелуем. Это тоже было неожиданностью: такие нежности при встречах и прощаниях дома у нас как-то не были приняты. Впрочем… жара. Оставалось терпеть до дома, куда, повторюсь, еще надо было добраться: собственной машины у нас, естественно, не было.

Хуже всего было то, что я начисто забыла Асины инструкции. В тот момент, когда я узрела в зале ожидания своего супруга, я вообще так изумилась, что забыла обо всем на свете. Мы же специально собирали мои вещи перед отъездом с таким расчетом, чтобы я могла вернуться домой совершенно самостоятельно. То есть Сергей вовсе не собирался меня встречать, и что на него нашло, понятия не имею.

Зато у меня из-за этого спонтанного порыва совершенно вылетело из головы то, что на самом деле меня должен встречать какой-то Аськин приятель. Посему появление возле меня молодого человека в джинсовом костюме восприня-

ла с неподдельным изумлением. Он же, напротив, прямо-таки источал обаяние и дружелюбие.

– Простите, вы – Елена? – спросил он, не удостоив моего мужа даже мимолетным взглядом.

Правда, тот как раз повернулся ко мне спиной, чтобы завязать распустившийся шнурок на ботинке, но то, что он услышал над свое головой, ему, естественно, не понравилось. Чего он скрывать отнюдь не стал.

– А вам какое дело? – рявкнул он, выпрямляясь. – Что за манера приставать к замужним женщинам?

– Извините, – опомнился джинсовый, – но Анастасия Павловна…

Тут я все вспомнила:

– Ах, конечно, здравствуйте! Как мило с вашей стороны, что вы меня встретили.

– Это ты в Париже научилась назначать свидания при муже? – со зловещим добродушием поинтересовался мой супруг. – Мило, мило. Вижу, времени зря не теряла. А вы, юноша, идите отсюда, нам никакие встречающие не нужны. И Анастасия Павловна тут вообще не при чем.

Здравствуйте, приехали! Способность мужа закатить сцену ревности на ровном месте мне была прекрасно известна, а уж если нашелся повод.…

– Как это – не при чем? —изумился джинсовый. —Это я про встречающего мужа впервые слышу.

Ответом он удостоен не был. Я видела, что точка кипения

уже почти пройдена, еще чуть-чуть и будет взрыв.

А все моя дурная рассеянность. Мне, идиотке, следовало еще до отъезда в Париж предупредить его, что меня будут встречать. Типа трансфера. Хотя – как бы я это объяснила? Черт, надо было раньше думать!

– Милый, – срочно заворковала я, – я забыла тебе сказать, что меня будет встречать Асин приятель. На машине. Так удобнее, чем на автобусе, согласись.

– Мне – неудобнее, – отрезал муж. – Ты можешь ехать со своим хахалем, куда угодно, а я поеду один. Разумеется, нужно было предупредить: я бы не тащился, как дурак, встречать тебя в такую жару.

– Тащился бы как умный! – взорвалась я. – И, между прочим, ты вообще не собирался меня встречать, говорил, что у тебя полным-полно совершенно неотложных дел на месяц вперед. А теперь во всем виновата я. Надо было остаться в Париже – попросить политическое убежище от тебя, солнце мое незакатное.

Хамить – нехорошо. Но это единственный известный мне способ радикально пресечь сцены ревности моего драгоценного, который по долгому опыту знает: если я ощущаю за собой хотя бы тень вины, то обычно оправдываюсь, морально ерзаю и вообще веду себя как нашкодивший щенок. А раз хамлю – значит, невиновна. Логика, разумеется, железная, потому что – мужская.

– Ладно, – дал он «задний ход». – Ошибся. Признаю. Где

ваша машина, молодой человек?

– А вон там, – обрадовался джинсовый. – Сейчас я ее подгоню, момент.

И вприпрыжку понесся куда-то в сторону. Мы с мужем переглянулись. Я ждала извинений, и мои ожидания не были обмануты.

– Ну не сердись, Ленка. Но твоя Ася вечно что-нибудь придумает. На кой черт было затруднять человека, если есть я? И ты действительно могла добраться самостоятельно, просто у меня изменились планы и я совершенно случайно оказался свободным.

– Ася хотела как лучше, – забормотала я, испытывая невероятное облегчение от того, что самое худшее, похоже, осталось позади. – А я перед отъездом просто забыла тебе об этом рассказать, вот тут я действительно виновата. Кстати, я все вспомнила: она же предупредила меня, что зовут ее приятеля Олегом и у него – голубой «Москвич»…

И тут я поперхнулась, потому что не удосужилась спросить у этого самого джинсового ни как его зовут, ни какой модели у него автомобиль. В животе неприятно заныло, а муж еще и добавил:

– «Москвич»? Голубой? Может, я и ни черта не смыслю в марках автомобилей, но пока, слава Богу, не дальтоник. Вон он выруливает, твой встречающий, в ярко-красных «Жигулях». Причем там еще кто-то сидит. Может быть, его действительно зовут Олегом, но он забыл представиться…

Что с тобой?

Ответить я не успела потому, что, во-первых, с перепугу потеряла дар речи, а во-вторых, потому, что на сцене появилось еще одно действующее лицо – тоже молодой мужчина. Но в светлых брюках и белой рубашке. И, не теряя ни минуты, выпалил:

– Извините, здравствуйте, меня зовут Олег, я от Аси, опоздал, чертово колесо по дороге спустило, вон мой «Москвич», пойдемте!

В двадцати метрах от нас действительно стоял «Москвич». Нужного цвета и с нужным количеством дверей.

– А вы, значит… – начал было Олег, обратившись к моему супругу, но почему-то осекся.

У меня мелькнула смутная мысль, что эти двое знакомы, но почему-то не хотят это афишировать. А дольше размышлять было уже некогда. Я схватила мужа за руку и, не давая ему возможности устроить очередную сцену ревности, потащила к машине. Он, правда, сопротивлялся, но как-то вяло. Наверное, появление еще одного «ухажера с машиной» вогнало его в какое-то подобие ступора.

Уже на ходу я объясняла Олегу, что ничего страшного не случилось, что он вовсе не опоздал, а как раз приехал очень вовремя. Одновременно краем глаза следила за ярко-красными «Жигулями», которые подъезжали к тому месту, где мы несколько минут назад стояли.

Действительно, в машине, кроме джинсового, сидел еще

кто-то. Мужчина. Или коротко стриженная женщина – черт их, то есть нас теперь разберет.

– Олег, – сказала я, – быстрее, пожалуйста. Тут у нас кое-что произошло, объясню в машине.

Олег оказался на высоте и загрузил нас в «Москвич» прежде, чем муж смог опомниться и начать выражать свои мысли вслух. Успеет, а пока нужно было сматываться отсюда как можно быстрее. Это я тоже донесла до Олега и он, похоже, опять-таки понял все с полуслова.

– Не волнуйтесь, Лена, – сказал он, выруливая на дорогу, – они, может, и не дураки, да мы тоже не с елки упали. Сейчас полавирую, собью их с толку, если решат за нами ехать, а потом выскочу по проселку на развилку – и слава труду! Не впервой, разберемся.

Пока Олег маневрировал вокруг аэропорта, терпение у моего мужа лопнуло окончательно.

– Что это значит? – ледяным голосом осведомился он. – Подозрительные личности вокруг тебя кишмя кишат, встречают аж на двух машинах, а теперь еще выясняется, что мы будем, как в твоих любимых дурацких боевиках, уходить от погони. Ты что, контрабанду привезла? С твоей распрекрасной подруги станется – втравить тебя в такое дело. А я-то думал, с чего она взялась тебе круизы дарить? Теперь понятно.

– Ничего тебе не понятно! – огрызнулась я, поминутно оглядываясь назад. – Я сама ничего не понимаю. Посмотри

лучше, что я тебе в Париже купила.

Я вытащила купленную в отеле шариковую ручку и протянула ее мужу. Надо знать увлечение любимого – в его коллекции имеется даже американское изделие начала 40-х годов. Чуть ли не опытный образец. Так что лучшего способа отвлечь его внимание просто не было.

Но, не успев похвалить себя за сообразительность, я обнаружила, что отдала мужу ручку, предназначенную для Аси. Спутала, идиотка! И как теперь, позвольте узнать, выходить из создавшегося положения?

Господи, ну почему все кончается так же кошмарно, как в дурном боевике? Неужели Анри был прав, постоянно повторяя мне о том, что нужно быть начеку и ни в коем случае не расслабляться. И не зря, ох не зря Ася говорила и о благополучном возвращении тоже. Пока я особого благополучия что-то не замечала.

Не пристрелили бы еще для полноты картины, так сказать. Сейчас ведь это проще пареной репы: несколько выстрелов из пистолета с глушителем или без, два вполне конкретных трупа – мой и мужа, масса свидетелей, которые дают самые противоречивые показания, преступники скрываются на угнанной машине, милиция объявляет очередной план «Перехват» или «Сирена»…

На чем все благополучно и заканчивается, потому что все эти планы почему-то почти никогда не дают нужного результата.

В этот момент машина резко затормозила, так что я ткнулась носом в переднее сидение. Подняв голову, я увидела, что выезд на шоссе блокирован ярко-красными «Жигулями». А от них в нашу сторону быстро направляются двое мужчин. Чисто рефлекторно я выхватила из сумки пудреницу и засунула ее в карман на сидении.

– Как же они догадались, сволочи? – услышала я изумленный голос Олега. – И откуда вообще взялись эти кенты?

Сергей не сказал ничего: по-моему, он даже не успел «вписаться в тему». Он только переводил недоуменный взгляд с меня на двух приближающихся мужчин, и теплоты в этом взгляде было не больше, чем в какой-нибудь морозильной камере.

А дальше события разворачивались одновременно и стремительно, и как бы в замедленной съемке. Каким образом и почему у меня сложилось такое впечатление – непонятно. Но Олег бесконечно медленно вылезал из-за руля и так же растянуто плавно начал драться с джинсовым.

Меня же практически мгновенно из машины выволок второй мужик. С заднего-то сидения – через переднюю дверцу! И потащил к «Жигулям», одновременно пытаясь отобрать у меня сумку. Я не то, чтобы крикнуть – пискнуть не успела от такого натиска. Что же касается моего мужа, то он на какое-то время просто окаменел: то ли от изумления, то ли от злости – у него не поймешь.

В «Жигули» я не хотела ни под каким видом и, оправив-

шись от первого шока, оказала довольно бурное сопротивление, в результате которого мы оба свалились в траву, сумка вывалилась у меня из рук и все ее содержимое оказалось на земле. Я даже зажмурилась от ужаса: фляжка с коньяком, мои новые духи, всякие дамские мелочи – в общем, маленькая трагедия имени Александра Сергеевича Пушкина. Только бы ничего не разбилось и не пропало!

В этот момент очнулся муж, до сих пор пребывавший как бы в ступоре, и с каким-то даже рычанием набросился на мужика, забыв о новой подаренной ручке, которая свалилась на землю прямо у колес «Москвича». Улучив удобный момент, я ее подобрала и спрятала понадежнее в… ну, неважно, куда.

Мужику, конечно, не повезло. Мой муж внешне не производит впечатления атлета. Но на самом деле силушкой его Бог не обидел, а все остальное он приобрел путем многолетних самоистязаний с гантелями, эспандером и прочей чепухой. Ну и, разумеется, когда наши океанологи еще имели возможность ходить в кругосветные научные экспедиции, там тоже тяжелой физической работенки хватало. Плюс – двухлетние занятия каратэ и, соответственно, черный пояс сэнсэя. Или как там у них это называется, точно не помню.

Так что схватка была короткой, жесткой, в стиле незабвенного Ван Дамма и с вполне предсказуемым концом: мужик отлетел к своим «Жигулям» и прилег у их колес, свернувшись калачиком. К этому времени Олег еще не разобрал-

ся со своим спарринг-партнером, пришлось Сергею еще повозиться. В результате джинсовый тоже отступил к «Жигулям», правда, своими ногами, а не по воздуху, но достаточно шаткой походкой. Шофер оттуда предусмотрительно не вышел, видимо, берег здоровье. Поле битвы осталось за нашим экипажем.

Интереснее всего было то, что с шоссе прекрасно просматривалось все побоище. Но ни одна из мчавшихся по нему машин даже не притормозила, не говоря уже про то, чтобы остановиться. Впрочем, я никого не осуждаю: по нынешним временам ввязываться в любую драку смертельно опасно, неизвестно, с какой стороны получишь пулю, удар ножом или перелом ребер. О, времена, о, нравы!

Джинсовый кое-как запихал своего напарника в машину и освободил нам дорогу. Я горячо понадеялась, что в пылу схватки мой супруг все-таки не зашиб кого-нибудь до смерти, иначе дело обернется вообще полнейшим кошмаром.

Но вроде бы запиханный в машину субъект подавал какие-то признаки жизни, то есть убит все-таки не был. И на том, как говорится, спасибо. Пока «Жигули» разворачивались и покидали поля боя, я на всякий случай запомнила номерной знак. Хотя из кинофильмов и книг знала, что эта штука вполне может быть липовой. Но все-таки хоть какая-то информация…

Пыль, поднятая отъехавшими «Жигулями», улеглась. «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать».

У Олега оказались разбиты костяшки пальцев и прилично подбит один глаз. Я лишилась парика, который валялся в траве неподалеку, зато приобрела два роскошных синяка: на коленке и на руке.

Легче всего отделался мой муж – ни царапинки, только моральное потрясение. Ох, и влетит же мне дома… если мы до него доберемся, конечно. Но не может же у моих неизвестных преследователей быть по машине с боевым экипажем за каждым поворотом? Или – может?

Я все-таки соображала еще довольно вяло: сказался пережитый стресс. Н-да, жизнь становилась не столько интересней, сколько загадочней с каждой минутой. Узнаю я когда-нибудь, что все это значит? Или меня так до самого конца и продержат в качестве «болвана» в преферансе?

А пока я тщательно собрала все то, что было вывалено из моей сумки. Похоже, ничего не разбилось, не сломалось и не потерялось, кажется, все было на месте, кроме… той ручки, которую я купила для мужа. Значит, охота за сувенирами продолжалась. Но почему тогда в гостинице не тронули пудреницу? И стоило ли поднимать такой сыр-бор вокруг обыкновенной, хотя и довольно симпатичной, канцелярской принадлежности?

– Домой? – спросил Олег, усаживаясь за руль.

– А что, есть варианты? – огрызнулся муж. – Я не для того тащился в Шереметьево, чтобы потом на машине полдня кататься.

Олег, по-моему, удивился, но комментировать ничего не стал. А у меня не пропадало впечатление того, что события пошли по совершенно неожиданному сценарию, и что приезд Сергея в аэропорт каким-то образом помог мне избежать еще больших неприятностей.

Впрочем, времени на глубокие размышления у меня уже не было. Олегу я вручила для передачи Асе парик (открыто) и ручку (тайком). Если бы пришлось объяснять мужу, что новый экспонат не пополнит собой его коллекцию, а отправится к ненавистной ему Асе… Последствия такого объяснения даже я не могла себе представить.

Как выяснилось впоследствии, это было очередной моей ошибкой: молчаливое и тайное поведение при передаче довольно оригинального послания от Анри Асе. Мне бы было гораздо легче и проще выдержать десяток сцен супруга, чем пережить все те события, которые впоследствии обрушились на мою голову. Тот самый случай, когда лучше было говорить, чем жевать, если слегка перефразировать популярную рекламу. Ну, так если бы… Если бы у бабушки были колеса, была бы не бабушка, а автобус.

К счастью, вечерние пробки на столичных улицах еще только начинали появляться, и до дома мы добрались относительно быстро, а главное – без новых приключений. По-моему, за нами даже никто не следил, впрочем, не поручусь за стопроцентную верность этого предположения. Но хотелось бы думать…

Мы благополучно высадились у нашего подъезда, распрощались с Олегом, который к концу поездки почему-то стал совсем мрачным, и наконец вернулись домой, к неописуемому восторгу собаки Элси и под стенания мужа о том, что из-за дурацкой потасовки он потерял мой подарок.

– Да перестань! – не выдержала я. – Подумаешь, ручка! Я привезла тебе кое-что посущественнее. Во всяком случае, нестандартное. За качество напитка, правда, не отвечаю: тут вся фишка в упаковке, а не в содержимом. Кстати, твои доллары я привезла обратно, вот, спасибо за материальную поддержку.

Эти новости супруг, как я и ожидала, воспринял с гораздо большим благодушием, нежели все предыдущие. Он настолько оттаял, что предложил распить коньяк сегодня вечером совместно, по случаю моего возвращения из заграничного турне.

– А закуски еще остались? – поинтересовалась я. – Или нужно быстро бежать отовариваться продуктами?

Обычно это делала я: Сергей терпеть не мог покупать что-либо, кроме сигарет, да и вообще считал, что создан для более возвышенных дел, нежели закупка провизии. Конечно, раньше он исправно помогал доволакивать до дома картошку или полученные мною в институте продовольственные заказы. Но картошку теперь доставляют на дом, а все остальное имелось в любом из трех магазинов в пределах десяти минут ходьбы. Так что я на такой расклад обязанностей не слиш-

ком роптала.

– По-моему, в холодильнике еще что-то есть, – отозвался мой супруг.

Показалось мне или нет, что он ответил как-то неуверенно. То есть в том, что закуски есть, он вроде бы не сомневался, но понятия не имел – какие именно. Довольно странно. Теоретически, сделанные мною перед отъездом заготовки и полуфабрикаты должны были закончиться еще позавчера, ну, в крайнем случае, вчера. Тогда я посчитала, что сутки супруг как-нибудь проживет на самообеспечение. Судя по всему, так и произошло, но почему в голосе такая неуверенность?

Я отправилась на кухню и провела краткую ревизию холодильника. Продуктов там было вполне достаточно, только не тех, которые я оставляла. В основном, это были довольно дорогие деликатесы, которые мы позволяем себе только по большим праздникам. Но может быть мое недельное отсутствие как раз и приравнивалось к событиям такого ранга? В общем, непонятно.

Попутно я удивилась тому, что в квартире очень чисто. Поскольку уборка тоже считается у нас «не мужской» работой, то я усомнилась: а жил ли мой ненаглядный здесь, пока я отсутствовала? Или пригласил кого-то, когда увидел, во что без меня превратилась квартира?

Самостоятельно разгадывать эти загадки мне совершенно не хотелось, поэтому я вернулась в комнату и спросила мужа,

увлеченно рассматривающему фотографии Парижа:

– Ты вообще-то здесь жил?

– Не понял, – приподнял брови мой супруг.

– В холодильнике – деликатесы…

– Это к твоему приезду, – быстро отозвался Сергей.

– Наполовину початые? – безмятежно осведомилась я. – Хотя, в принципе, устоять действительно было сложно, тут я тебя понимаю. Но вот чистота в квартире…

– Опять не угодил? – вдруг окрысился мой муж. – Наверное, нужно было нарочно насвинячить побольше, чтобы у тебя не возникло никаких дурацких подозрений. Как же до меня не дошло…

Он осекся и замолчал. Я терпеливо ждала, когда он соизволит объяснить, что именно и когда до него не дошло. А он, похоже, пытался найти ответ, который меня бы удовлетворил. Во всяком случае, молчание затянулось до неприличия и я решила, что хватит заниматься сыскной деятельностью.

Вполне возможно, что здесь побывала женщина, но чистая квартира и продукты в холодильнике – это еще не улика. Любая женщина мгновенно нашла бы объяснение такому феномену, но мужчины… Впрочем, устраивать сцены ревности я не собиралась: это было амплуа моего мужа, пусть оно его и останется. Да и морального права на это я сейчас не имела. Сама хороша.

– Послушай, – сказала я, – по-моему, мы занимаемся ерундой. Закуски, квартира… Посмотри лучше, что я при-

везла Элси.

Услышав свое имя, собака тут же навострила уши. Я достала из сумки ошейник и продемонстрировала ей обновку, попутно объясняя, что уж теперь-то она ни за что не заблудится и не потеряется, потому что сможет предъявить любому свою бляху, и нам тут же позвонят. Элси обнюхала ошейник и, кажется, осталась довольна, во всяком случае, дала его на себя надеть и лизнула мне руку.

Животные все-таки гораздо умнее, чем принято о них думать. Вот если бы они еще говорить умели… Элси быстренько рассказала бы мне все, что тут без меня происходило, и все вопросы были бы мгновенно решены. Жаль, что такое случается только в сказках – говорящие собаки. Равно как и все остальные чудеса.

– Себя-то не забыла? – не без иронии осведомился мой супруг. – Удивительно, что ты ничего не перепутала: мне привезла коньяк, а собаке – ошейник. Париж явно оказал на тебя благотворное влияние.

Так, кризис, судя по всему, миновал. Если Сергей начинает язвить и подпускать шпильки, значит, чувствует себя в своей тарелке, то есть уверенно. Вот и отлично: конфликт в первый же вечер мне был совершенно не нужен. Если вдуматься – не нужен вообще.

К сожалению, одна ситуация, чреватая конфликтом, еще оставалась: мне нужно было позвонить Асе и доложить, что все в порядке. Но более верного способа взбесить моего

неизбежного просто не было: он и так не поощряет наше общение, как я уже говорила.

Придется, наверное, подождать, пока он пойдет гулять с Элси. Если она, конечно, не заартачится. Судя по всему, собака действительно по мне безумно соскучилась, потому что практически не отходила от меня, да еще постоянно укладывала морду прямо мне на ноги, чтобы, значит, сидела на месте и не двигалась. Кстати, Элси-то сегодня кормили?

– У нас животное кормлено? – спросила я. – А то перед тем, как мы начнем праздновать мое возвращение, неплохо было бы собачку прогулять, а потом дать поесть.

– Да кормил я ее с утра, – отмахнулся Сергей. – Видишь, спокойно сидит, ничего не просит. Не волнуйся, ничего с твоей любимицей за эту неделю не произошло. А гулять мы можем пойти все вместе.

Этот вариант меня устраивал меньше всего. Либо с собакой гуляю я и звоню Асе из автомата, либо я остаюсь дома, тогда вообще никаких проблем. Поэтому я сделала жалобное лицо и тихонько заныла:

– Слушай, я же не такая закаленная, как ты. Это тебе трое суток идти без отдыха по пересеченной местности – пара пустяков, только крепче заснешь потом. А я просто без сил: смена часовых поясов, этот кошмар в Шереметьево…

– Ты имеешь в виду драку? – осведомился Сергей.

– Да всю процедуру прилета по совокупности! В общем, будь другом, выгуляй псину, а я тут тихонечко столом зай-

мусь.

– А она захочет с тобой сейчас на время расстаться? – не без иронии осведомился мой супруг.

– Спроси ее, – пожала я плечами. – Если заартачится, придется мне совершить подвиг, но тогда прогулка сократится до минимума. Я действительно сегодня очень устала. Да и неделька выдалась хоть и прекрасная, но довольно-таки напряженная.

– Я тебя понимаю, – сказал Сергей без всякого сарказма или ехидства, вышел в коридор и вернулся с поводком.

– Гулять, девочка.

Элси не соизволила отозваться. Тогда я взяла поводок из рук мужа, пристегнула его к новому ошейнику и сказала:

– Пойди, пройдись немножко, Элси. У меня сегодня нет сил. Пожалуйста…

Не знаю, кто больше изумился: я или мой муж, но Элси неторопливо поднялась и пошла к дверям, всем своим видом изображая великомученицу, которую влекут на эшафот или костер. Неужели она действительно понимает? Или ориентируется на интонации? Нет, собаки все-таки загадочные создания, почти как кошки.

– Вы не долго, – попросила я. – Минут пятнадцать максимум. Просто для порядка. С завтрашнего дня будем гулять нормально.

Сергей согласно кивнул головой и дверь за ними захлопнулась. А я, разумеется, тут же кинулась к телефону. Ась-

кин номер, к счастью, был свободен. Но радовалась я рано. На том конце провода был автоответчик. Значит, опять отправилась с супругом на какой-нибудь прием.

Я сообщила, что благополучно вернулась, что жажду общения и принятия моего отчета о проделанной работе и буду звонить завтра утром. Или пусть позвонит сама, но не слишком рано. А помимо этого свяжется с Олегом. И пошла готовить как бы праздничный стол.

Но на полдороге остановилась, пораженная странной мыслью: я нажала – чисто случайно – не кнопку, на которой у меня числился Асин телефон, а кнопку повтора. Не мог же Сергей неделю моего отсутствия вообще никому не звонить, равно как и маловероятно, что за этот период никто не звонил нам. Сам же он Асе звонить не мог просто по определению, это даже мне было понятно. В общем, мистика какая-то.

Впрочем, я действительно сильно устала, и ошибка с кнопками мне могла просто померещиться. Наверняка все я сделала правильно, а теперь сама себе задаю неразрешимые задачки. Мало мне тех, которые Ася устроила? Пожалуй, хватит, и даже сверх того. Нужно переключаться на нормальную жизнь, точнее, готовится к новой, более приятной в деловом смысле.

А не в деловом? Если Анри действительно приедет в Москву и все пойдет по разработанному им плану, то как я смогу жить с Сережей? Уж если он ревнует к сущей ерунде,

то настоящую измену вряд ли пропустит, обязательно заметит. И что тогда произойдет – даже подумать страшно. Так что лучше и не думать, пусть все идет так, как полагается, то есть по тому сценарию, который кто-то там, наверху, за нас пишет.

Парижская сказка кончилась, с этим нужно смириться. Жить-то мне все равно предстоит в Москве, а мужем моим все равно будет Сергей, какие бы романтические чувств я ни испытывала к Анри, и что бы мне там гадалка ни пророчила. Романтика, конечно, штука совершенно замечательная, но в реальной жизни абсолютно непригодная. Проверено житейским опытом.

Тем более что служебный роман – это не только пошло, но и глупо, это знает любая мало-мальски сообразительная женщина. Мне же никогда не залетала в прелестную голову мысль завести романчик в своем институте, хотя определенным успехом у мужчин я там пользуюсь. Так почему на новой работе я должна нарушать старое, доброе правило?

Размышляя обо всех этих занимательных вещах, я чисто машинально накрывала на стол в кухне. Выбор был неплохой: заливной язык в желе, сырокопченая колбаса, какой-то салат в особой коробочке, кусок буженины, зелень и всякие огурцы и помидоры. Даже хлеб был, правда, только белый, который я почти никогда не ем, предпочитаю черный, точнее – ржаной. Ну, уж этот-то «деликатес» никуда от меня не уйдет: завтра же куплю в ближайшей хлебной лавке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.